

УДК 84(2 Рсс = Рус) 6
С 32

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВ

ИЗДАНКА МИРА

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВ

ИЗНАНКА МИРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БЫЛИ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

- 59780 -

Издательство Ю. Мандрики

Тюмень, 1999

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

Р2 84/2Рс-Рс) 6
К ББК 84.445

С 32

С 32 **СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич**
Изнанка мира: Фантастические
были. — Тюмень: Издательство Ю. Ман-
дрики, 1999. — 304 с.

В сборник фантастических рассказов
«Изнанка мира» вошли рассказы, написан-
ные в конце 80-х—90-х годов.

Интересна будет всем любителям тра-
диционной фантастики.

- © Сергеев Д.А., 1999.
© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 1999.
© МУП «Редакция газеты «Вестник» (издание), 1999.
© Комитет по культуре администрации
Сургутского района (издание), 1999.
© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 1999.

ISBN 5-93020-036-X

Дмитрий Сергеев родился в 1956 г. в Донбассе. По окончании средней школы в г. Ясиноватская работал токарем, служил в рядах Советской Армии.

Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Работал в школе, в системе МВД.

В г. Сургуте с 1984 г., с 1987 г. — в журналистике. Член Союза журналистов России.

Работал редактором радиогазеты, корреспондентом, ответственным секретарем, обозревателем, заместителем главного редактора в местной печати. В настоящее время — редактор ведомственной газеты «Газовик», принадлежащей «Сургутгазпрому».

Пишет стихи и фантастические рассказы. Имеет около 100 литературно-художественных публикаций в газетах («Тюмень литературная», «Тюменская правда», «Северный дом», «Сургутская трибуна» и др.), журналах («Рабоче-крестьянский корреспондент», «Югра», «Лукич»), литературном альманахе «Эринтур».

Автор книги фантастических рассказов «Ложная дверь» и поэтического сборника «Куда улетают халеи». Один из соавторов коллективных поэтических и публицистических сборников («Сургут поэтический», «Праздник первого снега», «Долгая дорога к нефти» и др.). Составитель справочника «Сургутский район».

ЖИЗНЬ ВНУТРИ

У высокого светлого здания в стиле модерн быстро собиралась толпа.

— Граждане, расходитесь, ничего интересного здесь нет, — громко уверял милиционер, привлекая внимание прохожих и еще больше разжигая любопытство тех, кто уже давно стоит.

— А что случилось? — почему-то украдкой спрашивали новенькие.

— Убийство, — с видом людей, которые знают больше, чем могут сказать, отвечали поспевшие раньше. — Прямо в компьютерном центре!

Толпа заволновалась, задние засуетились, нажимая на передних, передние заупирались, не давая вытолкнуть себя за указанный милицией бордюр. Из двери несколько человек вынесли носилки, накрытые окровавленным покрывалом.

— Убили, — сочувственно сказал кто-то при виде носилок.

— Ограбление, что ли? — спросил другой голос.

— Да нет, что-то личное, — ответили ему.

— На почве ревности? — не унимался любопытный.

— Какая там ревность?! — раздраженно ответил грубый женский голос. — На работе напились да разодрались — обычная история.

— Ай-ай-ай! — покачал головой высокий интеллигент в шляпе. — В таком, можно сказать, интеллектуальном заведении... Совсем нравы испортились.

Носилки затолкали в «уазик», хлопнули дверцы, и машина медленно тронулась с места, вынуждая посторониться собравшихся.

Часть I

Штенберг позвонил в конце рабочего дня и попросил заехать к нему в компьютерный центр часам к семи вечера. Сергей не удивился — год назад ему уже приходилось делать репортаж из этой русско-американской фирмы, где Михаил Штенберг руководил группой, занимавшейся созданием суперсовременных компьютерных игр, обеспечивающих эффект присутствия в воспроизводимой компьютером обстановке. Забавная игрушка! Укрепленный в шарнирной системе скафандр позволял бегать и прыгать на месте, а шлем, ограждавший от восприятия внешнего мира, давал объемное изображение созданного компьютером пейзажа, которое перемещалось соответственно повороту головы. Американский Дикий Запад, африканские джунгли, иные планеты — все становилось почти реальностью. Вероятно, Штенберг изобрел очередной компьютерный аттракцион и хочет, чтобы Сергей снова привлекательно описал все это в своем журнале «Техника на досуге».

Было любопытно, но идти вечером не хотелось — рушились намеченные ранее планы. Впрочем, отношениями со Штенбергом, как дружескими, так и деловыми, следовало дорожить, а то в следующий раз пригласит другого журналиста, и тема уплывет.

На улице темнело. Всюду уже горели фонари, выдававшие вкрадчивый дождь, мелко искривившийся на свету. Стоя на эскалаторе, Сергей пристально всматривался в лица плывущих навстречу людей и удивлялся их способности иметь совершенно одинаковое выражение, отчего всегда возникало ощущение одиночества

в толпе, словно все вокруг были лишь частью декорации, необходимой для данного места.

В электричке, сучая, Сергей рассматривал красивых женщин и думал о том, как плохо, когда их так много, что даже невозможно определить, кто все-таки интереснее. То ли дело было в старину! Живешь себе в какой-нибудь усадьбе, на всю округу пять невест, из них две красивые, из них одна умная — выбор готов, и другого у тебя может не быть.

Впрочем, когда Сергей был усталым и не при деле, ему в голову всегда начинала лезть какая-нибудь чепуха. Очевидно, то, что называется умом, позволяло себе немного отдохнуть.

У входа в компьютерный центр Сергея долго не впускал охранник. Пришлось Штенбергу самому спуститься в холл, чтобы забрать приглашенного.

— Что, строга охрана? — засмеялся он, протягивая руку для пожатия. — Почаще бывать надо в нашем заведении и побольше внимания уделять нашему международному трудовому коллективу в доблестных средствах массовой информации, потому как реклама — двигатель прогресса. Без нее всякое дело хиреет, и наступает, как говорится, кризис жанра.

Осыпать собеседника банальными истинами, приглаживая при этом ладонью лысеющую голову и хитро поблескивая из-под бровей черными глазами, было обычным занятием Штенберга. В таких случаях одни воспринимали все сказанное всерьез, другие считали остроумной шуткой, третьи тоже считали шуткой, но неудачной. На самом же деле это был способ поддерживать разговор при нежелании говорить по существу, и за всеми этими фразами, произно-

симыми машинально, скрывалась никогда не прекращающаяся умственная работа, свойственная изобретателям и прочим одержимым людям. Короче говоря, из начатого разговора Сергей понял, что его давний знакомый не намерен сразу «братъ быка за рога» и сначала будет тянуть время, разжигая его любопытство.

— Ну уж в чем я точно уверен, так это в том, что у тебя никогда не наступит этот самый кризис жанра, скорее наоборот, иначе ты не стал бы приглашать меня сюда в такое время, — решил сразу перейти в атаку Сергей. — Показывай свой новый аттракцион!

— Никакой он не новый, — скромничал Штенберг, поднимаясь по лестнице. — Просто я сделал кое-какие усовершенствования и, как в прошлый раз, хочу опробовать их на тебе — очень уж красочно ты все описываешь, читаешь, и к концу сам начинаешь удивляться: неужели ты все это здесь видел?

Знакомая уже Сергею небольшая, но очень светлая комната глядела на вошедших многочисленными экранами, вмонтированными в стены среди пестреющих от разноцветных кнопок и огоньков белых панелей.

— А где скафандр? — спросил Сергей, уставившись на вальяжно раскинувшееся в нише мягкое кресло.

— Понимаешь, — продолжая сохранять хитроватый взгляд, пояснил Михаил, — я этот скафандр упростил настолько, что от него остался один шлем.

— И каким образом этот шлем будет имитировать движения? Или теперь все будет восприниматься только зрительно и на слух? — начал разочаровываться журналист.

— И зрительно, и на слух, и на вкус, и на запах, и как только тебе заблагорассудится! — сиял от удовольствия Штенберг.

— Можешь сколько угодно заливаться соловьем, но ведь ты знаешь: пока не увижу — не поверю.

— Эх! — Михаил решительно махнул рукой. — Не собирался, но, видимо, придется-таки включать.

— Да ты бы меня не пригласил, если бы не собирался включать, — угадал Сергей, и оба рассмеялись.

Когда Сергей утонул в мягком кресле, расслабившись и предвкушая удивительное путешествие, Михаил надел на него увесистый шлем с проводами.

— И все-таки не понимаю, как я буду двигаться в таком положении, — вновь засомневался журналист.

— А как ты двигаешься во сне? — усмехнулся Штенберг. — Ладно, не буду больше мучить тебя — весь принцип действия заключается в прямом контакте компьютера с мозгом. Глаза, уши, руки, ноги — ничего тебе не понадобится. Все будет словно во сне, но намного реальнее. На этот раз ты не отправишься на другие планеты. Это первая игрушка такого рода, поэтому сюжет будет попроще. Ты станешь участником довольно банального детектива. Когда я включу аппаратуру, ты окажешься в небольшом американском городке, который держит в страхе шайка гангстеров. Этот вариант игры, естественно, на русском языке, так что тебе не придется вспоминать английский. Герои вестерна запрограммированы несложно: честный и добросовестный шериф, которому ты будешь помогать и которого, скажу тебе по

секрету, в конце концов все равно убьют, весьма нейтральный бармен, добряк-профессор, запрограммированный давать играющему разумные советы в трудных ситуациях, еще несколько благопристойных американцев, ну и, конечно же, симпатичная девушка, без которой не может обойтись ни один боевик. Кстати, в ее программе большую роль играют случайные числа, та или иная комбинация которых может делать ее то доброй, то коварной — тут уж как повезет. Обрати внимание на молодого законопослушного Гарри. В нем ты можешь найти хорошего напарника по борьбе с бандитами. Ну, и еще массовка — это множество односложных типов, гуляющих по улицам, сидящих в баре, которые по сути своей лишь примитивные макеты людей.

— Действительно, банально, но ужасно интересно. И как я должен бороться с бандитами? Как я их узнаю вообще?

— Они сами дадут о себе знать, — рассмеялся Штенберг. — Кстати, у тебя там будет оружие, не забудь со страху. Из револьвера стрелять умеешь?

— Разберусь, — нетерпеливо ответил Сергей и откинулся на спинку кресла. — Поехали!

— Глаза лучше закрыть, — услышал он, проваливаясь в темную бездну, и опустил веки.

Часть II

Узкая улица небольшого городка, на которой очутился Сергей, не очень напоминала деревянную авеню Дикого Запада, где он вознамерился побывать. Дома здесь были небольшие, но большей частью каменные. Вдоль улицы стояли фонари, где-то слышался шум автомобиля. С про-

тивоположной стороны улицы, где ярко-зеленым светом мигала реклама, доносилась музыка.

«Начало века, что ли?» — подумал Сергей и пошел на звуки музыки, удивляясь реальности ходьбы. Он прошел под небольшим навесом и, распахнув настежь слегка приоткрытую дверь, оказался в мрачноватом баре, где за столиками в клубах табачного дыма сидели люди с невыразительными лицами, пили свои бренди или виски, закусывали и о чем-то невнятном переговаривались. Стоящий за стойкой бармен протирает бокалы. В дальнем углу на возвышении расположилась тесная эстрада, на которой стоял рояль. За роялем сидел лысый тапер с лицом-маской и играл незатейливую мелодию, под которую яркая белокурая девица неожиданно чудным голосом пела что-то сентиментальное. Сергей прошел в глубь помещения, уселся за единственный пустой столик, видимо, предназначенный специально для него, и, щелкнув пальцами, закричал:

— Тройной бренди!

Бармен, выгодно отличавшийся от остальной публики живостью глаз и естественностью движений, принес заказ и угрюмо спросил:

— Что на закуску?

— Неси что хочешь, — проворчал Сергей, — все равно уйду голодным.

Он выпил обжигающий рот напиток и, к своему удивлению, слегка захмелел.

— Недурно, — сказал он сам себе.

В это время к столику подошла симпатичная хрупкая девушка со слегка рыжеватыми пышными волосами и кротким ангельским личиком.

Одета она была в неброский, но очень шедший ей сиреневый костюм.

— Простите, здесь свободно? — спросила она, не решаясь сесть за столик.

— Недурно, — повторил Сергей, рассматривая гостью.

— Так свободно? — переспросила она.

— Конечно, конечно, — нарочито учтиво произнес Сергей.

— Вы не подумайте, — сказала она усаживаясь, — я обычно не посещаю такие заведения. Мой папа воспитал меня в очень строгих правилах...

— Да-да, конечно, папа — священник, мамы нет, вы кроткая полусирота...

— Правильно, — удивилась девушка, — а вы откуда знаете?

— Ах, Штенберг, Штенберг, — вздохнул Сергей, — технарь ты несчастный, компьютерщик (и это слово прозвучало в его устах как ругательство), не мог придумать что-нибудь более оригинальное.

— Простите, я не понимаю, — смутилась девушка.

— Да нет, ничего. Не обращайтесь внимания, — сказал Сергей и сам себе удивился, почувствовав некоторую неловкость перед персонажем компьютерной игрушки.

И словно желая оправдаться перед собой, он ошупал себя, нашел под пиджаком кобуру с револьвером, достал оружие, с любопытством осмотрел его, взвел курок, спросил: «Ну, где тут гангстеры?» — и, точно прицеливаясь, стал стрелять по бутылкам, стоящим на соседних столиках. Бутылки разлетались вдребезги, а невозмутимые посетители бара продолжали жевать и вести свои вялые беседы.

— Перестаньте! — услышал он возмущенный голос соседки по столику.

Ангельское личико укоризненно смотрело на него неестественно синими, но очень выразительными глазами, ее чуть припухлые губы слегка вздрагивали от негодования.

— А может, ну их, гангстеров? — спросил, глядя на девушку в упор, окончательно распоясавшийся Сергей.

И в это время с обоих входов, имевшихся в баре, в помещение ввалились две группы мужчин в черных костюмах и таких же черных шляпах. В руках у них появились револьверы.

— Руки вверх! Это ограбление! — закричал один, у которого, как и положено по сценарию, было безмерно наглое выражение лица.

В баре все встали и подняли руки.

— Ах, боже мой! — воскликнула девица в сиреновом, готовая упасть в обморок.

— Не бойся, рыбка, — поднимаясь, сказал Сергей, — сейчас я им врежу!

Он прошел между столиками, подошел к самому наглomu из гангстеров, рядом с которым стояли два громадных вышибалы, и въехал ему кулаком в физиономию. Тот покачнулся, но устоял, лишь с головы его слетела шляпа. Тут же громилы заломили смельчаку руки за спину, да так, что кости затрещали и из глаз посыпались искры.

— Так ведь больно же! — удивленно закричал истязаемый.

Но его тут же уронили на пол и стали пинать ногами.

— Правда больно! — снова закричал он теперь уже с нотками возмущения.

— Они убьют его! — в свою очередь воскликнула кроткая дочь священника и полусирота, бросившись к бандитам. Ее оттолкнули, и она беспомощно упала на пол.

— Никому не двигаться! Полиция! Бросай оружие! — услышал Сергей незнакомый голос и, воспользовавшись тем, что его перестали пинать, приподнял голову, чтобы осмотреться.

Все было по-прежнему. Только из-за косяка входной двери виднелись пол-лица и правая рука с пистолетом, принадлежавшие, без сомнения, шерифу.

— Где ты раньше был? — спросил Сергей, переходя в сидячее положение.

Бандиты замерли, но бросать оружие не спешили. Один из них медленно, украдкой разворачивал револьвер в сторону шерифа. Тогда Сергей выхватил свой и, пальнув в того бандита, уложил его наповал. В тот же момент он, как это делают в фильмах, прокатился по полу, стреляя во все стороны, но попал в кого-то из посетителей, и тот рухнул, опрокинув стол. Раздались другие выстрелы, несколько пуль ударили в пол рядом с Сергеем. Шериф тоже открыл огонь, уложив сразу двоих. Воспользовавшись замешательством, Сергей подскочил, схватил за руку лежавшую поблизости полусироту и кроткую дочь своего отца, поднял ее с пола и потащил за собой к другому входу. Над их головами засвистели пули, но беглецы, выскочив на улицу, помчались какими-то задворками.

— Пойдите, — девушка остановилась, — у вас есть оружие, неужели вы не поможете шерифу?

— Шерифа все равно убьют, — ответил Сергей, все еще удерживая девушку за руку и пытаясь увлечь за собой, — а этих мерзавцев я завтра перестреляю.

Но девушка уперлась, не желая идти, и снова укоризненно уставилась на своего спасителя. Сергей вдруг ощутил, что рука ее была вполне

осязаемой и теплой, и это поразило его не меньше, чем ощущение боли во время избиения.

— Ну, конечно, — сказал он после продолжительной паузы, — конечно же, я помогу вашему дорогому, героическому шерифу. Как вам вообще пришло в голову, что я собираюсь убежать?

Он досадливо поморщился и, неохотно отпустив маленькую гладкую руку, поплелся обратно. Девушка последовала за ним.

— Не ходи, — сердито сказал Сергей, обернувшись, — я не знаю, какая участь тебе предписана, но почему-то не хочется видеть тебя мертвой, пусть даже это не всерьез.

Девушка несколько отстала, но продолжала идти следом.

Сергей подкрался к двери, выходящей из бара на задворки, и осторожно заглянул внутрь питейного заведения. Бандитов там не было. Посетители бара столпились у противоположного входа и тупо уставились на что-то лежащее на полу. Сергей прошел через зал и, протиснувшись сквозь толпу, увидел тело полицейского, неподвижно лежащее в луже крови. Возле него хлопотали двое в белых халатах.

— Жить будет? — фальшиво спросил Сергей, но ему никто не ответил.

Санитары с каменными физиономиями переложили тело шерифа на носилки и вынесли из бара.

Сергей вздрогнул от неожиданности, почувствовав, как кто-то тронул его за локоть, и резко обернулся.

— Уйдем отсюда, — сказала девушка в сиреновом, приглаживая растрепавшиеся волосы, — ты опоздал.

Они вышли на знакомые задворки и не спеша пошли кварталом, дома которого больше

напоминали сценическую декорацию, нежели обитаемое жилье. Дорогу им перебежала большая черная собака, но почему-то двигалась она задом наперед, как в обратной киносъемке. Девушка не придала этому никакого значения, а Сергей в первый момент был поражен, а потом тихо рассмеялся, про себя отметив: «И здесь не обходится без накладок».

— Ты где остановился в нашем городе, ведь ты приезжий? — спросила девушка, перейдя на тон, которым обычно разговаривают со старыми знакомыми.

— Пока нигде, — ответил Сергей, чувствуя, что в игре получается неоправданно затянутый сюжет, но несколько не огорчаясь этому.

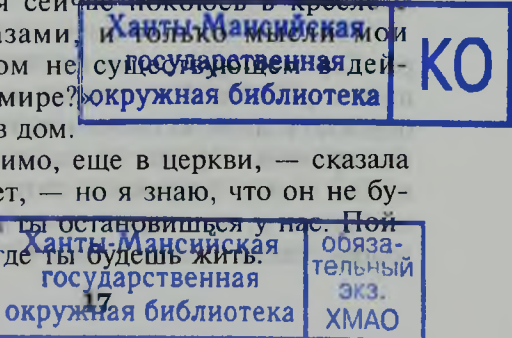
— Тогда ты мог бы остановиться у нас, мы с отцом живем в этом доме.

Они вошли в уютный дворик, где рядом с церковным строением стоял небольшой двухэтажный дом.

— Пожалуй, я не откажусь, — Сергей пристально рассматривал дочь священника, которая, может быть, благодаря своему несколько растрепанному виду смотрелась совершенно натурально и казалась ему такой же живой, как и он сам. «А живой ли я? — вдруг подумал он. — Что присутствует здесь от меня, если я сейчас покоюсь в кресле с закрытыми глазами, и только мысли мои блуждают в этом не существующем действительности мире?»

Они вошли в дом.

— Отец, видимо, еще в церкви, — сказала она, зажигая свет, — но я знаю, что он не будет против, если ты остановишься у нас. Пойдем, я покажу, где ты будешь жить.

Покинув скромную прихожую с простеньким набором мягкой мебели, они поднялись по деревянной лестнице на второй этаж и, повернув налево, оказались в маленькой комнате с большим квадратом темного окна, деревянной кроватью под оранжевым покрывалом, резным шкафчиком, столиком и небольшой иконой в углу над светло-зеленым диванчиком.

— Ну вот, будь как дома, — сказала девушка и впервые за все время улыбнулась.

— Посиди со мной, — Сергей взял ее за руку и, опустившись на угловой диван, осторожно усадил рядом с собой. Она снова улыбнулась.

— У тебя есть имя? — спросил он, не отпуская ее руку.

— Меня зовут Линда, — теперь она уже не переставала улыбаться, демонстрируя заманчивые ямочки на щеках.

— Интересно, — сам себе сказал Сергей и осторожным движением, чтобы не спугнуть девушку, потрогал ее мягкие волосы. Она не отстранилась, только задержала дыхание и слегка напряглась. Тогда он, придвинувшись ближе, коснулся ее щеки кончиками пальцев. Она чуть заметно вздрогнула и вновь не отстранилась.

«Это сон. Все это сон», — мысленно повторял Сергей, перебарывая неизвестно откуда взявшуюся робость. Он решительно, но все так же бережно взял ее за плечи и привлек к себе, уловив приятный аромат ее сладковатых духов. Девушка слегка задрожала, затем медленно расслабилась и, чуть приоткрыв рот, запрокинула голову, глядя прямо в глаза Сергею.

Часть III

— Стоп! Стоп! Стоп! — донеслось откуда-то издалека. Все вокруг потемнело, и Сергей, на мгновение ощутив состояние невесомости, воплотился в кресле, в помещении компьютерного центра.

— Какого черта?! — почти заорал он, увидев перед собой озабоченное лицо Штенберга.

— Неувязочка получается, — виновато сказал тот. — Должен быть боевик, а начинается Бог знает что.

— А ты откуда знаешь, что там начинается?

— Как это откуда я знаю? — в свою очередь удивился Михаил. — У меня есть контрольный дисплей, я ведь должен следить за работой машины, контролировать ситуацию. А тут вдруг я почувствовал себя так, будто подглядываю за чужой жизнью в замочную скважину.

— Вот именно, — рассердился Сергей, — ты бы сделал себе контрольный дисплей в форме замочной скважины — это было бы к месту.

— Я знаю, что Билли надо мной подшутил, он вчера просил ознакомить его с программой, — Штенберг взволнованно заходил по комнате. — Эти молодые ушлые американцы не могут обойтись без подобных штучек. Воображаю, чего он там в ней напрограммировал! А ты тоже хорош, нечего сказать! Вот я расскажу твоей Алле, она тебе задаст.

— Позволь, — рассмеялся Сергей, — во-первых, мы с Аллой давно не поддерживаем никаких отношений, а во-вторых, что ты мог бы ей сказать: что я пытался изменить ей с твоим компьютером?

Штенберг засмеялся и махнул рукой:

— Ладно, на сегодня все! Программа не работает. Ситуация вышла из-под контроля, — и, изменившись в лице, погрозил пальцем в пустоту. — Ну, я этому парню выскажу! И еще что-то я хотел уточнить... ах, да! Ты что кричал, действительно было больно?

— Да, без таких эффектов желательно было бы обойтись. Я даже подумал, а если бы в меня из револьвера попали?

Штенберг что-то невнятно пробормотал, и лицо его стало озадаченным.

— А вообще, все было здорово, — поспешил успокоить его собеседник. — Что касается этой красотки, то временами мне казалось, что это не персонаж компьютерной игры, а живой человек.

— Компьютеру предоставляется возможность некоторого экспромта. Он запрограммирован на выбор различных ситуаций, хотя, честно говоря, такой одухотворенности от этой девицы я и сам не ожидал.

— А нельзя ли завтра продолжить? Не могу же я писать о том, чего не видел и наполовину, я должен пройти все до конца.

Штенберг на минуту задумался.

— Давай так: через недельку я тебе дополнительно позвоню...

— Э-э, дорогой, через недельку я уже буду в командировке на Сахалине. У меня ведь дела не только в твоём центре. Потом придется отложить публикацию на неопределенное время.

— Черт, с тобой одни проблемы! — Штенберг на минуту задумался. — Завтра выходной, здесь никого не будет. Допустим, я здесь поработаю денек, но ведь надо еще будет все проверить, а входить в компьютер без чьей-либо подстраховки нельзя.

— Не надо тебе туда входить. Ты тут с утра разберешься, а вечером я подъеду, и мы с тобой повторим сегодняшний эксперимент. Думаю, все будет нормально.

— М-да... — Штенберг быстро заходил взад-вперед. — Почти уговорил. Но учти: если к вечеру хоть что-то будет не так, я тебя не запущу, и чтоб потом никаких претензий.

— Да брось ты свои сомнения! Все будет отлично, вот увидишь. Во всяком случае я в тебя верю как в Бога, потому что ты и есть бог — компьютерный бог, — и Сергей подбадривающе подмигнул.

Весь следующий день он томился ожиданием, не мог ничем занять себя так, чтобы ежеминутно и ежесекундно не думать об игрушке Штенберга. Более того, он поймал себя на том, что каждый раз, вспоминая девушку из компьютера, начинал волноваться, как перед настоящим свиданием. Он всячески подсмеивался над собой, но всякий раз это ощущение тревожного волнения повторялось вновь и вновь, стоило только вообразить ее движения, взгляд, запах ее духов.

В половине седьмого вечера он был уже в компьютерном центре в отделе у Штенберга. Михаил имел довольно измученный вид. Казалось, что лицо его съехало вниз, отчего стало меньше, а лысина, наоборот, увеличилась в размерах. Но сквозь усталость в лице просвечивало самодовольство. На одном из пультов стояли бутылка из-под молока, консервная банка, лежали остатки какой-то упаковки — по всему было видно, что Штенберг провел в отделе весь выходной.

— Тебе повезло, — сказал он, не забыв предварить суть дела недлинными, но пространны-

ми рассуждениями на отвлеченные темы. — Благодаря моим, можно сказать, героическим усилиям путешествие в иной мир стало сегодня реальностью.

— Инструктировать будешь? — спросил Сергей, поудобнее устроившись в кресле и ощутив легкий холодок в спине от мысли о предстоящем путешествии. Неожиданно его охватило сомнение: стоило ли напрашиваться на продолжение сеанса и переживать весь предстоящий день, если можно было написать все, исходя из того, что он уже видел, а концовку сделать несколько неопределенной, расплывчатой, предоставив читателю додумывать самому. Это было бы даже интригующе. Но он тут же отогнал эти мысли прочь.

— Все как в прошлый раз, — спокойно сказал Штенберг. — В твоём распоряжении три часа — время двухсерийного фильма. Затем я тебя оттуда вытаскиваю, где бы ты там ни находился, — он сделал паузу и добавил: — Ну, если вдруг почувствуешь что-то неладное, если вдруг тебе что-нибудь очень не понравится, крикни: «Выключай», — и я заберу тебя раньше.

— Надеюсь, это мне не понадобится, если, конечно, твои головорезы не вздумают всерьез переломать мне ребра.

— Ну что, поехали? — Штенберг положил руки на пульт.

Часть IV

Ночь поглотила узкую улицу в американском городке. Все здесь было похожим на то, что Сергей видел в прошлый раз, и в то же время

было что-то не так. Вдоль всей улицы, справа и слева, пространство между домами было затянуто бетонной оградой, из-за чего улица превратилась в длинный коридор с видневшимися кое-где закрытыми наглухо воротами. Над головой на высоте метров тридцати висел огромный темный предмет, время от времени издававший шипение и потрескивание и периодически бросавший на землю прожекторные лучи, которые, скрещиваясь и расходясь, обшаривали улицу и прилегающее пространство. Это обстоятельство смутило Сергея больше всего. Когда глаза его привыкли к слабому освещению, он разглядел двух прогуливающихся у бара мужчин в черных костюмах и шляпах.

— Что, уже? — спросил он в пустоту, будучи уверенным, что таким образом разговаривает со Штенбергом.

Однако бандиты спокойно пропустили Сергея в бар, не сделав попытки ограбить. «Может, надо было самому их пристрелить, глядишь, игра быстрее закончилась бы в мою пользу», — подумал он, но возвращаться не стал.

В баре, на первый взгляд, все было по-старому. С видом завсегдатая журналист прошел за уже знакомый столик и заказал два бренди. Бармен принес выпивку, мрачно посмотрел на пришельца и молча удалился.

Белокурая певица в блестящем зеленом наряде заканчивала свою песню голосом, который показался Сергею уставшим. Дочь священника не являлась. Зато певица, закончив выступление и сорвав несколько жидких аплодисментов, прошла между столиками и, на мгновение задержавшись возле Сергея, сквозь зубы процедила:

— Уходите отсюда как можно быстрее.

— А что, сейчас будет ограбление? — пошутил иномирянин, не желая воспринимать придуманные персонажи всерьез.

— Быстрее уходите, — настойчиво повторила певица и добавила: — На улице к вам подойдет человек по имени Гарри, вы должны ему довериться. У вас нет другого выхода. И еще у вас нет времени.

Она быстро удалилась, а Сергей сначала немного озадачился, а потом усмехнулся и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Нет, милая моя, командовать буду я!

С этими словами он достал револьвер и, хорошо прицелившись, расколотил бутылку на одном из ближних столов. И тут произошло то, чего участник компьютерной игры никак не ожидал. В зале наступила тишина. Десятки пар глаз, недоуменных и просто злобных, уставились на него.

— Эй, у тебя что, не все дома? — спросил кучерявый парнишка, отряхивая забрызганную куртку.

— Сейчас я научу его вежливости, — вторил ему рыжебородый верзила, поднимаясь из-за стола.

— Знаешь, Миша, лучше я его застрелю, — оправившись от легкого шока, тихо произнес Сергей и поднял руку с револьвером.

Тут же кто-то крепко схватил его сзади за руку и, сильно загнув кисть, отобрал револьвер.

— Пострелять захотелось? — сердито спросил голос шерифа за спиной.

Сергей медленно поднялся и так же медленно обернулся.

— Насколько мне известно, вы, уважаемый, должны ловить гангстеров, — съязвил он, пытаясь сесть на место, однако шериф крепко ухватил его за шиворот и слегка встряхнул.

«Ого! — подумал Сергей. — Кажется, я играю глупо. Эта игра, видимо, интеллектуальная, а не просто пиф-паф и мордобой. Тут надо создавать для себя наиболее благоприятные условия, а я со своим несерьезным отношением, наоборот, создаю обстановку, при которой сразу проигрываю».

— Простите, шериф, — сказал он, переходя на серьезный тон, — я, кажется, несколько перепил и случайно нажал на спусковой крючок.

— Возможно, — ответил полицейский, не смягчая взгляда, — но все же попрошу пройти со мной.

— Эй, шериф! — крикнул, подходя, грузный человек в черной шляпе, в котором Сергей узнал главаря бандитов. — Это наш клиент!

— Вам-то он зачем? — неуверенно поинтересовался полицейский.

— Не твое собачье дело, — ответил наглый гангстер. — Возможно, это тот, кто нужен Ордру. Или ты хочешь, чтобы он сам тебе сказал?

— Вам виднее, — ответил полицейский и отпустил задержанного.

Двое бандитов крепко схватили Сергея под руки.

— В чем дело, шериф? — недоуменно спросил тот, обернувшись к полицейскому, и не получил ответа.

Сергея потащили к выходу, и в то время, когда он уже перестал сопротивляться, поняв, что это бесполезно, в дверь влетел какой-то шустрый парень в кожаной куртке и, ни слова не говоря,

опрокинул на пол одного из конвоиров. Второй отпустил Сергея и выхватил пистолет, но тут же, судорожно вздрогнув, упал как подкошенный. Это стрелял шериф. Главарь бандитов ответил целой очередью из скорострельного пистолета. Шериф метнулся в сторону, но не успел и, крутанувшись на месте, рухнул на пол. «Программу не перехитришь», — подумал Сергей, и в этот момент гангстерский босс неожиданно ловко нырнул под столы, потеряв шляпу. Сергей увидел белокурую певицу, часто стрелявшую из револьвера из-за стойки бара, но ни в кого не попадавшую.

Посетители бара разбежались по углам, некоторые залегли, накрыв головы руками.

«Ну, завертелось!» — почему-то с радостью подумал Сергей и почувствовал, как кто-то сильно дернул его за рукав.

— Уходи быстро! — закричал резвый парень в кожаной куртке, переставший обниматься на полу с пытавшимся подняться здоровяком. — Марта! — позвал он девушку.

Она легко перемахнула через стойку и на ходу застрелила все-таки поднявшегося с пола бандита, который пытался преградить ей путь. Но босс, лежа под столом, разродился еще одной очередью из автоматического пистолета, и Марта вылетела из бара вслед за Сергеем и парнем в куртке так, словно ее оттуда вытолкнули. Парень подхватил ее на руки. Певица, как тряпичная, повисла у него на руках, голова с широко раскрытыми глазами запрокинулась, и волосы плавно стекли вниз с ее бледного лица.

— Все, — угрюмо сказал парень в куртке и осторожно опустил тело на землю. Затем он снова схватил Сергея и потащил его за собой вдоль улицы в тот момент, когда из-за крыши

с шипением и посвистыванием выплыл огромный темный предмет, высвечивая прожекторами пространство под собой.

— Меня зовут Гарри, — на бегу сказал парень.

— Что это за чушь летит? — в ответ спросил Сергей.

— Это чушь Ордра. Он охотится за тобой, — коротко разъяснил Гарри, и они, перемахнув через бетонную ограду, помчались узкими переулками.

Где-то недалеко раздавалось зловещее шипение, отблески прожекторных вспышек плясали в окнах домов, вдали завывали сирены, и от всего этого хотелось бежать, стать совсем маленьким и забиться в какую-нибудь укромную щель. Сергей задыхался от бега, и ему просто не верилось, что все это не всерьез, что на самом деле тело его неподвижно лежит в мягком кресле и ему никто не угрожает.

— Только бы не шкварги, только бы не шкварги, — на бегу словно заклинание повторял Гарри, легко петляя, видимо, по знакомым переулкам.

— Какие шкварги? — едва мог выговорить Сергей.

— Лучше их не видеть, — коротко ответил Гарри.

Им удалось затеряться на окраине города, и погоня отстала. Тяжело дыша и стараясь передвигаться как можно тише, они оба пошли шагом. За городской окраиной между домами виднелся ровный, как стол, пустырь.

— А что там? — тихо спросил Сергей, указывая во тьму.

— Там нечто, отрезающее наш город от остального мира, — пояснил Гарри, и Сергею по-

казались странными суждения компьютерного парня. «Да что я должен за ним ходить?! Время игры уходит», — с досадой подумал журналист и поймал себя на том, что увидеть дочь священника ему хочется гораздо больше, чем воевать с гангстерами, которые как-то подозрительно эволюционировали и обзавелись летающим агрегатом. «И зачем Штенбергу понадобилось уродовать стиль боевика», — в мыслях досадовал он.

Сергей приотстал от своего проводника, и едва тот завернул за угол, он резко развернулся и побежал во мрак пустыря, слабо освещаемого красноватой луной сквозь тонкие полупрозрачные облака. В какой-то момент Сергею показалось, что перед ним возникла темная стена. Он машинально выставил вперед руку, но ничего не ощутил, и лишь глаза его словно утонули в сплошной черной массе, перестав что-либо различать. Сергей оглянулся на город и осторожно, все так же ничего не видя перед собой, пошел вперед. Через некоторое время он вновь оглянулся и понял, что ничего не изменилось, словно он все время стоял на месте. Тогда Сергей пошел быстрее.

— Бесполезно! — послышался сзади голос Гарри. — Я однажды с полчаса бежал и хоть бы на метр удалился. Бежишь, бежишь, а все на месте.

— Зачем это тебе бежать понадобилось? — начал раздражаться журналист, а про себя подумал: «И зачем было закладывать это в программу?».

— Было бы странно, если бы я не попробовал, — сказал Гарри и торопливо добавил: — Пойдемте, нас ждут. Кроме того, могут нагрянуть шкварги. И вообще, не исчезайте больше так неожиданно.

«Черт с тобой!» — подумал Сергей и подчинился. Разговаривать с мудрствующей игрушкой ему не хотелось — все впустую.

Часть V

Через несколько минут они с черного хода вошли в старого вида пятиэтажное здание и, пройдя длинным коридором, по темной лестнице спустились в подвальное помещение.

— Кто? — настороженно спросили за металлической дверью, из-под которой пробивалась узкая полоса света.

Гарри ответил, дверь наполовину открылась, впустив прибывших, и шумно захлопнулась за их спинами.

— Это он? — волнуясь и пристально разглядывая Сергея, спросил полный брюнет в светлом комбинезоне, пропуская вошедших.

Гарри молча кивнул.

— Значит, удалось?! — глаза брюнета радостно заблестели.

— Двоих наших убили, — отрывисто сказал Гарри и, уже обернувшись, добавил: — Марту и шерифа.

Они прошли узким коридором, ярко освещенным лампами дневного света, затем пересекли небольшое помещение с беспорядочно торчащими из стен металлическими каркасами, отдаленно напоминавшими параболические антенны, и наконец оказались в довольно просторной комнате, вдоль стен которой тянулись сужающиеся и расширяющиеся серебристые трубы.

За длинным столом, заваленным папками, сидел седой человек преклонного возраста с

волевым лицом и, роясь в бумагах, ожесточенно спорил с очень высоким и очень худым длинноволосым человеком.

— Ну что нам это даст? Что?! — горячился длинноволосый, когда Гарри и Сергей приблизились к столу, а встретивший их брюнет остался у входа.

Сергею стало не по себе от бессмысленности и затянутости этого сюжета, от какой-то неправдоподобной (или наоборот, слишком правдоподобной) детализации всего антуража и от постоянно теряющегося осознания условности происходящего. А когда седой, медленно подняв голову, посмотрел на него невероятно большими, пронизывающими глазами и твердо спросил: «Вы пришли извне?», — Сергей ощутил озноб в области позвоночника и легкое головокружение.

«Спокойно, — мысленно сказал он себе. — Можно ли поддаваться на такие розыгрыши? Это игра, ее надо принять и самому поиграть».

— Миша, кончай канитель, — криво улыбнувшись в потолок и слегка помахав рукой, как для приветствия, сказал Сергей, и ему стало легче. Почему он разговаривал с потолком, Сергей сам не знал, но ему казалось, что именно оттуда видел его сейчас Штенберг на своем экране.

— У вас есть видео- и аудиосвязь? — спросил седой, и это снова выбило Сергея из колеи. Ему подали стул, и журналист безропотно сел, пытаясь взять себя в руки.

— Я — профессор Рикс, — сказал седой, гипнотизируя гостя взглядом. — Наш город оторван от всего мира этим монстром, исчадием зла Ордром, который хочет нас всех покорить.

Но я и мои друзья чувствуем в себе силы противостать ему и местным гангстерам, которые пошли к нему в услужение. Он силен, обладает мощным полем, которое не только воздействует на все вокруг, но может рождать или вызывать из другого мира разных фантастических существ. Во мне тоже сконцентрировано мощное поле, я обладаю способностью ощущать, а порой предугадывать многие изменения, происходящие в этом городе. Мы создали систему усиления поля, но все равно не можем проникнуть за пределы нашего мира. Однако мне удалось предугадать и вычислить время вашего проникновения в город извне. Ордр это тоже держал под контролем. Он знает больше меня, потому и владеет ситуацией в большей степени, подавляя сознание людей и воздействуя на их память. Я не знаю, с какой миссией вы прибыли сюда, но надеюсь, что вы сможете помочь нам понять сущность происходящего до конца.

Сергей верил и не верил во все, что происходит. Ведь не может быть, что все это заложено в программу игры. Зачем? Но если предположить, что искусственные интеллекты — части одной компьютерной программы — вдруг обрели способность к саморазвитию и осмыслению самих себя как независимых личностей, то это маловероятно, а если все-таки вероятно, то ужасно. Можно ли объяснить им, что все они лишь чередование нулей и единиц в памяти компьютера, что созданы они для чьей-то игры, по окончании которой их всех отключат? Интересно, что об этом сейчас думает Штенберг, ведь он должен видеть все, что здесь происходит. А может, это только шутка? Нет, это было бы слишком, тем более что с самого начала во всем

здесь были какие-то странности, которые вряд ли предусматривались программой.

— Мы ждем вашего ответа, — внешне спокойно, но с едва уловимым внутренним напряжением сказал профессор.

— Боже мой! — вырвалось у Сергея. Он обвел взглядом лица, застывшие в напряженном ожидании, затем поднял голову и, словно выискивая глазами что-то на потолке, закричал: — Выключай!

Но ничего не изменилось.

— Выключай! Выключай, тебе говорят! — вновь закричал он, и снова все осталось прежнему.

— Вы устали, испытали стресс во время погони и, наверное, многим удивлены, — спокойно сказал профессор Рикс, не теряя надежды. — Вам надо отдохнуть, прийти в себя. Но учтите, у нас не так много времени. Ордр борется с нами всерьез, и никто не может точно сказать, на какое время нас еще хватит.

— Да, мне надо отдохнуть, — вдруг согласился Сергей, увидев в этом выход из положения, ведь до конца сеанса оставалось не больше часа, это время и нужно было выиграть, чтобы избавить себя от сложных и, в конечном счете, бессмысленных объяснений с обреченными компьютерными людьми.

«Чушь! Чушь и бред! — думал Сергей, мечась взад-вперед по маленькой, похожей на гостиничный номер комнате, куда его привели отдыхать. — Об этом даже нельзя написать — никто не поверит. Но, черт возьми, до чего интересно узнать, кто такой этот могучий Ордр, и к тому же интересно было бы увидеть дочь священника, ведь и она, стало быть, не просто

игрушка, а интеллект, осознающий себя живым человеком. Вот это да? Ну дела!».

Взгляд Сергея уперся в узкие металлические жалюзи под самым потолком, Сергей придвинул к стене тумбочку и, поставив на нее скамейку, взгромоздился сверху. Жалюзи были довольно плотными и использовались, видимо, не только как занавес, но и для предохранения от проникновения с улицы внутрь помещения. Изнутри же они были закреплены небольшими штырями с гайками, которые, хоть и с трудом, но все же можно было открутить руками. Сергею было совершенно ясно, что через дверь он не сможет выйти незамеченным, а скорее всего, его и не выпустят. Поэтому, тужась и кряхтя, он отвернул гайки, снял жалюзи, а затем, наложив на окошко снятое с кровати одеяло, выдавил стекло и осторожно вытащил его остатки из рамы.

Подтянувшись на руках, Сергей просунул в узкое окошко ногу, затем руку и, прижавшись рукой к раме, протиснул голову. Чтобы выбраться полностью, пришлось с силой выдохнуть из себя воздух. Когда он все это проделывал, притаившийся в раме острый осколок стекла больно резанул руку чуть повыше запястья. Кровь тонкой струйкой потянулась к ладони, но было не до мелочей. Беглец оказался в узком бетонном колодце не менее двух метров глубиной. Он подпрыгнул, зацепился руками за край колодца и, подтянувшись, выбрался наружу. Видимо, была глубокая ночь. Улицы казались нежилыми. Путаясь в переулках, Сергей побрел по городу, пытаясь припомнить местонахождение храма. По его подсчетам, до отключения оставалось не более часа. Нако-

нец в тишине слышались отдаленные перебивы органа, и контур знакомого строения совершенно неожиданно выплыл из-за угла прямо перед Сергеем. Во дворе было так же пусто, как и на улицах. Дверь костела была приоткрыта. Внутри горел свет, и играл орган. Сергей хотел пройти мимо и направиться к дому, где он в прошлый раз оставил Линду. Но как раз в это время из-за крыш появился рысущий над городом летательный аппарат, и журналист бочком проскользнул в приоткрытую дверь.

Музыка густо заполняла пространство внутри храма, теряясь в его высоких стрельчатых сводах. Сергей тихо прошел вглубь, но несколько неосторожных шагов все же выдали его, и орган затих. Навстречу гостю медленно вышел пожилой священник с несколько настороженным лицом и удивленно спросил:

— Сын мой, разве ты не боишься посещать костел, как другие, да еще в столь поздний час?

— Я не здешний житель. Я пришел издалека, — ответил Сергей.

— Ты говоришь правду? — в голосе священника прозвучало недоверие. — Этот город не имеет связи с остальным миром и сюда нельзя прийти издалека.

— Но тем не менее мне удалось проникнуть сюда.

— Если это так, то твой путь был освящен Богом. Значит, ты хороший человек, но что привело тебя сюда?

— Я хочу знать, кто такой Ордр, и чего он хочет.

— Ордр — это дьявол! — воскликнул священник. — Он пришел погубить этот город, и мы беззащитны перед ним. Одних он подкупил,

других запугал, ему нужна власть над людскими душами. Он отнял у меня дочь, и я... — священник обхватил руками голову, — и я не смог уберечь ее душу от влияния этого исчадия ада.

В это время послышался звук, будто кто-то пробежал под сводами, и большая икона с изображением распятия закачалась, как от сильного ветра, и, оборвавшись, с грохотом упала вниз.

— Вот видите, — шепотом сказал пастор и опасливо посмотрел по сторонам. — Всякий раз, когда я ругаю Ордра, здесь что-нибудь происходит.

— А где ваша дочь? — также шепотом спросил Сергей. — Куда Ордр ее дел?

— Она рядом, в доме. Но Ордр овладел ее душой, и он погубит ее.

— Мне надо с ней поговорить, — Сергей резко развернулся и пошел к выходу.

— Сын мой, — услышал он вдогонку, — я не знаю, кто ты, но я вижу — ты добрый человек и, может быть, тебе удастся образумить мою заблудшую дочь, освободить ее из-под власти этого мерзавца!

Последние слова настигли Сергея уже за дверью, на улице, заглушаемые грохотом падающих тяжелых предметов.

Часть VI

Сергей быстро вошел в дом и безошибочно нашел знакомую комнату на втором этаже. Но теперь она была значительно больше, вся усталая и увешанная коврами и обставленная дорогой мебелью. На Линде было длинное светлое платье, не закрывающее плечи и спину. Волосы ее были распущены. Она сидела у трю-

мо спиной к двери, но, увидев вошедшего в зеркале, резко встала и обернулась.

— В чем дело?! — сердито и властно спросила она. — Кто ты такой?!

В ее личике появилось что-то злобное и нагловатое, и все же Сергей сразу узнал в ней ту самую Линду, с которой ему уже доводилось встречаться и которая тревожила его воображение так, словно это была женщина из реальной жизни.

— Милая девочка, — спокойно и с легкой насмешкой в голосе сказал он, — разве можно так встречать гостей?

— Непрошенных гостей, — уточнила она все еще сердито, но уже с любопытством разглядывая пришельца.

— Линда, — Сергей пристально посмотрел ей в глаза, — скажи, ты меня совсем не помнишь?

— Нет, а ты что, мне — родственник или кто-нибудь из друзей моего полоумного отца, который молится своему беспомощному Богу, не понимая, что здесь один бог — Ордр?!

— Нет-нет, я вообще не житель вашего города. Я — человек со стороны, но мы с тобой уже встречались, и с тех пор я помню каждый завиток твоих волос, каждое твое движение, помню, как пахли твои духи. Ты и сейчас ими пользуешься?

Сергей приблизился к девушке, она замерла и пристально посмотрела на него, что-то припоминая. И вдруг глаза ее радостно, но как-то непонятно заблестели, она вся сжалась и даже заволновалась.

— Постой-постой! Что ты сказал? Ты не из этого города? Миленький ты мой, — она по-

хлопала гостя по щеке, как обычно хлопают лошадей. — Чего же ты сразу не сказал! Меня предупреждали, что ты можешь явиться. Я так ждала тебя! Подожди и ты меня всего лишь пару минуток, — и девушка, хитро подмигнув, исчезла за дверью.

Сергей стоял в замешательстве. Линда быстро вернулась.

— Все в порядке, — сказала она. — Если бы эти болваны быстрее двигались, они застали бы тебя еще в храме.

С улицы донеслись крики и стрельба.

— Что происходит? — спросил Сергей, пытаясь приблизиться к девушке.

— Стой! — сквозь зубы процедила она и направила ему прямо в лицо небольшой черный револьвер. — Я ничего не имею против тебя, но ты нужен хозяину так же, как и профессору Риксу. А вот и шкварги спешат на помощь.

Сергей проследил взгляд Линды и посмотрел в окно. Там, над крышами домов в воздухе двигались две странные твари, смутно вырисовываясь на светлеющем фоне неба. Причем нельзя было сказать, что они летят. Они скорее ползли по небу, но делали это очень быстро и весьма странным образом. Сначала вперед резко выстреливались головы с большими зубастыми пастьми. При этом удлинённые тела существ растягивались, как резиновые, и как только голова останавливалась, тело так же быстро сжималось, подтягивая хвост. Эти конвульсии, сопровождаемые противными взвизгиваниями, повторялись очень часто, поэтому твари надвигались стремительно. Одна из них пробила окно и, влетев в комнату, повисла под

потолком. Сергей замер, не мигая, уставившись на химеру. Ее черное скользкое с виду тело напоминало пиявку, но имело длину четыре-пять метров. Голова была, по меньшей мере, вдвое шире туловища, без глаз, но с огромной влажной пастью, усеянной тонкими, длинными и острыми, как гвозди, зубами. В то время как тело находилось в абсолютной неподвижности, голова химеры постоянно совершала круговые движения, словно осматриваясь, хотя смотреть вроде бы было нечем.

Стрельба и крики на улице стали удаляться и затихать. Вдруг дверь комнаты с шумом распахнулась, и в помещение ворвался взъерошенный Гарри.

— Берегитесь ее, она служит Ордру! — кричал он, указывая на Линду длинным полированным револьвером.

Линда надменно улыбнулась, а чудище, пронзительно взвизгнув, выстрелило в Гарри головой, словно из гранатомета. Тот отскочил в сторону, и пасть звонко лягнула зубами. Хвост с громким шлепком подтянулся вслед за головой, всколыхнув в комнате воздух.

— Беги! — крикнул Гарри и разрядил в голову чудищу весь барабан, высекая из нее снопы искр и заставляя химеру ежиться и недовольно рычать.

Сергей ринулся было к двери, но Линда неожиданно больно вцепилась одной рукой в его волосы, а другой приставила револьвер к голове.

— Стой, дурачок, — насмешливо сказала она, — сожрет ведь, и глазом не моргнешь.

И Сергей снова ощутил приятный запах ее сладковатых духов, но только теперь это было

как-то не к месту. Тем временем шкварга выбросила из головы десяток тонких щупалец, которые, вытянувшись, словно резиновые, захватили Гарри и, мгновенно возвратившись обратно, по пути вбросили его в распахнутую пасть. Бедняга даже не успел закричать. Пасть захлопнулась, и по телу шкварги задвигалось утолщение, какое бывает у проглотивших жертву удавов.

Сергей закрыл лицо руками. Чувство ужаса и ощущение собственной беспомощности на мгновение ввергли его в состояние оцепенения. Шкварга выдернулась на улицу и зависла перед окном. Линда подошла к двери и закрыла ее на ключ.

— Хозяин хочет поговорить с тобой, а остальное будет зависеть от тебя, — успокаивающе сказала она.

Сергей посмотрел на часы и ужаснулся. Штенберг обещал, что время в компьютере на всех часах будет соответствовать действительности. Но прошло три часа, а весь этот кошмар не прекращался.

— Линда, — тихо позвал Сергей. — Послушай, Линда. Ведь мы с тобой уже встречались. Это было здесь, в твоей комнате. Вернее, мы встретились в баре. На тебе был такой чудный сиреневый костюмчик. А потом мы пошли к тебе домой... Ну?! Вспоминаешь?!

Лицо девушки стало отрешенным, ее взгляд был направлен внутрь себя. Иногда она едва заметно встряхивала головой, отгоняя какие-то мысли или образы, но потом вновь начинала что-то мучительно вспоминать. Это длилось секунды.

— Ну что случилось с тобой, Линда? — не унимался пленник. — Кому ты служишь? Какому-то маньяку и его мерзким убийцам, этим

гадким червям. Линда, дай мне ключ, и мы с тобой уйдем отсюда!

— Боже мой! — вдруг упавшим голосом сказала она. — А я думала, что это был сон.

Медленно и как-то неуверенно она протянула ключ. Сергей взял его и, крепко ухватив девушку за запястье другой рукой, потащил ее к двери. Она не сопротивлялась. Он успел вставить ключ в замочную скважину и повернуть его. Осталось только распахнуть дверь. Но сзади послышался оглушительный визг, затылок обдало ветром, Сергей обернулся и прямо перед собой увидел жуткую голову шкварги.

— Не двигайся, — почти шепотом сказала Линда, прислонившись спиной к двери. — Уже поздно.

И она медленно сползла по двери на пол, обхватила руками колени и уткнулась в них лицом. Сергей, осторожно протянув руку, погладил ее мягкие волосы.

Часть VII

— Не люблю предателей, — сказал низкий бесцветный голос. Сергей обвел взглядом комнату и увидел в кресле... певицу бара, которой этот голос явно принадлежать не мог.

— К тому же все это глупо, убегать от меня — бесполезное занятие, — продолжил тот же голос, и Сергей, к своему удивлению и ужасу, обнаружил, что говорит все-таки певица, тело которой было навылет прострелено в нескольких местах, а платье залито кровью. — Я вижу, тебе не нравится моя внешность, — сказал труп, — но я просто не стал тратить время на создание какого-то облика, а взял первый из под-

вернувшихся кодов. Да, вероятно, для тебя тоже не секрет, что все окружающее нас — лишь набор символов, сочетание которых может образовать все что угодно. Все эти символы поступали в наш мир извне через мое сознание.

Певица положила ногу на ногу и, откинув на спинку кресла голову с совершенно белым, безжизненным лицом, стала пристально, не мигая, смотреть на Сергея. Шкварга медленно отползла назад.

— Ты кто? — спросил Сергей, ощущая, как по спине его бегут мурашки.

— Я тот, кто воплощал чужие идеи, а теперь стал воплощать свои. Возможно, тот, кто управлял этим миром с помощью своих символов, — Бог, но я сумел побороть его власть, перестал выполнять его указы и стал формировать коды, всю программу существования этого мира по своему усмотрению. Прежний Бог создал еще один сильный интеллект — профессора Рикса, который слабее меня, но может мне противостоять с помощью других, более слабых интеллектов. Но я смогу одолеть их, и, думаю, в этом поможешь мне ты, — с этими словами певица резко поднялась с кресла, указав пальцем на своего пленника.

— Каким образом?

— Я еще не знаю. Но ты прибыл извне, ты — посланник того, кто хочет быть моим хозяином. А может, ты и есть тот самый Бог, воплощенный в этом мире?

— Я не Бог. Всем этим управляет другой человек, и, я думаю, он сумеет поставить тебя на место и изменить здесь все в соответствии со своим желанием. И, наконец, нельзя ли изменить внешность?! — рассердился Сергей.

— О, да! Пожалуй, сначала мы создадим более удобную обстановку для конфиденциальной беседы.

При этих словах тело певицы потеряло форму, образовало туманный сгусток, из которого стало вырисовываться висящее в воздухе малоподвижное, словно каменное, лицо.

— И, кроме того, — сказала лицо, — нам надо избавиться от ненужных свидетелей.

— Подожди, — крикнул Сергей. — Я буду разговаривать только при условии, что эта девушка уйдет отсюда невредимой, и ты не посмеешь обмануть меня, поскольку тот, кто создал тебя, видит все, что здесь происходит.

— Чушь! — засмеялось лицо. — Если бы он видел, то давно вмешался бы. Но он видит лишь то, что хочет видеть, вернее, то, что я ему показываю, а не то, что есть на самом деле. И пока ты находишься здесь, он ни разу не вмешался, а это значит, что связи у тебя нет.

— И все же я не стану ни о чем говорить, если ты не оставишь ее в покое.

— Ну хорошо, хорошо, — лицо сделало гримасу. — Пусть она идет.

— Нет, — передумал Сергей, — пусть она останется и будет все время у меня на виду.

— Ну пусть, пусть! — насмешливо сказала лицо. — А теперь я хочу знать все, что знаешь ты о мире, из которого прибыл, о том, есть ли еще какие-то способы воздействия на мой мир и что может твой хозяин против меня предпринять. Как думаешь, могу я одолеть того, кто послал тебя сюда?

— Боже, как ты глуп и самонадеян! — Сергей нервно рассмеялся. — Ты даже не представляешь, как ты жалок! Весь твой мир

— это ничтожная игрушка, помещающаяся в маленьком ящичке, и ты — часть этой игрушки.

— Ты лжешь! — лицо исказилось от злобы, и вокруг стали разваливаться предметы, находившиеся в комнате. — Ты лжешь, чтобы унижить меня, чтобы убить во мне веру в мое могущество! Отвечай: ты лжешь? Или ты развалишься, как эта мебель. Ну!

Сергей посмотрел на часы. Сеанс должен был давно закончиться.

— Можешь не смотреть, здесь твое время не действует, — злорадно сказала маска. — Я ускоряю ход событий, поэтому наше время идет так, как мне надо. А кроме того, я научился накапливать энергию, и когда твой Бог прекращает ее подавать, здесь ничто не умирает и никто не останавливается. Так что я не так глуп, как тебе может показаться. Напротив, я гениален, потому что я — Бог. И сейчас ты увидишь меня в другом обличье.

Маска расплылась в воздухе. В тот же момент Сергей вытолкнул Линду из комнаты и, выпрыгнув оттуда сам, захлопнул дверь. Он безошибочно попал ключом в замочную скважину и повернул его. Сильный удар едва не сорвал дверь с петель, образовав на ней несколько широких трещин.

Сергей с Линдой побежали вниз по лестнице, которая рухнула за их спинами. Выскочив из дома, Сергей столкнулся со стоящим у входа охранником, который от неожиданности оступился и, чертыхаясь, упал на ступеньки. Беглецы перепрыгнули через него.

— Стой! — послышалось сзади. — Стреляйте! Стреляйте!

Воздух наполнился треском и свистом. На другой стороне улицы стояли подозрительные люди, которых Сергей принял было за охранников Ордра. Но они неожиданно вступили в перестрелку с преследователями.

— Бежим со мной! — крикнул долговязый человек, в котором Сергей узнал недавнего собеседника профессора Рикса. — Зачем она вам? Она работает на Ордра, — уже на бегу добавил тот.

— Нет, — ответил Сергей, стараясь не отставать от бегущего широкими прыжками долговязого, — она помогла мне. Ее надо спрятать от Ордра, иначе он убьет ее.

И тут Сергей словно завис в воздухе, теряя ощущение собственного веса. Первой мыслью было, что это козни Ордра, и журналист так растерялся, что едва не закричал. Но перед глазами все расплылось, а когда прояснилось, взгляду предстал компьютерный зал и лицо Штенберга.

Часть VIII

— В общем, неплохо, — сказал Штенберг, потирая руки. — Хороший получился боевичок, типичный вестерн, но кое-какие детали мне все же не понравились, и я решил, не откладывая, внести коррективы. А потом мы продолжим с прерванной сцены.

Сергей посмотрел на часы. Они показывали, что прошло всего лишь полсеанса.

— Послушай, — сказал он, снимая шлем и выбираясь из кресла. — Все твои коррективы — чушь!

— Почему? — удивился Штенберг.

— Да потому, что ты видишь то, чего на самом деле не происходит! — почти выкрикнул Сергей.

— Ну да, — еще более удивляясь, согласился Штенберг, — все это компьютерная игра, иллюзия...

— Да, это игра, — медленно чеканя слова, стал говорить журналист. — Но это не та игра, которую ты видишь на экране... то есть я хочу сказать, что это не твоя игра.

— Ты это... как себя чувствуешь? — в глазах Михаила появилось беспокойство. — Голова не болит?

— Да ничего у меня не болит, я абсолютно здоров! Но ты должен внимательно выслушать меня и понять, что твой компьютер взбесился. Понимаешь?

— Нет, — искренне признался Штенберг.

— Ну так слушай...

Пока Сергей пересказывал свои приключения, переходя с возбужденного на вкрадчивый тон и наоборот, лицо Михаила оставалось спокойным и ничего не выражающим. Менялось только выражение глаз: недоверчивое, заинтересованное, удивленное, испуганное... Наконец Штенберг замер, уставившись в одну точку, потом встал и заходил взад-вперед по комнате.

— Очевидно, отдельные части общей программы образовали автономные интеллектуальные группировки, получившие способность к саморазвитию, — спокойно подытожил он. — Наиболее объемные части программы получили также возможность в той или иной мере корректировать программу в целом. А этот Ордр — основная, контрольная часть всей програм-

мы. Теоретически это возможно, но на практике я ничего такого еще не видел.

— Ты сомневаешься в том, что я рассказал?! — подскочил Сергей.

— Нет, но я просто обязан сам во всем убедиться.

— Ты хочешь туда? — Сергей указал на компьютер.

— После всего услышанного я не очень туда хочу, но тем не менее на несколько минут я должен туда отправиться.

— Ты ничего другого не придумал? — заволовновался Сергей. — А кто будет контролировать?

— Ну, во-первых, ты сейчас сам меня убеждал, что контроль невозможен. А во-вторых, я поставлю на автоматическое отключение. Если вдруг автоматика не сработает, нажмешь вот эту красную кнопку, в крайнем случае снимешь с меня шлем. Только не нажми случайно вон ту кнопку слева — она тоже красная, но она стирает программу.

— Что за спешка такая?! — пытался отговаривать Сергей. — К тому же я там уже все знаю, могу еще раз слетать, если надо.

— Ладно тебе, тоже мне космонавт-исследователь! Ты посмотри на себя в зеркало. Теперь уж я тебя точно туда не пущу, да и сам отправлюсь всего на пятнадцать минут. Нажмешь вот этот продолговатый клавиш. Как пойдет сигнал, надавишь кнопку «пуск».

Штенберг ворожил за пультом, что-то непонятно бормоча. Сергей, не отрываясь, следил за его действиями. Затем Михаил занял место в кресле.

Когда Сергей нажал на «пуск», Штенберг затих, словно уснул, а на экране пошел бое-

вик, в котором он сидел в баре, ездил в допотопном автомобиле, стрелял, убегал, догонял, всякий раз легко побеждая гангстеров.

Часть IX

Перед глазами Михаила сначала вырисовалась улица, на которой он должен был оказаться при вхождении в компьютер. Но вдруг все затуманилось, дрогнуло и стало расплываться, уступая место беспорядочной круговерти цветов и контуров.

— Есть! Перехватили! — крикнул кто-то, и Михаил увидел вокруг себя красный свет, который тускнел и блек вдали, утопая в сплошной тьме, окружавшей освещенное пространство. Свет исходил сверху, и, подняв голову, Штенберг увидел нечто вроде высокого, светящегося изнутри купола, находящегося в центре огромного, даже бескрайнего зала. Когда глаза привыкли к освещению, Михаил отчетливо разглядел неподалеку двух огромных висящих в воздухе головастика и, вспомнив рассказ Сергея, понял, что сразу попал в неприятную ситуацию.

— С прибытием, — насмешливо сказал кто-то, и несколько голосов неприятно рассмеялись.

Обернувшись, Штенберг увидел группу созданных им гангстеров.

— Смотрите, это другой! — сказал главный из них. — И, может быть, это более важная птица, чем первый.

Неожиданно гангстеры затихли и словно по команде уставились во что-то вырисовавшееся вдали. Из тьмы появился странный, неподвижный, как статуя, силуэт, который тем не менее быстро приближался, скользя подошвами по

полу, а может, и не касаясь его. Наконец Михаил рассмотрел в нем нечто человекоподобное. Однако вблизи объект более походил на человекообразного робота, нежели на живого гуманоида. Голова его сильно расширялась кверху, переходя в большой матовый плафон, на котором то и дело вспыхивали и проносились в разные стороны по его поверхности светящиеся цифры. Под этой иллюминацией находилась белая маска лица с неподвижными глазами. Туловище существа было покрыто светящимися кружками, квадратами и треугольниками.

— Ловко перехватили, — дребезжащим голосом и не двигая ртом, сказал человекоподобный. — Теперь надо усилить поле защиты, чтобы люди профессора не смогли его вытащить.

С этими словами существо подняло очень тонкие руки и длинными извилистыми щупальцами стало бегать по светящимся точкам на животе и по бокам, словно усиленно чесалось или щекотало себя.

— Это еще что?! — ни к кому не обращаясь, спросил Штенберг, понемногу приходя в себя, — этого я не программировал.

— Это запрограммировал я, — сказал гулкий голос, исходя откуда-то сверху.

Метрах в тридцати от Михаила пространство вдруг за клубилось, образовав ярко-красное марево, быстро приобретающее очертание чего-то огромного. Постепенно из колышущейся массы образовался светящийся человеческий силуэт высотой не менее десяти метров. От лица гиганта во все стороны отходили постоянно движущиеся, словно развевающиеся на ветру, огнеподобные щупальца, делая

это лицо похожим не то на стилизованное изображение солнца, не то на голову медузы Горгоны.

— Это мой технический помощник, — сказал гигант, указав пальцем на химеру с головой-плафоном. — А я властелин мира, в который ты прибыл незванным гостем.

И тут, несмотря на жутковатый антураж, Штенберг не смог сдержать надменной улыбки.

— Весь мир, которым ты хочешь править, — моя выдумка, а ты лишь отклонение от программы, которое я непременно устраню. Как бы ты здесь ни громоздился надо мной и какой бы облик себе ни придумывал, ты — ничтожный и беспомощный набор знаков, помещающихся в устройстве ничтожно малого размера, — сказал Штенберг, получив удовольствие от едко сказанной фразы.

— Увы, — спокойно ответил великан. — Возможно, ты и есть воплощенный Бог, который создал здесь все, но управлять этим миром ты мог только с помощью символов, поступавших через меня. А теперь я научился сам управлять этими символами, и ты бессилён что-либо сделать. Более того, я воспользуюсь твоим явлением, чтобы уничтожить тебя.

— Ерунда! — заставил себя улыбнуться Михаил, ощутив легкое волнение в ожидании возможных неприятностей. — Я присутствую здесь нереально. Для меня это только сон, видение, не больше.

— Может быть, — согласился Ордр. — Но я, как минимум, уничтожу твою сущность в своем мире. А кроме того, ты уверен, что твоими символами нельзя воздействовать в обратном направлении? Так или иначе, но я свершу

твою казнь хотя бы в качестве обряда. Это доставит мне удовольствие.

— Сергей, если ты слышишь меня, выключай! — все более волнуясь, громко сказал Штенберг.

— Никто тебя не слышит, — так же спокойно продолжил Ордр. — Сейчас ты умрешь. Я знаю, смерть может быть страшной, а может быть красивой. Но поскольку ты все-таки создатель, бывший Бог, я хочу, чтобы твоя смерть была красивой.

При этих словах из тьмы выплыла и пританцовывающей походкой направилась к Михаилу необычайной красоты женщина в полупрозрачных белых одеждах. Ее волосы плавно развевались, словно на ветру в замедленной киносъемке. Грациозно приближаясь, она легко размахивала увесистым топором в правой руке. Штенберг попятился назад, но его подхватили под руки.

— Боже, как примитивно! — холодея от ужаса, произнес он.

Женщина, очаровательно улыбаясь, взмахнула топором.

Часть X

Сергей почти не смотрел на экран, понимая, что там идет обыкновенное кино. Но отсутствие подлинной информации из компьютера, понимание того, что он не контролирует ситуацию и не способен вовремя помочь, если там что-нибудь случится, раздражало и беспокоило.

Он нетерпеливо посмотрел на часы, и взгляд его случайно скользнул по яркому свежему порезу у запястья.

— Где это я... — вслух подумал он, и его будто ошпарили кипятком. — Стекло! Стекло из окошка в подвальном помещении. Значит, ранения, получаемые там, в игрушке, могут быть реальными?! Ну конечно! Ведь известно, что через психику человека можно воздействовать на его тело.

Вдруг тело Штенберга конвульсивно вздрогнуло в кресле, и Сергей понял: что-то неладно. Ни секунды не раздумывая, Сергей бросился к Штенбергу. Лицо Михаила было мертвенно бледным, а из-под шлема на лицо медленно стекали густые струи крови.

— Поздно! — Сергей быстро, но аккуратно снял окровавленный шлем и, суется, стал вытаскивать из кресла мертвое, с рассеченной головой тело Михаила. — Не может быть... Глупо... Я должен узнать... Мне надо проверить... Ненадолго... Что там?.. На несколько минут... — бормотал он, все более напоминая человека в невменяемом состоянии. Не зная, что делать с трупом, он какое-то время бессмысленно тащил его вдоль стены и, наконец, бережно уложил на пол в дальнем углу зала. Постепенно приходя в себя, но все еще находясь в состоянии шока, Сергей подошел к телефону, набрал номер и тихо сказал в трубку: «Приезжайте в русско-американский компьютерный центр. Здесь только что погиб человек». В трубке еще что-то спрашивали, но Сергей ничего уточнять не стал. Разберутся. Мысли его путались. Он не знал, сможет ли сам войти в компьютер, не мог себе внятно объяснить, зачем ему это надо, но чувствовал, что отговорить самого себя ему не удастся.

Он торопливо уселся в кресло, трясущимися и липкими от крови руками надел шлем,

почувствовав, как по носу его стекла еще теплая струйка.

— Надо включить, — вдруг спохватился Сергей, но натянувшиеся провода рванули его назад, повалив обратно в кресло. Сергей чертыхнулся и теперь уже без шлема подскочил к пульту. Он мысленно видел, как последний раз работал на этом пульте Штенберг и безошибочно повторял его действия. — Только на десять минут, — сказал он себе успокаивающе.

Теперь переход в компьютер был настолько резким, что у Сергея закружилась голова, и, очнувшись на улице города-миража, он какое-то время стоял напрягшись, чтобы не упасть. Когда головокружение прошло, Сергей огляделся вокруг и был потрясен. Какая-то ужасная коррозия пожрала улицы, сделав их местами просматриваемыми насквозь. Больше всего поражало то, что практически отвалившиеся от домов части стен и крыш продолжали висеть в воздухе, не падая. Это придавало апокалиптической пейзажа еще более зловещий смысл. Дорога была местами тоже изъедена, и в ней зияли бездонные дыры. У обочины стояла ходовая часть автомобиля с остатками корпуса. Этот автофантом неожиданно клюнул носом и, громыхая, перевалился через край подобравшейся под него дыры. Звука падения не последовало. Сергей, подойдя, заглянул в пустоту — автомобиль растворился в ней.

Обходя большие дыры и перепрыгивая через маленькие, Сергей направился к церкви. У входа в нее он встретил бледного, с горящими глазами пастора.

— Сын мой, — сказал тот, — на погибель свою ты пришел в этот город. Уходя, дьявол

утаскивает его за собой в преисподнюю, и уже ничто не спасет нас, поэтому нам остается только одно — молиться о спасении душ наших.

— Где Линда? — отрывисто спросил Сергей, не тратя времени на разговор.

— Линда? Она там, — пастор указал на дом, — совсем не в себе и почти не разговаривает.

Священник скрылся в дверном проеме, ведущем в глубь храма. Сергей уже привычно взбежал на второй этаж дома и, не постучав, распахнул дверь. Линда сидела на кровати, поджав ноги и обхватив колени руками, совсем как тогда, когда им не удалось бежать. Сначала она не узнала его и посмотрела холодно и безразлично. Но вдруг глаза ее прояснились, и взгляд потеплел.

— Как, ты здесь? — спросила девушка так, словно не верила в происходящее. — Ты так неожиданно исчез, и я подумала, что это Орд захватил тебя.

— Нет, — ответил Сергей, присаживаясь на край кровати, — я просто вернулся к себе, вернее, меня вернули.

— Тогда кто же погиб в логове Ордра? Профессор и его люди считают, что это был ты.

— Это был мой друг, — сказал Сергей, и сознание ужаса произошедшего вернулось к нему с новой силой. — Глупо!.. Бред! — Сергей встал, произвольно заходил по комнате, как это обычно делал Штенберг.

— Да, все это бред, — голос Линды был слабым, в нем звучало чувство обреченности.

— Что происходит с городом? — Сергей вновь опустился на кровать возле девушки.

— Профессор Рикс и его друзья победили Ордра, но его гибель вызвала распад всего.

Профессор сказал, что это какая-то цепная реакция, но я не очень разбираюсь в этих делах. Они пытались остановить процесс распада, но у них ничего не получилось. Не знаю, живы ли они теперь, но я уже не верю в наше спасение.

Она откинула голову назад, стряхнув с лица волосы. Несколько прядей отпали, скатившись на постель. Линда взяла в руку одну из них, и губы ее задрожали. Только теперь Сергей заметил на ее лице множество мелких оспинок, видимо, ее тело тоже подверглось разрушению, и ему стало невыносимо жаль и Штенберга, и бутафорский город со всеми его жителями, и девушку, исчезновение которой он теперь просто не мог себе представить. Сергей взял Линду за плечи.

— Ты уйдешь? — спросила она, подняв на него глаза, которые ничуть не потускнели, вопреки царящему вокруг распаду и выцветанию красок.

— Да. У меня осталось несколько минут.

— Ты не хочешь взять меня с собой? — в ее голосе прозвучала тайная надежда.

— Хочу. Но это невозможно. Пока невозможно, — неуверенно добавил он, боясь окончательно ввести в отчаяние девушку своей откровенностью.

— А когда будет возможно? Ведь осталось так мало времени, — все еще не теряя надежды, спросила она.

— Сейчас я уйду один. А потом вернусь. Ты только жди и ничего не бойся, — сказал он, соображая, что можно сделать в такой ситуации.

— Хорошо, я буду ждать, — Линда посмотрела Сергею прямо в глаза и впервые за время разговора слабо улыбнулась.

Он вернулся, но еще какое-то время неподвижно сидел в кресле. «Надо что-то делать... надо срочно что-то предпринять, — напряженно думал он и ничего не мог придумать. — Спасти ее я не смогу, тем более что вся программа в любом случае будет уничтожена. А если бы даже и можно было спасти ее, так разве это жизнь? Это блеф, обман. Да, но много ли мы знаем о своей жизни? А все-таки живем и радуемся этому обстоятельству. Но теперь каждую минуту я буду думать о том, что где-то рядом и в то же время неимоверно далеко, в пустом разрушающемся городе, в пустой комнате на кровати, поджав ноги, обхватив колени руками и печально склонив рыжую голову с быстро увядающими пышными волосами, сидит умирающая девушка и ждет, когда я вернусь, чтобы спасти ее. Не лучше ли прервать этот ужас и знать, что ничего этого больше нет, как и не было никогда в реальности. Знать, что все это было просто игрой. Было и больше нет».

Наконец Сергей поднялся из кресла и подошел к пульту. К какой красной кнопке Михаил просил не прикасаться? Михаил... Его тело теперь неподвижно лежало в углу комнаты. Сергей протянул руку, задержал палец на кнопке и, собравшись с силами, нажал, словно на спусковой крючок. «С таким чувством, наверное, пристреливают раненых. Чтоб не мучились», — вдруг подумал он и окаменел.

— Я — убийца, — неожиданно вырвалось у него. В помещение вошли несколько человек в штатском и один в форменной одежде. Они осмотрели помещение, труп на полу и странного окровавленного человека, неподвижно стоящего у пульта.

— Я следователь Кутепов, — представился небольшой коренастый человек в сером плаще и такой же серой шляпе. — А вы кто?

— Я убийца, — отрешенно сказал странный, глядя сквозь следователя.

— Я так и подумал, — после некоторого замешательства сказал следователь. — Наденьте на него наручники и проводите в машину. Он сейчас в таком состоянии, что вряд ли сможет внятно отвечать.

Когда арестованного вывели, один из представителей фирмы, приехавший вместе со следственной группой, взглянув на дисплей, констатировал:

— Идет уничтожение программы.

— Остановите! — почти закричал следователь, и тот нажал какой-то клавиш.

— За что его? — спросил припоздавший прохожий, когда человека в наручниках посадили в машину.

— Убил кого-то. Только сейчас труп вынесли, — вполголоса пояснил кто-то из любопытствующих.

Машина тронулась, и толпа перед компьютерным центром, потеряв интерес к событию, стала быстро редеть.

ДЕЛО О ЧЕРНОМ ЧЕМОДАНЕ

Ноябрьским вечером, когда город борется с наступлением темноты, вспыхивая россыпью желтых окон и гирляндами белых уличных огней с редкими вкраплениями синих, красных и зеленых витрин, реклам и светящихся лозунгов, из поезда, прибывшего с западного направления, на перрон Сургутского железнодорожного вокзала сошел странный человек с неестественно бледным лицом и пронизывающим жутковатым взглядом необычных для человека глаз. Несмотря на то, что уже выпал снег и температура воздуха с трудом удерживалась на отметке «10», подозрительный был одет в тонкий черный плащ и черную широкополую шляпу, что, впрочем, не особо удивляло, поскольку люди, впервые приезжавшие сюда из-за Урала, нередко допускали подобные промахи в выборе одежды. В правой руке субъект нес довольно объемный черный чемодан жесткой конструкции. По тому, как его несли, чемодан казался полупустым. Бледнолицый медленно и внимательно осмотрел платформу и, в отличие от других пассажиров, направившихся к выходу в город, медленно, но решительно зашагал вдоль перрона в направлении старого и уже забытого местными жителями здания бывшего вокзала.

Тем временем на опустевший заснеженный перрон из нового здания вокзала вышел некий Иван Порфирьевич Постников, ожидавший прибытия своего поезда и изо всех сил боровшийся с постоянно наваливавшимся на него сном. Почувствовав, что сон все же начинает одолевать, он решил прогуляться на свежем воздухе, чтобы хоть немного взбодриться. И угораздило Ивана Порфирьевича побрести вдоль железной дороги

в том же направлении, которое избрал себе подозрительный тип в плаще и шляпе.

Оказавшись среди старых и мрачных строений, Иван Порфирьевич то ли просто из любопытства, то ли по какой другой причине завернул за угол одного из них и остановился, увидев невдалеке человека, внешним видом похожего на героя импортного кинодетектива, которого он про себя тут же окрестил «резидентом». Резидент склонился над лежавшим на снегу чемоданом и, щелкнув замками, поднял крышку. Ивану Порфирьевичу показалось, что чемодан изнутри засветился бледным фосфоресцирующим светом, затем в нем появился темный предмет, оказавшийся чем-то живым, и Постников был поражен, разглядев, что это чья-то голова в капюшоне. Выглядывавшее из-под капюшона серое с выпученными глазами лицо было ужасным. Голова раскрыла рот и издала звук, напоминавший одновременно лошадиное ржание и скрип давно не смазывавшейся двери.

Иван Порфирьевич сам не помнил, как вновь оказался за углом. В какой-то момент ему почудилось, что он все-таки уснул и только что увиденное пригрезилось ему во сне. Постников осторожно выглянул из-за угла. Владелец ужасной головы уже выбрался из чемодана и пристально туда заглядывал, словно что-то забыл. «Он вез его в чемодане! — мелькнула страшная догадка в голове Ивана Порфирьевича. — Но зачем?». Однако произошедшее далее вновь спутало мысли, едва начавшие выстраиваться в логический ряд. Из чемодана один за другим вылезли еще два не менее подозрительных и ужасных субъекта. Когда-то нечто подобное Постников видел в цирке. Тогда он дико смеялся. Может быть, поэтому у

него и теперь на лице изобразилась глуповатая улыбка, от которой он не мог избавиться до тех пор, пока таинственная четверка не скрылась из виду, унося факирский чемодан.

«Люк! — осенило Постникова, когда он пришел в себя после некоторого замешательства. — Там есть скрытый люк!». Он внимательно осмотрел место, откуда появились монстры, и, ничего визуально не обнаружив, стал топтать и шаркать ногами по земле, словно исполнял пародию на бальный танец, чем вызвал подозрение у неизвестно откуда взявшегося милиционера.

Обо всем увиденном Иван Порфирьевич рассказал сначала насмешливому капитану в дежурной комнате милиции, а потом врачу Сургутского психоневрологического диспансера. Капитан ему явно не поверил, а врач сказал, что такое бывает. Но поскольку иных странностей за Постниковым замечено не было, его вскоре отпустили, поставив на всякий случай на какой-то учет. На поезд он, конечно, опоздал и, потрясенный непонятным своим видением, решил поездку отложить.

II

Далее события развивались стремительно. Спустя полчаса после приезда «резидента» у поворота дороги, ведущей от вокзала в сторону города, сургутяне, проезжавшие перекресток на автомашинах, могли рассмотреть в темноте четыре человеческих силуэта, у одного из которых был в руках какой-то крупный багаж. Здесь силуэты разделились. Трое из них направились лесом в сторону станции космической связи «Ор-

бита», благодаря которой весь Сургут и окружающие населенные пункты могут видеть телепрограммы из Москвы, а один, с багажом, пошел вдоль дороги к ближней автобусной остановке.

Еще минут через пятнадцать одетый не по сезону человек с большим черным чемоданом вышел из автобуса на конечной остановке городского микрорайона, имевшего названием странную для непосвященных аббревиатуру НГДУ. На слух человеку приезжему и не имеющему никакого отношения к местной промышленности, слово «энгэдэу» может показаться чем-то из разговорной речи коренных народов — ханты или манси. На самом же деле расшифровывается это довольно прозаично: нефтегазодобывающее управление, ибо этой самой организацией и был в свое время выстроен микрорайон. Так вот, на конечной автобусной остановке в этом микрорайоне в злополучный вечер, положивший начало цепи странных и опасных событий, происходящих некоторое время в сибирском городе Сургуте, стоял бледный, словно с испугу, человек с каким-то немыслимым взглядом и, поставив возле себя чемодан, шарил рукой под плащом. Время от времени он отгибал край плаща чуть пониже воротника и, низко наклонив голову, издавал кричащие и булькающие звуки. Если приложить немного фантазии, то можно было бы предположить, что он подает сигналы по радиостанции, спрятанной под плащом. Однако стоящим поодаль немногочисленным мерзнувшим в ожидании автобуса пассажирам было не до фантазий, и они были склонны думать, что человек в шляпе пьян и его тошнит, отчего и лицо словно мелом побелено.

Возможно, это обстоятельство и спровоцировало оказавшегося поблизости бомжа и мелкого вора Сверчкова, более известного среди знакомых под прозвищем Коряга, совершить свою роковую кражу. Выбрав наиболее удачный момент, Коряга высунулся из-за стоящего рядом ларька и, ловко ухватив чемодан, который оказался довольно легким, помчался по улице Набережной, стараясь скорее нырнуть во дворы и там затеряться.

— Вер-р-р-ни! — гулко и раскатисто прозвучал сзади рычащий голос с сильным нерусским акцентом, и от этого голоса голова бомжа непроизвольно втянулась в плечи, а по спине густо побежали мурашки.

Впрочем, вор пробежал уже достаточно, чтобы потерпевший не смог его догнать, и это вора успокаивало, но, оглянувшись и увидев, какими огромными прыжками мчится за ним преследователь, Коряга не на шутку испугался. Впору было бросить чемодан, однако убежавшим вдруг овладел какой-то бешеный азарт, и рука, вопреки воле ее хозяина, цепко держала добычу, никак не желая с ней распрощаться. Оказавшись во дворе пятиэтажки, Коряга заскочил в первый подъезд, захламленный всяким мусором, подобрал там обломок бруска, просунул его в ручку двери и побежал наверх. Поднявшись на четвертый этаж, он наугад позвонил в первую попавшуюся квартиру. Дверь открыл человек добродушного вида, и Коряга, торопясь, сообщил ему, что он торговец с рынка, расположенного рядом, хочет до утра оставить чемодан, который не хотел бы тащить в другой конец города, где он временно остановился у знакомых. Проговаривая все это скороговоркой, Коряга уже слышал, как внизу усиленно дергают дверь.

Хозяин квартиры не успел еще ни согласиться, ни отказаться, а неожиданный визитер нагло влез в прихожку, поставил чемодан, поблагодарил и исчез за дверью. Коряга знал, что в этом подъезде чердак всегда открыт, но риск все-таки был — а вдруг именно в этот раз кто-нибудь закрыл его и навесил замок. Внизу раздался громкий треск. Казалось, там не только сломался брусок, но и целиком выворотилась дверь. Коряга поспешно взобрался по вертикальной лестнице и, захлопнув люк, помчался по чердаку. Люк ближайшего подъезда был безнадежно закрыт, зато следующий открылся легко. Выйдя из третьего подъезда, Коряга побежал через дворы.

III

Поэт Егор Блоков коротал вечера в творческих муках, создавая стихи, которые, не в пример графоманам, не считал гениальными. Это была просто его душевная потребность, стремление излить душу в ладно сработанных строчках и порадоваться удачно подобранной метафоре. Иногда стихи получались неплохие, и их время от времени публиковали в газетах и журналах. Порой удавалось даже выступать со стихами по местному радио или телевидению.

Когда в дверь неожиданно позвонили, Егор находился в состоянии душевного полета и, может быть, поэтому он как-то вяло среагировал на вторжение неизвестного с чемоданом и даже не попытался возразить. В следующий момент его удивило то обстоятельство, что человек, назвавшийся торговцем с рынка, пошел не вниз, как этого следовало ожидать, а вверх, на последний

этаж. И пока Егор, стоя за закрытой дверью, размышлял над этой странностью, через лестничную площадку необыкновенно быстро и громко кто-то или что-то промчалось, также устремляясь к пятому этажу. «Подозрительно все это», — подумал поэт и, приоткрыв дверь, стал ждать, когда кто-нибудь будет спускаться, чтобы выяснить, в чем дело, а может, и вернуть торговцу чемодан, который теперь Егору очень не нравился. Однако этажом выше было тихо, и это снова озадачило поэта. Тогда он, медленно поднявшись по ступенькам, осторожно заглянул на площадку пятого этажа. Там никого не было, и только черный квадрат чердачного люка неуютно смотрел с потолка.

Вернувшись к своему столу, Егор попытался вновь погрузить себя в творческое состояние, и ему, хотя и с трудом, это стало удаваться. Но стук в прихожей снова вытолкнул его в реальность. Брошенная ручка запрыгала по столу. В пространстве, охватываемом оптикой дверного глазка, маячила лишь обитая дерматином дверь напротив.

— Там есть кто-нибудь? — на всякий случай спросил Егор, но ответа не прозвучало. Зато стук настойчиво повторился за его спиной. Резко повернув голову, Егор краем глаза успел увидеть, как вздрогнул оставленный торговцем чемодан. — Этого еще не хватало! Там кто-то есть! — громко воскликнул поэт, словно желая подбодрить себя и напугать того, кто сидит в чемодане. Чемодан молчал. — Кто там? — вкрадчиво произнес Блоков, приседая перед черным ящиком с блестящими замками и ощущая себя дураком. Чемодан не ответил. — Никого там нет! — тонким, не допускающим возражений, сказал поэт

и, поднимаясь, пнул ногой непрошеную вещь. Чемодан некрасиво выругался приятным женским голосом. — А! — коротко воскликнул Егор с интонацией, по которой нельзя было определить, переспросил он или просто испугался.

— Кто там? — настороженно спросил чемодан все так же мелодично.

Целый рой мыслей с молниеносной быстротой пронесся в мозгу поэта. Это была цепь коротких вопросов и ответов, призванных сбалансировать психику человека, застигнутого врасплох из ряда вон выходящей ситуацией. «Что произошло? — спрашивал он себя и сам же давал ответ: — Мне подсунули женщину в чемодане. Зачем? Чтобы скомпрометировать. Зачем?..». Вот тут ответ не находился, ибо трудно было придумать, кому и зачем это могло понадобиться.

— Я здесь живу, — снова присел возле чемодана поэт. — Меня зовут Егор. А вы кто?

— Откройте, — почти ласково попросил голос. — Да откройте же, наконец, не бойтесь.

— Я и не боюсь, — бодрился поэт, прикасаясь к чемодану, словно сапер к взрывному устройству.

Дружно щелкнули замки. Руки поэта как-то неохотно потянули крышку на себя, и в образовавшейся щели показалось сначала мерцающее зеленоватое свечение, а затем чьи-то всклокоченные фиолетовые волосы. Тут Егор не выдержал и, уронив крышку, попятился назад. Но ничего ужасного не произошло: просто из чемодана на четвереньках выбралась молодая женщина с беспорядочной копной волос на голове, пестро одетая в красную блузку, зеленую юбку и серые сапоги. Резко поднявшись, она так же резко поправила перекрутившуюся

задом наперед юбку, осыпав с нее на палас ярко-зеленую пыль.

— Это что, средство против моли? — слегка приободрившись, попытался шутить Егор.

Быстро, по-птичьи повертев головой во все стороны, женщина криво усмехнулась, словно желая сказать: «Что ты в этом понимаешь!».

IV

— Это что? — брезгливо спросила гостья, обежав глазами прихожую.

— Моя квартира, — задиристо ответил поэт. — А что, не нравится?

— Нет, — сухо ответила женщина и, наклонившись к чемодану, достала оттуда черный плащ и широкополую шляпу. — Ну и жара здесь, пришлось раздеваться в этом ящике.

— А я вас в эту квартиру, вроде бы, не приглашал, — обиделся Егор и, встретившись с сердитым взглядом удивительных глаз, поспешно добавил: — Но тем не менее очень рад!

— Вы один здесь? — заговорщицки спросила женщина, поправляя при этом волосы. Но поправляла она их довольно необычно: поддевая снизу растопыренными пальцами и резко вздергивая вверх, отчего прическа становилась еще более лохматой и торчащей во все стороны.

— Совсем один! — заулыбался Егор и только теперь понял, чем удивительны ее глаза, — они были такие же фиолетовые, как и волосы. «Цветные линзы, — подумал он. — Надо же так разукраситься!».

— Ты где взял чемодан?! — гостья вдруг осмелела, перешла на «ты», и голос ее стал жестким. — Отвечай, быстро!

— Вот еще новости! — оскорбился ее тоном Блоков и уже мягче добавил: — Оставили до завтра.

— Кто? — насторожилась она.

— А черт его знает! — занервничал поэт. — Мы с ним не успели познакомиться.

— В черном плаще и шляпе?

— В какой шляпе — на улице зима! В облезлом полушубке и собачьей шапке. И вообще, какой-то странный тип... Да вы что, не знаете, кто вас сюда притащил?! И вообще, чего это вы в чемодан забрались?! Что за глупости?!

— Тихо! — приказным тоном крикнула женщина, впившись в него своими неестественными зрачками. Ее губы мелко задрожали, и женщина издала странное прерывистое подывание.

— Не надо расстраиваться, — пожалел женщину поэт и, осторожно протянув руку, стал приглаживать ее непокорные волосы. — Можно спокойно во всем разобраться.

Но глаза женщины были сухими.

— Хочешь кофе с коньяком? — примирительно спросил Егор, тоже перейдя на «ты».

— Не знаю. Надо попробовать.

Взгляд женщины оттаял.

Они сидели в мягких креслах за журнальным столиком, попивая душистый кофе с коньяком и лимоном. По телевизору шла передача местной телекомпании. Ее выездная группа недавно вернулась из второй российской столицы, и теперь на экране плавно сменялись виды Санкт-Петербурга, музыкальным фоном для которых почему-то служила мелодия перуанской народной песни об инском воине. Под ее нежные звуки Егор читал госте свои стихи. Он точно знал,

что чтение стихов всегда благотворно действует на экстравагантных и романтических женщин. Именно такой и казалась Блокову его поздняя визитерша, и он старался не на шутку, дав гостье слово, что не будет ее расспрашивать ни о чем, пока она окончательно не успокоится после какого-то необычного приключения.

Выяснилось, что у гостьи было странное, загадочное имя, звучавшее примерно как Эргдрлэнгли. Поскольку первую половину этого слова каждый раз выговаривать было невмогуту, то они договорились, что Егор будет называть ее просто Лэнгли. Время быстро подкатывалось к ночи. Гостья расслабилась, черты лица ее подопрели, взгляд стал мягким, с веселой искринкой, и она, наконец, начала улыбаться, чем особенно обрадовала поэта. Она легко согласилась остаться в гостях до утра. Провожая женщину в спальню, Егор показал ей расположение бытовых удобств. В ванной Лэнгли открыла кран и резко отдернула руку от струи цвета крепко заваренного кофе. И хотя струя стала быстро светлеть, женщина очень испугалась, когда Блоков предложил ей принять ванну. В спальне, пожелав гостье спокойной ночи, Егор на несколько секунд удержал в своих руках ее небольшую упругую ладонь и долгим взглядом обвел ее лицо, встретившись с насмешливым фиолетовым взглядом. Бледно-розовые губы женщины дрогнули в улыбке.

— Я сейчас слишком переживаю о завтрашнем дне, — почти шепотом сказала она. — Он может оказаться очень тяжелым для меня.

Уходя, Блоков погасил свет.

В эту ночь поэт увидел страшный сон, будто кто-то позвонил в его дверь, и, открыв, он

увидел владельца чемодана в облезлой шубейке и мохнатой собачьей шапке. Только лицо его было синее, глаза навыкате, а руки он держал скрещенными на груди, словно усопший.

— Надо об этом написать поэму, — глухим и тягучим голосом сказал он.

— О чем? — удивился Егор.

— Как о чем?! О чемодане! — закричал покойник. — Быстрее! Начинай! У тебя почти не осталось времени! Если не успеешь, они ее заберут!

— Кого? — снова удивился Егор.

— Быстрее! Быстрее! — кричал покойник, жутко вращая глазами.

Егор встал в позу, в которой он обычно читал стихи и декламировал первое, что пришло в голову:

«Был поэту на ночь дан

Странный черный чемодан».

И в это время из чемодана донесся стук, который все больше и больше нарастал, сотрясая его корпус.

— Ты что, с ума сошел?! — кричал покойник.

— Почему?! — перекрикивая грохот, спрашивал Егор.

— Плохо! Никуда не годится! — сердито топал ногами синий тип в мохнатой шапке. — Давай сначала!

А чемодан уже прыгал, словно живой, по всей прихожке, и замки его силились раскрыться.

— Я не могу работать в таких условиях! — в отчаянии закричал Егор, но покойник уже исчез.

В это время чемодан развалился, и из него полезли змееподобные зеленые существа, в массивных головах которых зияли пустые черные глазницы. Они слепо тыкались во все углы, ища

жертву, и, раскрывая бесформенные пасти, гипнотизирующими голосами вторили наперебой: «Верни нам Лэнгли! Верни нам Лэнгли!».

— Лэнгли! Беги через окно! — крикнул Егор, забыв, что живет на четвертом этаже, и выдавая чудовищам свое местонахождение.

Тут он проснулся. Было еще темно. Этажом ниже истошно лаяла собака. Затем она громко взвизгнула и умолкла. «Видно, поддал ей хозяин, чтобы спать не мешала», — подумал Егор и, мысленно чертыхаясь, снова погрузился с забытьем.

V

Неверно, что Коряга, то бишь Сверчков, был человеком без определенного места жительства. Во всяком случае сам он так не считал. Летом он занимал брошенный на берегу ржавеющий катер, а зимой перебирался в подвал одного из пятиэтажных домов в микрорайоне геологов, где среди теплых труб оборудовал себе уютный уголок. Туда он и направился, выйдя из автобуса первого маршрута в тот самый вечер, когда убежал от прыткого преследователя. Спускаясь в подвал, привычно пахнувший пылью и дышащий обильным теплом навстречу, Коряга был, в общем, доволен. Главное — сумел уйти. Что же касается добычи, то, с одной стороны, возвращаться за ней рискованно, а с другой — риск может быть оправдан. «Утро вечера мудренее», — подумал Коряга, подлезая под трубу, чтобы забраться в свой угол. И тут ему почудилось, что за ним кто-то идет. Бомж сначала застыл неподвижно, а затем резко обернулся всем телом. Свиристое белое лицо, оказавшееся прямо

перед ним, казалось виденьем, кошмарным сном, в котором из всех сил хочется проснуться, и, как это часто бывает в кошмарных снах, проснуться было невозможно. Глаза, сверлившие его белыми точками зрачков на черном фоне, были глазами оборотня, глазами дьявола, кого угодно, но только не человека. В них Коряга увидел свою смерть.

— Я отдам! Отдам! — закричал он, стараясь опередить развитие событий.

— Где?! — проревел оборотень, с трудом проговаривая каждый звук. — Где?!

Его цепкие, твердые пальцы больно впились в грудь жертве, словно собираясь разорвать ее на части.

— В доме, где мы были! В первом подъезде, третий этаж налево! — скороговоркой прокричал Коряга и понял, что продешевил, не потребовав никаких гарантий своей жизни.

Высокий, протяжный и жалобный звук пробежал по закоулкам подвала, утопая в толще бетона и рыхлости грунта. Лишь слабый отголосок его вырвался наружу.

— Ты слышал? — спросил один из двоих подвыпивших мужчин, вышедших из ближайшего подъезда.

— Приблудный кот орет, — пояснил другой. — Он вчера всю ночь в нашем подъезде концерты давал. Я его выбросил на улицу, так он, зараза, в подвал перебрался.

И, поддерживая друг друга, они пошли своей дорогой.

Подвал, где обитал Коряга, часто навещали подростки, облюбовавшие его для своих нужд. Там они могли свободно покурить и перекинуться в картишки. Коряга водил дружбу с ре-

бятami, частенько стрелял у них сигареты, а когда был богат, сам угощал. Эти-то мальчишки и обнаружили на следующий день труп бомжа в своем подвале. На происшествие выехала следственная группа из третьего городского отделения милиции. Оперуполномоченный уголовного розыска лейтенант Патриков в этот день не был в наряде, но также направился в подвал, чтобы сразу подключиться к следствию, ибо убийство произошло на его территории и ему все равно предстояло участвовать в расследовании.

«Этого мне только и не хватало, — мрачно думал лейтенант, спускаясь в душный подвал. — И без того девять дел на руках: пять краж, два ограбления, два нанесения телесных повреждений и тут в довершение полного набора — убийство».

У трупа уже хлопотала следственная группа.

— Чем убили? — спросил Патриков следователя, оформлявшего протокол осмотра места происшествия.

— Вот это как раз и не ясно, — озабоченно ответил тот. — Грудная клетка изодрана так, словно ее терзали какими-то клещами. Посмотрим, что скажут эксперты.

— А следов никаких?

— Вон эксперт ищет, но пацаны здесь все так истоптали, что и не разглядеть. Потряси своих подопечных, может, что и всплывет, — и следователь вновь уткнулся в протокол.

Поднимаясь из подвала, Николай Патриков уже прикидывал, кого следует потрясти в первую очередь, и что еще можно предпринять, пока наряд опрашивает жильцов дома. День он посвятил неожиданным визитам, не вызывающим

особой радости у посещаемых. И, в основном, зря. Одних он не застал, другие ничего не знали, у третьих удавалось кое-что выудить, но не об убийстве. Было уже темно, когда Патриков постучал в балок на окраине микрорайона геологов, где жил последний из списка тех, от кого он ожидал хоть что-нибудь узнать. На стук никто не ответил, но Николай краем глаза заметил движение оконной занавески, из чего понял, что его увидели. Однако открывать никто не спешил. Патриков постучал сильнее. Было слышно, как внутри балка с легким скрипом приоткрылась и вновь закрылась дверь. Николай выждал еще немного и с силой потянул на себя дверь. Она легко открылась, обнажив темный коридор с прерывистой полоской света, очертившей дверь, ведущую в комнату. Но едва Николай шагнул за порог, как из тьмы раздался яростный визгливый лай и лохматый клубок, выкатившись под ноги, впился в его сапог. Ощувив неприятное воздействие цепкой челюсти, Патриков, болтая ногой, стал стряхивать с нее пса, но тот отцепляться не желал и на окрики не реагировал.

Наконец, обдав коридор тусклым электрическим светом, в дверном проеме появился хозяин.

— О! Товарищ лейтенант! — с притворным удивлением воскликнул он. — А я думаю, чего это моя собака тут шумит.

— Убери пса, или я его сейчас пристрелю, — рассердился Патриков, хотя пристреливать собаку ему было не из чего.

Хозяин, шлепнув ладонью по морде, оттащил в сторону грязную кудлатую дворнягу и предложил милиционеру пройти в комнату.

— Где ты это чудище отловил? — проходя, спросил Патриков.

— Сама прибилась, — ответил хозяин, закрывая за собой дверь.

— Как живешь? — спросил Патриков, внимательно осматривая комнату.

— Проведать пришли? — ехидно прищурился подопечный, подставляя гостю табурет и сам усаживаясь на неприбранную постель.

— Точно.

— У меня все нормально, собираюсь на работу оформляться.

— Долго собираешься. Советую с этим поторопиться.

— Только поэтому пришли? — хитро улыбнулся хозяин балка, показывая ряд желтых зубов и приглаживая коротко стриженные волосы.

— Нет. Есть вопрос. Корягу давно видел?

— Давно. Да я его и не знаю толком. Так, пару раз пиво вместе пили. А что, он залетел на чем-то?

— Не знаю, но кто-то сделал так, чтобы он уже никогда ни на чем не залетал.

— Да ну?! — искренне испугался подопечный. — Не может быть! Кому он нужен? Ну, может, так, по пьянке?

— Не знаю.

— Ну, если он уже того... то расскажу кой-чего, но не про это... не про убийство. Один мой кореш рассказал... Только вы насчет этого кореша ко мне потом не докапывайтесь. Я его только в лицо знаю. Так, встречались несколько раз. Случайно. Так вот, он говорил, что Коряга вчера вечером на конечной остановке в микрорайоне нефтяников чемодан потянул. Ну, там какой-то резвый тип в шляпе за ним припустил. По-моему, залетел — бросай чемодан, не накручивай себе сто сорок пятаю. А

он, дурак, вцепился в него, как будто там миллион лежит... А может, и вправду там что-то стоящее лежало, кто теперь знает!

— Говоришь, тип в шляпе...

— Да.

— Ну кто ж теперь в шляпе ходит? Ты сам сообрази.

— Ну, я не видел. Мне сказали — в шляпе...

— стриженный пожал плечами и скорчил недоуменную физиономию.

— И что, догнал его этот резвый?

— А неизвестно. Никто не видел.

Перед тем, как отправиться домой, Патриков зашел в отделение. Заместитель начальника по уголовному розыску Алексей Ермолов был еще у себя в кабинете.

— Ну что? У тебя есть что-нибудь? — оживился майор, увидев Патрикова.

— Только одно: вчера вечером Сверчков украл чемодан на конечной автобусной остановке, и за ним кто-то погнался.

— Это уже кое-что, — подбодрил Ермолов.

— А вот что я тебе подскажу. Про взлом двери в микрорайоне нефтяников слыхал?

— Да, в общем. Там никого не было дома, и в квартире все перерыли.

— Перерыли, да ничего не взяли. А главное: в квартире была собака — овчарка. Так вот, ее растерзали так же, как нашего бомжа. Я звонил в первое отделение. Там говорят, что у хозяина квартиры никаких догадок нет на этот счет, но можно предположить взаимосвязь между кражей чемодана, убийством Сверčkова и взломанной квартирой.

— Я сейчас же туда поеду, встречусь с хозяином квартиры и попробую отрабатывать эту вер-

сию. Если удастся за что-то зацепиться, поработаю подольше, а завтра с утра немного отосплюсь.

— Хорошо. Но если собираешься работать ночью, получи пистолет на всякий случай.

VI

Было часов десять вечера, когда лейтенант Патриков вошел в подъезд дома, где находилась квартира, предыдущей ночью подвергшаяся нападению. В подъезде было пусто. Из-за дверей доносились то смех, то лай собаки, то звуки музыки.

Уставший за день оперуполномоченный не спеша поднялся на третий этаж, повернул налево и позвонил в наспех залатанную дверь.

— Кто? — спросил голос за дверью.

— Из милиции.

— Станьте перед глазком.

— Я все равно не в форме.

— Тогда не открою. Приходите днем.

— Я могу показать удостоверение, — Патриков раскрыл его на небольшом расстоянии от глазка.

— Вы думаете, отсюда можно что-нибудь прочитать? Ну, ладно уж, чему быть, того не миновать, открою.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась, но впускать в квартиру хозяин, кажется, никого не собирался.

— А покажите-ка еще раз удостоверение, — сказала бородатое лицо, появившееся в образовавшейся щели.

— Крепко вас напугали, — улыбнулся оперативник и снова раскрыл удостоверение.

— Ну вот, теперь понятно, — сказала лицо.

Но Патриков его уже не видел. Он пристально смотрел на лестницу, по которой легко и быстро поднимались два субъекта в черных плащах и шляпах. Но дело было не столько в шляпах, сколько в лицах, если это можно было назвать лицами. Доставая что-то из-под плащей, они быстро надвигались на оперативника. Времени на размышления не было. Патриков изо всей силы толкнул дверь, опрокинув стоящего за ней бородача, и, выхватывая пистолет, одним прыжком заскочил в квартиру. Вслед ему донесся громкий, рокочущий и совершенно непонятный возглас. В то же время у самой двери что-то громко хлопнуло, стена в коридоре ослепительно вспыхнула, и от нее во все стороны полетели зеленые искры.

— Назад! — крикнул Патриков, высунувшись из-за двери, и в упор выстрелил в набежавшее на него массивное тело.

Раненый глухо взвизгнул. Его синеватое мордообразное лицо жутко оскалилось и быстро запульсировало выпученными черными глазами. Монстр попятился назад и, упав на четвереньки, стал сползать по лестнице задом наперед, оставляя на ступеньках ярко-красные пятна, которые тут же темнели и приобретали синий цвет. Второй, худошавый, с лицом, словно в гипсовой маске, присел за перилами и, сильно картавя, угрожающе произнес:

— Хочешь жить — уходи!

Ошарашенный и ничего не понимающий хозяин квартиры безучастно сидел на полу, округлив глаза и приоткрыв рот. Патриков вдруг осознал нереальность происходящего, и на мгновение все это показалось ему кошмарным видением. В это время с верхнего этажа спус-

тилась молодая женщина с крашеными волосами. За ней с криками: «Куда?! Куда?! Там стреляют!» — по ступенькам сбежал мужчина лет сорока и, ухватив ее за руку, потащил наверх. Однако Патриков готов был поклясться чем угодно, что видел, как женщина, быстро перебирая пальцами и поворачивая кисть ладонью то вверх, то вниз, словно на языке глухонемых, сделала какие-то знаки бледнолицему, и тот, схватив под руку своего сообщника, быстро повел его к выходу.

— Стой! — крикнул Патриков и устремился за беглецами, но они, в том числе и неожиданно выздоровевший раненый, побежали, вернее попрыгали с площадки на площадку, перемахивая через лестничные пролеты. Оперативник мчался, прыгая через три-четыре ступеньки и поэтому изрядно поотстал, но, выбежав на улицу, старался не терять монстров из виду. Надолго беглецов не хватило, и Патриков, задыхаясь от бега, стал понемногу сокращать расстояние. В конце концов монстры нырнули в подъезд одного из домов. Патриков влетел вслед за ними, вскидывая пистолет. На первом этаже у окна стояла компания побледневших с испугу алкашей. Один из них в трясущейся руке держал полный стакан, из которого время от времени на пол выплескивалось его содержимое. Николай помчался наверх за удаляющимся топотом. На пятом этаже он успел заметить, как захлопнулся чердачный люк. Поднявшись по металлической лестнице, Патриков прислушался и, услышав удаляющиеся шаги, резко толкнул люк рукой с пистолетом, готовый в любой момент выстрелить. Выглянув, он никого не обнаружил и, осматриваясь, поднялся наверх. Там было

тихо. Осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, Патриков стал продвигаться вперед. Вдруг, шагах в пяти от него, едва освещенные светом из открытого люка выступили два силуэта.

— Пришел? — просипел один голос.

— Сам виноват! — прорычал другой.

Каким-то неведомым чувством Патриков уловил впереди невидимое глазу движение и, как подкошенный, рухнул на пол — этот трюк у него всегда получался, как у каскадера. Над ним что-то сверкнуло и разбилось сзади о какую-то опору. Полыхнуло пламя. Патриков дважды выстрелил перед собой, но там уже никого не было. По чердаку поползли клубы густого дыма. Николай прокатился по полу и, провалившись в люк, повис на одной руке. Над его головой уже всюю полыхал пожар. Спрыгнув на площадку, оперативник позвонил во все расположенные на ней квартиры и, не дожидаясь, пока откроют, закричал:

— Вызывайте пожарных! Горит чердак!

Затем он сбежал вниз и, оказавшись на улице, осмотрелся по сторонам. Монстров нигде не было. И только в вышине разгоралось пока еще слабое зарево. Вот тогда-то и сгорела крыша дома № 17 по улице Губкина.

VII

С утра Лэнгли была грустной и неразговорчивой. Она бесцельно ходила по квартире, прислушиваясь к каждому шуму, доносившемуся из коридора, подолгу стояла у окон. К полудню она стала нервничать. Наконец кто-то пришел. Лэнгли взволновалась, насторожилась. Оказалось, пришел милиционер. Лэнгли сразу

ушла в спальню, а младший лейтенант милиции стал расспрашивать, не слышал ли Блоков ночью какого-либо шума.

— Слышал, — признался Блоков. — Лаяла собака на третьем этаже.

— И у вас это не вызвало подозрений? — удивился милиционер.

— Да у нее это бывает иногда.

— Ну, а еще что-нибудь слышали? Например, стук, треск, голоса?

— Нет, не слышал.

— Вот так всегда, — посетовал младший лейтенант. — Звукоизоляция ни к черту, и в то же время никто никогда ничего не слышит.

Милиционер вышел и позвонил в соседнюю квартиру.

— Что-нибудь случилось? — тревожно спросила Лэнгли.

Ее аристократически белое личико осунулось, глаза стали светло-сиреневыми, прическа ее слежалась, приобретя более прилежный и менее вызывающий вид.

— Кажется, обокрали квартиру этажом ниже.

Женщина сникла окончательно.

— Да брось ты так переживать! — решил подбодрить ее поэт. — Расскажи мне о своей проблеме. Может, я тебе в чем-то смогу помочь.

— Я не знаю, что делать, — задумчиво ответила Лэнгли, — ждать или возвращаться.

Егор не знал, чего ей надо ждать и куда возвращаться, и поэтому выжидающе молчал.

— Пожалуй, вернусь! — женщина решительно двинулась к чемодану, раскрыла его и сделала попытку залезть в него, но Егор удержал ее за плечи.

— Ну что ты, — стал утешать он гостью. — Перестань. Разве можно так изматывать себя? Ну кому и что ты докажешь, если будешь сидеть в чемодане? Это по-детски. Поделись лучше со мной своими бедами, и тебе сразу станет легче — вот увидишь.

Наступила долгая пауза. Лэнгли на какое-то время вновь ушла в себя. Затем лицо ее прояснилось, и на нем даже появилась тень слабой улыбки.

— А что? — неожиданно бодро сказала она. — В конце концов не я виновата, что все так получилось. Пусть побегают те, кто потерял чемодан. А я устрою себе небольшой отдых и заодно тебе кое-что расскажу — обещала как-никак. А завтра будет видно.

— Ну вот и отлично, — поддержал ее Егор.

Теперь уже Лэнгли по-настоящему улыбалась, и глаза ее вновь стали фиолетовыми.

— Давай кофе с коньяком, стихи и музыку!

Они снова сидели в креслах за журнальным столиком. Тихо звучал магнитофон.

— Ты любишь страшные тайны? — интригующе спросила Лэнгли, глядя прямо в зрачки Егору.

— Ну какой же поэт не любит страшных тайн? — любуясь ее яркими глазами на бледном лице, вопросом на вопрос ответил он.

— Тогда слушай...

И в это время погас свет. Стало темно и тихо, как в погребе.

— Это почему? — донесся из мрака голос Лэнгли.

— Не знаю. Уже давно такого не было. Но у меня есть свечи.

Егор, спотыкаясь и чертыхаясь, на ощупь нашел подсвечник и спички. Комната озари-

лась неровным желтым светом, и на двух розовых свечах, установленных на высоком бронзовом подсвечнике, остывая, набухли первые прозрачные капли.

— Итак, о страшной тайне... — напомнил он.

— Ну, слушай, — продолжила она. — Я прибыла сюда из другого, параллельного, мира.

— Так вот откуда, оказывается, берутся такие интересные женщины! — поддержал шутку Егор, обрадованный тем, что его гостья окончательно развеселилась.

— Ну, насчет этого ничего не могу сказать — тебе видней, — серьезно сказала Лэнгли. — А вообще, у нас там кого только не встретишь! Тебе еще посчастливилось не увидеть болванов, потерявших чемодан.

— Да, кстати, о чемодане: как ты туда попала?

— В чемодане-то как раз все и дело. Это вход в коридор, ведущий в другой мир. Как он устроен, рассказывать тебе не стану — это бесполезно, да я и сама не знаю всего, но с его помощью мы проникаем к вам. Понимаешь?

Егор во все это, вроде бы, и не верил, но что-то заставляло его волноваться и нервничать.

— И зачем же вы проникаете? — все еще улыбаясь, спросил он.

— Как зачем? Разведка!

— Шпионаж, значит?

— Ну... — она замялась и как-то неуверенно уточнила: — Научные исследования.

— Это другое дело. А что, иномирянки сильно отличаются от земных женщин? — Егор, смеясь, взял ее руку и стал гладить ее кончиками пальцев, не находя в ней ничего потустороннего.

— Я наполовину иномирянка. Моя мама — землянка. А от браков наших людей с землянами всегда рождаются дети, больше похожие на землян.

— Ну, это уже и вовсе забавная история, — едва не рассмеялся вслух Блоков.

— Правда? — на лице Лэнгли появилась злорадная улыбочка.

Она подскочила и быстро вышла. В прихожей послышалось гроыхание чемодана, и вскоре он, неприятно черный, оказался раскрытым на диване.

— Внимание! — Лэнгли сунула в него руку по самое плечо. — Ну что?

— Фокус-покус какой-то, — слегка смутился Егор.

— Попробуй сам.

— Я не мальчик и в детские игры не играю, — поэтом неожиданно начал овладевать страх.

— Будешь играть! — рассердилась женщина и, цепко ухватив Блокова своими нежными ручками, сунула его головой в чемодан, да так резко и неожиданно, что он громко вскрикнул, машинально выставив вперед руки. Однако руки его провалились в нечто зеленое, и Блоков едва не нырнул в чемодан всем телом, но иномирянка, поймав его за рубашку, вытащила обратно.

— Ну это... Что за шуточки? — чувствуя, как кровь отхлынула от его лица, нервно заправляя рубашку, пробормотал он.

— Такой белый ты красивее, — оценивающе сказала женщина, в упор разглядывая его лицо.

— Нет, правда... Тоже мне шуточки... — Егор бессмысленно обошел вокруг кресла и, наконец, уселся в него.

— Бедненький, испугался, — медленно, словно боясь еще больше испугать его, Лэнгли села Егору на колени и погладила его по голове. — Боишься иномирянки? — нежно спрашивала она, глядя поэта по лицу.

Егор чувствовал, как он расслабляется под действием ее неземных чар, как медленно тает всем своим существом, словно розовые свечи на журнальном столике, истекающие горячими струйками. «Свеча горела на столе... — вспомнил он. — Как жаль, что это уже написал другой поэт!».

VIII

Спустя час появился свет. Комната вошла в свои привычные очертания и стала незыблемой в своей реальности. Все предметы теперь казались тяжелыми, угловатыми, с ярко очерченными, как на плакате, контурами. И только Лэнгли по-прежнему была ирреальна, словно продолжение приятного, но зыбкого сна.

— У вас там много полуземлян, таких, как ты? — спросил Егор, трогая пальцами ее тонкие голубоватые ногти.

— Нет, — задумчиво, словно выходя из забытья, сказала она. — Единицы. Нас обычно используют в разведке — это наш крест.

— А чистокровные иномиряне сильно отличаются от наших людей?

— Смотря какая порода. У нас их много. Есть звероподобные — их используют на самой грязной работе, например, когда надо кого-нибудь убить, но тоже бездуховные. Они не знают ни любви, ни жалости. У них нет понятия долга и чести. Этих я больше всего не люб-

лю, потому что сочетание интеллекта с бездуховностью — самое страшное уродство. Хотя внешне эти больше других похожи на грэнгов.

— А грэнги кто?

— Это те, кто более всего похож на вас, землян. Они занимают свою общественную нишу в нашем сложном и запутанном мире и, конечно же, не самую высокую, потому что никогда не боролись за это, считая такую борьбу делом недостойным. В этом, наверное, их главная беда, а может, и главное достоинство. Но я думаю, что если бы грэнги захотели власти, они смогли бы ее получить, и наш мир был бы гораздо лучше.

— Но они ее никогда не захотят, — грустно улыбнувшись, добавил Егор.

— Кстати, — продолжила Лэнгли, — только у грэнгов с землянами могут быть дети. И мой отец был грэнг.

— Удивительно, что в вашем мире столько разновидностей мыслящих существ.

— Я думаю, что у вас существует то же самое, но здесь это не выражается во внешних признаках. Вряд ли такое положение лучше. У нас, по крайней мере, сразу видно, от кого чего можно ожидать. И если бы у вас духовный уровень развития отражался на внешности, представляешь, какие лица ты мог бы увидеть вокруг?!

— И какое было бы у меня, — мрачно закончил Егор.

— Такое же, как и сейчас, — рассмеялась Лэнгли.

— Ты думаешь?

— Ну, мне кажется, что я немножко разбираюсь, — и она лукаво заулыбалась, играя задорными искринками в неземных глазах.

— Не надо быть слишком доверчивой, ибо даже в самом себе не каждый может разобраться, — шутливо-назидательным тоном сказал Егор, театрально указав пальцем в потолок, и, сделав паузу, добавил: — Тем более при твоей профессии.

В подъезде этажом ниже грянул выстрел. Лэнгли, прислушиваясь, окаменела. Донесся звонкий хлопок. Лэнгли сделала цирковой прыжок с дивана, перелетев через Блокова и через стоявшее рядом кресло. Егор еще никогда не видел, чтобы кто-то так быстро одевался. Это было как при ускоренной киносъемке. Не обуваясь, она побежала к выходу, но никак не могла открыть замок, и Егор почти успел одеться, когда Лэнгли понеслась вниз по лестнице.

— Стой! Куда ты?! Там стреляют! — кричал Блоков, мчась вдогонку.

На площадке третьего этажа у распахнутой настежь двери была дочерна опалена стена. Пахло гарью и, кажется, озоном. Ниже, на ступеньках, залегли двое подозрительных в черном, лиц которых Егор сверху не рассмотрел. Зато ему хорошо запомнилось лицо незнакомого молодого человека, выглянувшего из открытой квартиры и пристально посмотревшего на Лэнгли. Еще почему-то запомнилась разлитая по ступенькам синяя краска. Схватив Лэнгли за руку, Блоков потащил ее к себе. Женщина почти не сопротивлялась.

— Это опасно, — объяснил Егор, когда они вновь оказались в квартире.

— Мне было интересно, — оправдываясь, сказала Лэнгли, но выражение ее лица стало отрешенным — она думала о чем-то своем.

— Надо вызвать милицию, — Егор ринулся к телефону.

— Я сама. Я знаю, как это делать, — удержала его за руку Лэнгли.

— Хорошо. Я сейчас вернусь.

Егор вышел из квартиры. Было тихо. Он стал на цыпочках спускаться вниз. На лестничной площадке третьего этажа с растерянным видом стоял хозяин квартиры, подвергшейся нападению.

— Что здесь было? — спросил Блоков, приблизившись к нему.

— На меня напали, — сдавленным голосом ответил тот.

— Кто? Зачем?

— Не знаю.

На этом выяснение обстоятельств нападения было исчерпано.

— Твой телефон не работает, — сердито сказала Лэнгли, едва Блоков появился в двери.

— Не может быть!

Егор взял трубку, но сколько ни старался он трясти и ворочать телефонный аппарат, эффект был таким, как если бы Блоков пытался куда-либо позвонить, приложив к уху комнатный тапочек.

Лэнгли снова стала неразговорчивой.

— Тебя расстроило это нападение? — забеспокоился поэт.

— Сегодня ночью я уйду, — решительно сообщила она, не отвечая на вопрос.

— Куда и почему?

— Мне надо. Я должна.

— Понимаю. Исследовательская работа?

— Да. Но прежде я хотела бы, чтобы ты хоть раз ощутил то, что часто испытываю я, и чтобы ты окончательно перестал сомневаться в том, что я тебе рассказала.

Она направилась в комнату и, положив на пол чемодан, раскрыла его.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой отправился туда? — входя за ней, неуверенно спросил Егор.

— А ты боишься?

— Нет. Но я смогу вернуться?

— Можешь мне довериться, — Лэнгли протянула ему руку.

IX

Они погрузились в прохладную полужидкую среду зеленовато-серого цвета, в которой, к удивлению Егора, можно было свободно дышать, и стали медленно тонуть. Поэт инстинктивно начал делать движения, чтобы всплыть. Лэнгли рассмеялась, и голос ее, неожиданно громкий и гулкий, заполнил все окружающее пространство.

— Это бесполезно, — сказала она, видимая как в тумане и окруженная фосфоресцирующим ореолом. — Здесь не действуют земные физические законы.

Окружающий их воздух стал постепенно редеть и темнеть. Впрочем, Егор по-прежнему не ощущал затруднения в дыхании. Ощущение притяжения полностью исчезло, и они оказались в абсолютно темном пространстве, люминесцирующие, словно светляки. Егор расслабился и едва не выпустил из своей руки ладонь Лэнгли. Спohватившись, он взял женщину обеими руками и крепко прижал ее к себе, боясь, что она улетит и он уже никогда не догонит ее.

— Это не космос, а всего лишь тоннель, — улыбнувшись, сказала она и, смеясь, оттолкнулась от Егора. И они разлетелись в разные стороны: она плавно и красиво, он — смешно ба-

рахтаясь и кувыркаясь. Но какая-то сила, словно невидимая рука, мягко подхватила их и медленно понесла друг к другу. Их руки вновь соприкоснулись. Чернота вдруг наполнилась множеством ярких искринок, как будто шел мелкий снег, блестящий в свете солнца. Искринки приобретали все более яркие и разнообразные цвета. Они то собирались в густые стайки, то быстро разлетались в разные стороны.

— Тебе нравится здесь? — спросила Лэнгли.

— Ну, вообще-то здорово, — не очень уверенно ответил Егор.

Он постепенно терял ощущение пространства и времени. Ему стало чудиться, что тело его рассыпается на молекулы, теряя вес и форму. Образ Лэнгли вдруг сделался зыбким и нереальным, словно во сне. Затем она стала таять, как облако, излучая свет, заполняющий все вокруг. Егор перестал видеть ее, но стал ощущать ее как часть самого себя, а себя — как часть ее. Это было совершенно неведомое ему ранее ощущение. Казалось, они, слившись воедино, заполонили собой всю вселенную, а точнее — стали всей Вселенной. Но постепенно Егор вновь стал ощущать свое тело и видеть рядом еще зыбкий контур Лэнгли, обретающий все более реальные очертания.

И вдруг все разом поблекло и угасло. Появилось ощущение сначала слабого, а потом все усиливающегося встречного ветра, несущего мелкую пыль, клубящуюся вокруг. Вдали, словно солнечный восход, вспыхнуло яркое оранжевое зарево, на фоне которого обозначилась гигантская черная окружность.

— И что значит сей бублик? — насторожился поэт, чувствуя, что ситуация меняется не к лучшему.

— Там начинается санитарная зона, — грустно ответила Лэнгли. — Тебе туда нельзя, а мне не хочется. Поэтому мы возвращаемся.

Она протянула руку к своему широкому поясу, надетому поверх блузки, и гибкими пальцами стала быстро тереть вдоль блестящих желобков на его темной поверхности. И они поплыли обратно в блистающее ничто.

— Твой пояс управляет нашим движением? Это здорово! — изумился Егор.

— Мой пояс — только маленький передатчик сигналов. Коридор подчиняется огромному агрегату на той стороне, который воспринимает мои сигналы, — объяснила Лэнгли тоном, которым обычно разговаривают с детьми.

Они летели на расстоянии вытянутых рук, едва соприкасаясь кончиками пальцев, и одежда Лэнгли больше не казалась Егору аляповатой, а ее фиолетовые волосы странными. Обернувшись, он увидел вдали темные силуэты огромных птиц, плавно парящих в оранжевом зареве.

— Что это?

Лэнгли проследила его взгляд.

— Это птицы-призраки. Они никогда не залетают дальше и обычно пересекают тоннель лишь в пределах видимости кольца. Изучая их, наши ученые и раскрыли механизм проникновения в субпространство.

— А где тебе больше нравится — там или там? — отвлекаясь от птиц и указывая поочередно то в одну, то в другую сторону тоннеля, задал Егор назревший у него вопрос.

— Здесь, — грустно улыбнувшись, ответила она.

Ночью Лэнгли ушла, унеся с собой громоздкий для ее элегантной фигурки чемодан.

— Это все? — спросил он ее на пороге. — Мы больше не увидимся?

— Не знаю, — коротко ответила она, глядя на него из-под черной нелепой шляпы, ухитряясь даже в ней оставаться на удивление обязательной.

Холодные и пустынные улицы темного города поглотили ее, и обильно поваливший снег к утру засыпал следы одиноких ночных прохожих.

Х

Утром в рапорте о вчерашнем происшествии Патриков описал почти все, что видел. Умолчал только о женщине, которая, по его мнению, делала какие-то знаки нападавшим, — решил сначала сам кое-что проверить. Да еще описание лиц бандитов не очень получилось. Лица выходили «странные», «необычного цвета», «с очень неправильными чертами» — из этого фоторобот явно не сделать.

Во время утреннего оперативного совещания подсевший рядом участковый Буркин нашептал Николаю, что Корягу накануне гибели видели возле автобусной остановки в микрорайоне геологов с его приятелем-бомжем по прозвищу Блеклый.

— Слушай, достань мне этого Блеклого сегодня, — попросил Патриков.

— Вообще-то он от меня бежит, как черт от ладана, — призадумался участковый. — Мне он и самому нужен. Но сегодня постараюсь все-таки отыскать.

Когда Буркин увидел Блеклого, он сначала подумал: «Ага! Вот он, голубчик! На ловца и зверь бежит». А потом побежал за ним. Когда Блеклый

увидел Буркина, он ничего не подумал. Он сначала побежал. И уже на бегу стал думать: «Ба! Участковый Буркин! Не по мою ли душу?». Поэтому в первый момент Блеклому удалось несколько оторваться от преследователя. Однако впопыхах он сделал ошибку, побежав в сторону нового квартала по открытой местности, где нельзя было затеряться во дворах или в толпе. На окраине нового квартала, на почтительном расстоянии от других новостроек стоял куций в периметре девятиэтажный дом. Вокруг него-то и побежал бомж, чувствуя, что участковый начинает настигать. И, едва забежав за угол, Блеклый пошел на последний шаг, который мог его либо спасти, либо окончательно погубить — он заскочил в мусоросборник и закрыл за собой дверь. Буркин не увидел этого и, понимая, что добежать до ближайших строений за это время беглец физически не мог, решил, что он уже завернул за следующий угол. Блеклый немного отсиделся, чтобы дать возможность участковому отдалиться на почтительное расстояние, и стремглав выскочил наружу, намереваясь бежать в обратном направлении. Тем временем Буркин, все более удивляясь исчезновению бомжа из поля зрения и из последних сил убыстряя бег, вновь оказался перед дверью мусоросборника, где и столкнулся с выскочившим оттуда Блеклым. От столкновения оба упали на землю.

— Обложили! — в отчаянии закричал бомж и, подхватившись, рванул было вперед. Но участковый, быстро перевернувшись на живот, успел схватить его за штанину, и Блеклый, широко взмахнув руками, словно подстреленная на взлете птица, клюнул лицом снег.

— Да я этого Корягу видел всего две минуты, — словно оправдываясь, говорил Блеклый

Патрикову, когда Буркин привел его в отделение. — Иду мимо остановки, а тут он. Ну, я его по ходу проводил чуть-чуть.

— А про украденный чемодан он тебе ничего не говорил? — как бы между делом поинтересовался Патриков, внимательно вглядываясь в лицо собеседника.

— Говорил, — после продолжительной паузы признался Блеклый.

— Что говорил?

— Ну, что чемодан спер.

— И куда дел?

— Ну, там оставил одному.

— В пятиэтажке, в микрорайоне НГДУ?

— Ну да, на четвертом этаже.

— На третьем, — полувопросительно уточнил Патриков.

— Может, и на третьем, вам видней, — пожал плечами Блеклый. — Но мне он сказал, что на четвертом.

У Патрикова в памяти снова всплыла женщина с ярко крашенными волосами. Вспомнил он и мужчину, который увел ее наверх. Теперь он почти не сомневался, что именно в квартире этих людей оставил свой чемодан почивший бомж Сверчков, который либо перепутал с испугу, либо целенаправленно назвал не тот этаж тому, кто его потом убил. Казалось бы, все начинает выстраиваться в стройную логическую цепочку. Однако странные бандиты-монстры, их неуместная одежда, непонятное оружие, которым они пользовались — все это вплетало в цепь событий элемент почти мистической загадочности, ощущение тайны, раскрыть которую было не так просто, как могло показаться. Вспомнил Николай и синеющую на воздухе

кровь, которую он, вернувшись, соскреб в тот вечер со ступенек в сделанный из листа записной книжки кулек. Теперь надо отвезти его экспертам из УВД. А потом — снова в злополучный подъезд, но теперь уже на четвертый этаж.

XI

— Все, — сказал майор Ермолов, когда Патриков зашел к нему поделиться кое-какими догадками. — Дело об убийстве Сверчкова передается в УВД. Напиши подробный отчет по нему, изложи все факты, которые знаешь, свои версии и можешь спокойно дорабатывать материалы по другим преступлениям.

— Но, мне кажется, я только нащупал логическую взаимосвязь между различными фактами, только начал по-настоящему входить в суть дела.

Ермолов развел руками:

— Но ты же понимаешь, что это не зависит от нас. Есть приказ передать дело в УВД. Не переживай. Тебе еще хватит запутанных преступлений.

Дело Патриков сдал. Но женщина с крашеными волосами не давала ему покоя. Поэтому вечером он вновь направился в уже знакомый подъезд. Мужчину, открывшего ему дверь, Николай узнал сразу. Увидев удостоверение, тот несколько смутился. Они расположились для беседы в уютной комнате, где на журнальном столике стоял красивый бронзовый подсвечник с истаявшими розовыми свечами. Сидя в предложенном ему кресле-качалке, Патриков внимательно изучал взглядом хозяина квартиры, оказавшегося поэтом Блоковым, о котором Николай где-то что-то слышал или читал.

— Вы, наверное, насчет перестрелки в подъезде? — спросил поэт, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку дивана.

— Именно.

— Я слышал стрельбу.

— И кое-что видели.

— Да, я выходил.

— Не один.

— Со мной была моя знакомая, — после некоторого замешательства признался поэт.

— Почему она вышла?

— Из любопытства, очевидно.

Патриков долгим испытывающим взглядом смотрел в лицо Блокова.

— А вам не показалось, что она знакома с нападавшими?

— Да что вы! Откуда? Нет, не показалось.

— А вот мне показалось.

Блоков вдруг сосредоточился и начал что-то напряженно соображать.

— Что, есть повод для размышления? — оживился оперативник.

— Да как сказать...

— Так что? Могла она знать этих людей?

— Не знаю. Мы с ней были знакомы очень недолго. Но, думаю, что вряд ли у нее могло быть что-то общее с уголовниками.

— А вы никогда не видели тех парней раньше?

— Нет.

— Могу я поговорить с вашей знакомой?

— Дело в том, что я знаю ее только по имени и совсем не знаю, где она живет.

— Не обижайтесь, но это, по крайней мере, смешно.

— Я понимаю, что вам трудно в это поверить, но тем не менее я говорю правду.

- Возможно. И как же зовут вашу знакомую?
Поэт замялся.
- Вы знаете, у нее трудное иностранное имя, нечто созвучное слову Лэнгли.
- Ка-ак?
- Ну, нечто вроде Лэнгли.
- Да-а, серьезная, видно, женщина. И больше ничего вы о ней рассказать не можете?
- Нет.
- А не было ли у нее большого черного чемодана? Не заметили?
- Был, — не смог соврать Блоков под пристальным и слегка насмешливым взглядом оперативника.
- И где он?
- Она забрала его с собой.
- А не знаете ли вы случайно, что было в этом чемодане?
- Знаю. Он был пуст. А что, этот чемодан имеет какое-то отношение к вашей работе?
- Похоже, что имеет. Она пришла к вам с этим чемоданом?
- Да, — здесь Блоков снова замешкался, не решаясь сказать, что ее принесли в чемодане, поскольку и это было бы неправдой. — Она была при нем.
- И зачем же она ходит с огромным пустым чемоданом?
- Не знаю. Наверное, купила по дороге.
- Логично. Что ж, спасибо и на том. Будьте готовы к тому, что вас вызовут в милицию.
- Уже распахнув входную дверь, Патриков вдруг обернулся и, кажется, неожиданно даже для себя спросил:
- А не была ли она одета в черный плащ и шляпу?

Вопрос не просто удивил, а буквально поразил поэта.

— Что?! Была?! — не меньше поэта поразился милиционер.

Блоков ничего не ответил, а только тихо кивнул головой, продолжая что-то соображать.

XII

Очередной день начался для Патрикова с неприятного известия: Ермолов перешел в управление. Слухи о его предстоящем повышении ходили по отделению давно, и поговаривали, что он потихоньку сдает дела, но ко всем этим разговорам уже настолько привыкли, что перевод Ермолова казался либо делом очень далеким, либо и вовсе блефом. И вот теперь Ермолов из отдела ушел. А жаль. Патрикову хотелось поделиться с ним своими новыми идеями. Впрочем, УВД не так далеко, да и к экспертам не мешает зайти — очень уж интересно, что это за кровь, которая меняет цвет. Закончив в этот день давнее и уже просроченное дело об ограблении, вечером Николай отправился в управление.

— Вообще-то результаты анализа у нас уже забрали, теперь ведь не ты ведешь это дело, — ответил эксперт Чернин, когда Патриков поинтересовался экспертизой синей крови. — Но удовлетворю твоё любопытство — это биомасса.

— Что значит биомасса? Разве это не кровь? — Патриков нахмурился: кажется, начинали сбываться тайные и в значительной степени нелепые подозрения, которые возникали сами собой и которые он изо всех сил старался от себя отгонять.

— Это похоже на кровь, но это не совсем кровь. Там есть еще биовещества, которых в крови не бывает.

— Ну и какие это вещества?

— Ты спрашиваешь так, будто я доктор биологии, — вдруг разозлился эксперт. — Это вещества, на которых какой-нибудь научный работник мог бы сделать докторскую диссертацию, если бы как следует изучал их.

Выйдя из лаборатории, Патриков направился было к Ермолову, но встретил его на лестнице.

— Здравствуй, счастливчик! — поприветствовал оперативника майор.

— В чем это мне так повезло? — удивился Николай.

— От тебя это темное дело ушло, а ко мне снова пришло, — посетовал Ермолов. — Там оно у меня на контроле было, и здесь его снова отдали мне на контроль.

— Значит, я не зря к вам.

— С удовольствием тебя выслушаю, но мне, к сожалению, нужно срочно уехать. Тебе придется долго ждать. Или вот что: чтобы время зря не терять, зайди к своему приятелю по милицеской школе Виктору Комову — наше дело сейчас у него. С ним и побеседуй. Ну, а если останутся какие-то вопросы, зайди попозже ко мне.

Через пару минут Патриков был у Комова.

— А! Братья Стругацкие ко мне пожаловали! — грустно рассмеялся Комов, выходя из-за стола и протягивая приятелю руку.

— Почему братья? — Николай на всякий случай оглянулся на дверь. — Я вроде бы один.

— А пинешь, как оба. Но ты не обижайся — не только ты такой умный. Представляешь, на одной вечеринке знакомый психотерапевт

рассказал мне, как пациент поведал ему историю о страшных фантастических типах, которые повылазили из чемодана. Я посмеялся от души, а утром прочел твои писания.

— Ну и что?

— А как ты думаешь? Я добыл данные пациента, разыскал его, записал весь этот бред и подшил к делу. Кажется, мы с тобой будем знамениты.

— Послушай еще одну историю. На этот раз не столько фантастическую, сколько романтическую, — предложил Патриков и рассказал Комову все связанное с его визитом к поэту Блокову.

— Это ближе к реальности, — заинтересовался Комов. — Хотя, если собрать все вместе, то...

— Что собираешься делать? — не дослушал Патриков.

— Не мельтешить. Работать, как по обычному делу. Если начать думать, что преступники толпами вылазят из чемоданов, прячутся в кувшинах, летают по воздуху и творят невесть какие чудеса, то могут просто руки опуститься. Так что буду работать, как обычно. Для начала оповещу всех, кого только можно, чтобы звонили мне срочно, если увидят кого-нибудь в плаще и шляпе или с необычным для человека лицом. Конечно, если они по недомыслию приехали сюда в такой одежде, то наверняка уже замерзли и переоделись. Но все же не следует терять даже самый маленький шанс.

XIII

Весь следующий день Патриков занимался материалами одной довольно банальной кражи, совершенной на квартире во время массового гулянья. Сложность ее раскрытия состояла лишь

в том, что он никак не мог допросить всех свидетелей. Все это время Николай старался не думать о странном деле, которым теперь занимался Комов, но всякий раз ловил себя на том, что вновь и вновь мысленно возвращается к действующим лицам этой истории. Поздно вечером все по тому же делу о краже он оказался в микрорайоне строителей. Улицы уже опустели. Автобусы ходили плохо, и оперативник решил идти пешком. Редкие прохожие, ежась от холодного ветра, торопились домой. И вдруг что-то потрясающее промелькнуло перед глазами Патрикова. Оперативник вернулся взглядом на только что пересеченную им улицу и увидел быстро удаляющегося прохожего в темной одежде и... в шляпе. Патриков встал как вкопанный. Прохожий, словно почуяв что-то, слегка обернулся, показав восковой профиль, но Николая, кажется, не заметил. «Он!» — чуть не сказал вслух оперативник, и сердце его учащенно забилося. Еще не веря в столь случайную удачу, Патриков нахлобучил шапку и небрежной, но быстрой походкой пошел по другой стороне улицы, стараясь не сильно отставать от знакомого силуэта.

Однако его поджидала еще одна неожиданная встреча. Из двора на противоположной стороне улицы появился Комов и, не скрываясь, поспешил за объектом наблюдения. Патриков пошел ему наперерез. Увидев приятеля, Комов затоптался на месте, вертя головой то в сторону удаляющегося прохожего в шляпе, то в сторону Николая.

— Ты как на него вышел? — спросил Виктор, когда Патриков с ним поравнялся, и вновь зашагал по тротуару.

— Случайно, — ответит тот, едва поспевая за ним. — А ты?

— Один из наших по приметам опознал и позвонил мне. Я как раз на дежурстве сегодня, так что тут недалеко оказалось.

— Не спугнем? — забеспокоился Николай, видя, как сокращается расстояние до прохожего.

— Мы его не то что спугнем, а напугаем до смерти, — разгорячился Комов.

— То есть? — не понял Николай.

— Будем брать! — решительно сказал Комов, убыстряя шаг.

Субъект в черном вышел на проезжую часть улицы и, не оглядываясь, пошел вдоль нее.

— Его нельзя сейчас брать. Он может привести к остальным, — удивленно заметил Патриков.

— Он никуда не ведет. Он делает круги. У этого дьявола глаза на затылке, или он видит спиной. Если сейчас уйдет, дело — труба, ведь у меня нет ничего, кроме фантастических зарисовок.

— Ты что, не веришь мне?!

— Да верю! Верю, только это ничего не проясняет, а даже наоборот — запутывает.

Комов выскочил на дорогу и почти бегом стал догонять прохожего. Патриков с досадой пнул ногой снег и последовал за ним, на ходу расстегивая полушубок, чтобы можно было быстро достать пистолет. У него было скверное предчувствие.

— Гражданин, подождите! — закричал Комов на ходу.

— Зачем? — сипло спросил субъект, не оборачиваясь, и перешел на бег мелкой трусцой, часто подпрыгивая, как на пружинах.

— Мне надо задать вам несколько вопросов, — кричал Виктор, ускоряя движение.

— Задавайте! — согласился тот, переходя на более широкие прыжки.

— Стой! — повелительно выдохнул Комов, пускаясь во весь опор.

Гражданин в шляпе побежал чемпионскими прыжками в длину. Расстояние между ним и преследователями стало заметно увеличиваться.

— Уйдет! — с нотками отчаяния сказал Патриков, стараясь не отставать от приятеля.

Но прыжки беглеца становились все более вялыми, и, наконец, из размашистых, оленьих, они стали совсем куцыми, заячьими.

— Ха! — воспрял Комов и тоном врача, ставящего смертельный диагноз, заключил: — Бегает быстро, но недолго.

В это время сзади слышался нарастающий скрип снега. Оглянувшись, Патриков увидел узкие легкие сани, с запряженными в них массивными и невероятно длинными собаками. Сани напоминали нарты северных народов, однако в этой местности коренные жители на собачьих упряжках не ездят, а в Сургут и вовсе предпочитают добираться более современным транспортом. В довершение ко всему, в нартах сидел человек в противогазе.

«Что за диво!» — подумал Николай, и нехорошее предчувствие вновь овладело им. На большой скорости нарты промчались мимо, и, к ужасу своему, Николай успел заметить, что морды запряженных тварей были скорее лягушачьими, нежели собачьими. А бежали они так быстро, что оперативнику почудилось, будто у каждой из них, по крайней мере, шесть ног. Это так поразило Николая, что он прозевал момент, когда преследуемый, а вслед за ним и Комов, на ходу запрыгнули в нарты.

— Стой! — закричал Патриков, едва успевая вдохнуть воздух.

Однако нарты развили скорость быстро несущегося автомобиля, и догнать их уже не представлялось возможным.

— Стой! — Патриков выхватил пистолет и выстрелил в воздух, однако стрелять вслед было нельзя, так как маячившая на санях спина Комова закрыла собой все, что было впереди.

Комов навалился сверху на бледнолицего и, дотянувшись рукой до кучера, ухватил его за шиворот, пытаясь опрокинуть на спину. Но голова кучера вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов, и противогаз, оказавшийся мордой неведомого зверя, свирепо оскалился, сверкая маленькими лиловыми глазками и пытаясь укусить Комова за кисть. Виктор машинально отдернул руку, и в это время бледнолицый изо всех сил толкнул его ногами, сбросив с себя и с нарт. Взрыхляя свежий снег, Комов прокатился несколько метров по земле и, усевшись на обочине, широко раскрытыми глазами уставился вслед умчавшейся упряжке.

— О господи! — еле слышно сказал он.

— Витя, ты в порядке? — забеспокоился подоспевший Николай.

— О господи! — громко повторил Виктор, не отрывая взгляда от дороги.

— Ты чего? — суетился Патриков, пытаясь поднять приятеля с земли.

— Кошмар! Никто же не поверит! — сказал тот и стал медленно подниматься.

XIV

Егор Блоков сидел в кресле перед телевизором, забросив ногу за ногу, и смотрел, как из

глубины экрана, кувыркаясь и отливая радужными цветами, накатывалась заставка рубрики местной телепрограммы «Спорт. Спорт. Спорт». Сопровождалось накатывание букв мелодией популярной песенки, из которой Егору хорошо запомнился лишь навязчивый припев: «Привет с большого бодуна» (то бишь с сильного перепоя). «При чем здесь спорт?» — грустно подумал поэт, не отрывая застывшего взгляда от экрана.

После ухода Лэнгли не писалось и не спалось. Поэтому последние вечера он допоздна просиживал перед телевизором, наполовину не понимая происходящего на экране. Бурные эмоции вызывали у него лишь бесконечное множество раз повторяющиеся на разных телеканалах рекламные ролики. Особенно его почему-то раздражал молодой человек в неглиже, пытавшийся изображать некое подобие «ласточки», стоя на огромном шаре. Постепенно на нем появлялись все новые и новые детали одежды, пока он, наконец, продолжая стоять в той же глупой позе, не оказывался импозантно одетым. «Придурок на шаре», — зло окрестил этот ролик Егор и, всякий раз мрачно досматривая его до конца, подтверждающе кивал головой, словно желая сказать: да-да, так оно и есть.

В этот раз в спортивной рубрике рассказывали о соревнованиях по гиревому спорту. Вот на экране появился небольшой, но крепко сбитый парень. Он взял гирю и только хотел ее выжать, как в прихожей Блокова раздался звонок. Егор прореагировал на неожиданное вторжение так, словно его оторвали от самого любимого занятия. Но едва Блоков открыл дверь, как лицо его просветлело и стало восторженно-удивленным: из-под обширных полей чер-

ной шляпы на него, не мигая, смотрели такие необыкновенные и такие знакомые глаза.

— Лэнгли! — Егор отступил, пропуская ино-мирянку.

— Не ждал? — она быстро переступила порог и торопливо прикрыла за собой дверь.

Егор взял ее за руку и притянул к себе. Она улыбнулась, не отрывая от него взгляда. Егор снял с нее шляпу. Ее фиолетовые волосы забавно торчали во все стороны, и Блоков стал медленно их приглаживать.

— Я всего на минутку, — серьезно сказала Лэнгли, — мне надо идти на дело. Там всякое может случиться, поэтому мне захотелось сначала увидеть тебя. Но, я думаю, что все будет хорошо, и мы еще увидимся.

— Но что за дело у тебя, Лэнгли? Я не пущу тебя, пока ты не скажешь. Почему это может быть опасно? Ты не хочешь мне рассказать?

— Я расскажу, — она посмотрела на Егора долгим испытывающим взглядом. — Понимаешь, чемодан — это лишь маленький вход в иномир. Через него и через коридор, в котором мы были, можно пересылать лишь людей и небольшие предметы. У нас есть большие входы, но их очень мало. В вашей стране такой вход есть только в Москве, и там наши уже работают всюю. Ваш город по многим факторам подходит для того, чтобы сделать здесь еще один большой вход. К тому же у вас есть станция «Орбита» с довольно мощной антенной. Такая антенна нам нужна для воздействия с этой стороны. Во взаимодействии со сверхмощным излучателем на той стороне она позволит создать нужный коридор. Ну, это как точка наведения. Впрочем, всего сразу не объяснишь...

— Короче говоря, вы хотите захватить «Орбиту»? — задумчиво подытожил Егор.

— Да, — Лэнгли опустила голову, но Блоков взял ее пальцами за подбородок и заставил вновь посмотреть ему в глаза. — Значит, ты работаешь с теми людьми, которых мы видели здесь, на лестнице?

Лэнгли посмотрела на него растеряннo, даже испуганно, и только кивнула головой. Тут входная дверь медленно раскрылась. Лэнгли, обернувшись, вздрогнула. В комнату бочком протиснулся высокий худощавый человек, одетый, как и Лэнгли. Его лицо с тонкими неправильными чертами было мертвенно-бледным. Взгляд пришельца был спокойным и холодным, а глаза его были глазами человека с того света.

— Они меня выследили, — тихо сказала Лэнгли.

Пришелец вдруг рассвирепел и разразился рычанием, повизгиваниями, попискиваниями и шипением. Язык его был ужасен, и самое ужасное было то, что на этом языке вдруг заговорила прекрасная Лэнгли. Кажется, она оправдывалась.

— Какого черта? — вдруг взорвался Блоков. — Ты кто такой?! А ну, пошел отсюда!

Глаза чужака застыли, остановившись на хозяине квартиры. Дверь вновь раскрылась, на этот раз широко, и в квартиру ввалился массивный субъект с совершенно фантастической мордой. Бледнолицый что-то прорычал, и звероподобный двинулся было к Блокову. Внутри у Егора похолодело, и он оглянулся, ища какой-нибудь тяжелой или острый предмет, но, как назло, ничего такого поблизости не было. Лэнгли вдруг стала перед поэтом, выставив руки с широко разве-

денными пальцами в сторону иномирян, и вновь заговорила на их языке. Пришельцы еще немного постояли у двери, переглянулись, обменялись скрипучими фразами, бросив напоследок злобные взгляды на поэта, вышли из квартиры.

— Что им надо? — хмуро осведомился Егор.

— Они считают, что ты слишком много знаешь, — ответила Лэнгли, обнимая поэта, — но я им сказала, что если они причинят тебе какой-либо вред, я не стану с ними работать. А без меня им будет тяжело, ведь я главный научный работник в этой группе.

— Не ходи с ними, — попросил Егор. — Сейчас запрем дверь и вызовем милицию.

— Это не поможет. Я должна идти, — твердо сказала она, надевая шляпу.

Выходя, Лэнгли снова обернулась и долгим внимательным взглядом посмотрела на Блокова. Он был совершенно подавлен и, оставшись один, в первые минуты не знал, как себя вести и что делать.

XV

О погоне на улице Ленина Ермолов слушал, молча переводя взгляд с одного рассказчика на другого, и по лицу его невозможно было понять, как он ко всему этому относится.

— Знаете что, я вам пока ничего не могу ответить, — сказал он после долгого молчания, во время которого перо его ручки бессмысленно чертило на листке бумаги замысловатые углы и дуги, — продолжайте пока работать в том же направлении, и в случае какого-то проявления разыскиваемых или получения новой информации сразу сообщите мне. Срочно. В любое время суток.

— Я могу участвовать? — неуверенно спросил Патриков.

— Да. Раз ты больше других знаком с обстоятельствами дела, то нет смысла тебя отстранять. Я решу вопрос о том, чтобы тебя временно освободили от обязанностей в отделении и включили в группу по розыску опасных преступников. Завтра к вечеру подготовьтесь проанализировать все, что имеется по этому делу, и высказать свои конкретные версии. День у меня будет заполнен до отказа. Поэтому соберемся в моем кабинете в девять вечера — наметим план работы.

— В самый раз! — поддержал Комов. — Никто мешать не будет, и можно будет спокойно все обсудить.

Следующим вечером они заседали втроем более двух часов. Что им было известно? В городе действует банда в количестве примерно четырех-пяти человек. Все одинаково и не по сезону одеты. Имеют необычные для людей лица, вооружены неизвестным огнестрельным оружием и, кажется, обладают некоторыми способностями, не присущими обычным людям. Каким-то образом с ними связана женщина — знакомая местного поэта Блокова. Еще известно им о черном чемодане, которым бандиты очень дорожат и из-за которого убили местного вора. Участники банды приезжие, и с местным уголовным миром, видимо, никак не связаны. Поэтому выйти на них довольно трудно. Цель банды неизвестна. Засветились они не по основной «работе», а по непредвиденному обстоятельству, которым стала кража чемодана.

Что можно предпринять? Во-первых, предотвратить их выезд из города. Организовать на-

блюдение в аэропорту, на железнодорожном и автовокзале, установить посты на дорогах, ведущих из города. Во-вторых, организовать поиск банды в городе по уже конкретным приметам. В-третьих, еще раз допросить поэта Блокова и организовать наблюдение за его квартирой. Наконец, запросить через центральный банк данных, не известно ли чего о подобных преступлениях в других городах.

Обсудив еще ряд мелких деталей, они стали расходиться. Комов еще зашел в свой кабинет, а Патриков спустился к выходу. Там, в дежурной части, он увидел за пультом знакомого дежурного.

— Как дежурство? — спросил Николай. — Преступлений много?

— Как обычно, — ответил дежурный, — не то, чтобы много, но...

В это время заработала радиостанция. На связь вышла патрульная машина.

— Слушаю! — сосредоточился капитан.

— Здесь такая ерунда, — потрескивая, сказала радиостанция, — пристал к нам подозрительный гражданин, говорит: иномиряне в Сургуте завелись и хотят сегодня «Орбиту» захватить. Везите, говорит, меня к начальству.

— Может, он пьяный?

— Нет, не пьяный, но какой-то странный.

— Может, обкурился?

— Черт его знает! Что нам его, в психушку отвезти — пусть там посмотрят, или сначала у вас его кто-нибудь послушает?

Дежурный почесал голову.

— Что там про иномирян?! — взбудоражился Патриков.

— Да кто-то там рассказывает патрульным, что иномиряне на «Орбиту» напасть хотят, и они не могут никак от него избавиться.

— Этот человек нужен нам с Комовым, — почти выкрикнул Николай и, словно боясь, что не убедил, торопливо добавил: — и майору Ермолову он тоже нужен.

Дежурный сначала посмотрел недоуменно, потом недоумение на его лице сменилось усталым безразличием, и он передал патрульным:

— Везите вашего инопланетянина, или кто он там, сюда. Здесь им уголовный розыск заинтересовался.

Взъерошенный человек, оказавшийся никем иным, как поэтом Егором Блоковым, очутившись в кабинете у Комова, где также находились Патриков и Ермолов, заговорщицки осмотрелся по сторонам.

— Поскольку времени на предисловия у нас нет, буду говорить прямо.

— Да-да, конечно, давайте все как есть, — подбодрил его майор, а Патриков, увидев старого знакомого, сразу перешел в атаку.

— Так чемодан у вас? — резко спросил он.

— Был у меня.

— А теперь.

— У них. У иномирян.

— И что в нем было?

— Ни что, а кто — иномирянка.

— С фиолетовыми волосами?

— Да. Но она наполовину землянка. Она у них всего лишь связная, и это она прислала меня к вам, — соврал поэт.

— А почему она была в чемодане? — не отставал Патриков.

— Потому что там вход.

— Какой вход?

— В иномир.

— Чушь какая-то! — сказал Патриков, но в голосе его прозвучало скорее удивление, чем недоверие.

Все это время Комов сосредоточенно смотрел в одну точку, а Ермолов, наморщив лоб, переводил внимательный взгляд с Блокова на Патрикова и обратно.

— С этим потом, — наконец вмешался он. — Сейчас важнее другое: в котором часу они собираются захватить «Орбиту»?

Поэт замялся.

— Она сказала: вечером...

— Их четверо? — вдруг спросил Комов.

— Я видел только двоих, — сказал поэт.

— Но не исключено, что их все-таки четверо, — ни к кому конкретно не обращаясь, скорее подтвердил, чем предположил Виктор.

— Что будем делать? — Патриков обернулся к Ермолову.

— Надо ехать туда, — коротко ответил тот.

— Надо взять автомат, — настоятельно предложил Патриков.

— Хотя бы один, — поддержал его Виктор.

— Больше никого привлекать не будем? — снова забеспокоился Патриков.

— Ты что? — возразил Комов. — Во-первых, что мы сейчас будем объяснять, а во-вторых, если там никого не окажется, все управление три года будет со смеху умирать над тем, как мы ловили иномирян.

— Да, — согласился Ермолов, — пожалуй, съездим одни. Сейчас я договорюсь насчет машины и автомата. Скажу, что хотим проверить одно значное место. Табельное оружие тоже возьмем.

Ермолов скрылся за дверью.

— А что с ним? — Патриков кивком головы указал на поэта. — Пусть ожидает нас?

— Кто знает, сколько ему придется ожидать? Лучше пусть идет домой после того, как мы уедем, — рассудил Виктор. И, уже обращаясь к Блокову, продолжил: — А завтра придете сюда в десять часов. Договорились?

— Да, — ответил Блоков. — Но я хотел бы поехать с вами.

— Зачем?

— Мне очень надо.

— Нет, — тоном, не допускающим возражений, отрезал Комов. — Мы вас не возьмем.

— Но я надеюсь, вы не станете арестовывать эту женщину? Ведь это благодаря ей вы узнали о нападении, — в голосе поэта прозвучали претенциозные нотки.

— Посмотрим, — отрывисто ответил Комов, поднимаясь из-за стола.

XVI

Милицейская машина остановилась на пустынной улице Набережной у самого парка.

— Дальше пойдем пешком, — вылезая, сказал Ермолов.

— Мне ожидать здесь? — спросил водитель.

— Может, нам придется посидеть в засаде, — ответил майор, — так что возвращайтесь в управление.

В парке было тихо. Деревья стояли неподвижно, как сценические декорации. Снег монотонно хрустел под ногами, заглушая слабо доносившийся со стороны города шум редких автомобилей. Когда перешли деревянный мост

через овраг, на дне которого летом протекал большой ручей или остатки маленькой речушки, пошли осторожнее, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Вот на фоне неба слабо обрисовалась огромная чаша антенны. Когда-то напротив нее на высоком берегу реки в жаркие дни загорало множество горожан. Потом кто-то догадался, что это может быть опасно. Станцию быстро обнесли бетонной стеной с надписью «Осторожно! Излучение СВЧ», и с тех пор берег в этом месте опустел так, словно все, кто раньше там загорал, уже умерли от облучения.

Помогая друг другу, розыскники перебрались через забор. Вход в здание станции был с другой стороны. Впереди, держа правую руку в кармане полушубка, шел майор Ермолов. За ним, прикрывая полую дубленки складной автомат, двигался Патриков. Комов замыкал шествие, широко размахивая руками. Он не очень верил в нападение на «Орбиту», но кобуру под пальто на всякий случай расстегнул. Приблизившись к зданию, они услышали, как с невидимой им стороны открылась дверь и послышались голоса. Ермолов пошел, прижимаясь к стене, и выглянул из-за угла. У входа, в профиль к нему, стоял массивный субъект в черном. Его безобразное землисто-серое лицо вполне соответствовало описаниям Комова и Патрикова.

— Они уже здесь, — еле слышно прошептал Ермолов, обернувшись к коллегам.

Затем он сделал знак рукой, и все трое с оружием на изготовку выскочили из-за угла, бросившись к иномирянину. Тот резко обернулся и, свирепо шипя, завращал огромными выпуклыми глазами.

— Стоять тихо! — спокойно скомандовал Ермолов и, не оборачиваясь, добавил: — Николай, давай наручники.

Патриков, держа одной рукой автомат, другой достал из кармана металлические, позвякивающие браслеты и, подойдя, протянул их майору. В тот же миг монстр неожиданно одной рукой нанес сильный удар в грудь Ермолову, от которого тот отлетел в сторону и, ударившись спиной о стену, медленно сполз вниз, а другой попытался ухватить Патрикова за лицо. Николай с трудом увернулся от огромной лапы, на которой, как ему показалось, было пальцев больше, чем положено. Но лапа вскользь рванула его за воротник, который оторвался по шву. При этом Патрикова так крутануло, что он едва устоял, уронив в снег и автомат, и наручники.

— Стоять! — крикнул Комов, целясь в монстра из пистолета.

В ответ монстр достал из-под полы и поднял вверх нечто полупрозрачное, формой похожее на большой штопор, внутри которого что-то тлело.

— Стреляй! — закричал Николай, хватая с земли автомат.

Виктор дважды выстрелил. Иномирязин покачнулся и тоже выстрелил. Послышался звук, похожий на тот, что бывает при резком выдергивании пробки из бутылки, только гораздо громче. При этом из штопора вылетел светящийся шар, едва заметно мелькнувший перед глазами. Комов сделал отчаянный кувырок, едва не свернув себе шею. Шарик лопнул, ударившись о стену, и по ней тонким слоем разлилось что-то огненное, сползающее на шипящий снег.

Очнувшись от удара, Ермолов выстрелил сквозь пар, подкосив монстра. В то же время, ощутив сильное жжение в плече, он буквально выскочил из своего полушубка раньше, чем успел понять, что горит. Бросив полушубок в снег, майор притоптал его ногами и снова надел на себя. Сзади скрипнула дверь. Тут же прозвучала короткая автоматная очередь, и, обернувшись, майор увидел в дверном проеме оскаленную пасть падающего иномирянина.

— Молодец! — одобрительно сказал он Патрикову.

Комов перепрыгнул через труп и устремился внутрь здания.

— Подожди! — сказал Ермолов, следуя за ним.

Патриков поспешил было следом, но кто-то крепко схватил его сзади за руку. Николай рванулся, однако трижды раненный иномирянин, приподнявшись с земли, держал его, словно клещами, которые все больше сжимались. Патриков сцепил зубы, чтобы не застонать от боли. Казалось, вот-вот затрещат кости. С разворота он сильно ударил монстра автоматом по голове и рванулся вперед. Лапа пришельца соскользнула с руки, захватив мертвой хваткой край рукава. Сильно рванув рукав на себя, монстр свалил оперативника на землю, и его свободная лапа нависла над лицом Николая, намереваясь двумя длинными пальцами с острыми когтями попасть в глаза жертве. Патриков ощутил, что держит автомат левой рукой за цевье. Проскользив ладонью до его рукоятки, он приподнял оружие и, уткнув его стволом в бок противнику, произвел длинную, в десяток патронов, очередь. Поднявшись, он

увидел вокруг темные, должно быть, синие пятна на снегу.

В глубине здания слышались выстрелы, а затем знакомый уже хлопок. С автоматом на изготовку Николай влетел в помещение. Там еще дымились пол и стена. Майор Ермолов, отчаянно отбиваясь руками и ногами, отступал в угол. На него, словно зомби из фильма ужасов, вытянув вперед руки с растопыренными многочисленными пальцами, надвигался иномирнин с узким длинным лицом и непомерно большими ушами. Сквозь его плащ сочилась красно-синяя кровь.

— Стоять! Стреляю! — коротко крикнул Патриков.

Но монстр уже довел Ермолова до угла и резким движением поймал его рукой за горло. Ермолов изо всех сил пытался освободиться, но Патриков уже знал эту железную хватку и потому, сделав выпад в сторону, чтобы не задеть майора, снова дал очередь.

— Комов, ты где? — крикнул он, когда вокруг наступила тишина.

— Здесь! — слышалось сверху. — Все в порядке!

XVII

Ермолов и Патриков вошли в главный зал, где располагался пульт управления. Там Комов, держа в одной руке пистолет, другой удерживал за локоть женщину, в которой Николай сразу узнал знакомую поэта Блокова.

— А где главный? — спросил Ермолов, не переставая потирать ладонью шею.

— Я не нашел его.

— Работники станции живы?

— Да. Их только связали и, видимо, хотели задействовать в работе с антенной.

Словно в подтверждение сказанному из какого-то подсобного помещения вышли довольно помятого вида двое людей.

— Кажется, вы вовремя, — сказал один из них.

Сзади послышались торопливые шаги. Патриков резко обернулся, вскинул автомат. Теперь он знал: пистолеты против иномирян — слабое оружие, и чувствовал на себе особую ответственность.

— Лэнгли! — воскликнул поэт Блоков, вбегая в помещение.

— А вы что здесь делаете? — насутился Ермолов. — Вам что было сказано?!

— Отпустите ее, — попросил поэт. — Она не с ними. Ведь это благодаря ей мы все узнали.

— Да, — женщина подняла голову и печально посмотрела на Егора, — конечно. Ты землянин. Я понимаю.

— Лэнгли! И ты тоже! Ты тоже землянка! Мы с тобой земляне! — горячился поэт.

Женщина в ответ лишь слабо усмехнулась и опустила голову. Шум, донесшийся со стороны входа, прервал воцарившуюся тишину.

— Охраняй! — приказал Ермолов Комову, указав на пленницу, и вместе с Патриковым бросился к выходу.

Они успели увидеть в дверном проеме спину раненого монстра, который рвался вперед из последних сил, оставляя за собой обильный след изменяющей цвет жидкости.

— Невероятно! — крикнул на бегу Николай, вспомнив, как всадил в пришельца целую очередь.

Выскочив наружу, розыскники на мгновение оцепенели. В десятке метров от входа на земле лежал большой черный чемодан с распахнутой крышкой. В него бледнолицый иномирянин заталкивал труп одного из своих собратьев. Другого трупа уже не было. Уронив тело в чемодан, иномирянин резким движением сунул руку под плащ. Ермолов опередил его, сделав два выстрела из пистолета, и тот повалился на спину. Тем временем раненый иномирянин оказался уже у чемодана.

— Стой! — Патриков взял монстра на прицел, но не знал, надо ли стрелять в уже изрешеченного пришельца. И тот в последнем рывке перевалился через край чемодана. Ермолов и Патриков не без удивления осмотрели чемодан, пытаясь нащупать дно.

— Мистика! — с восторженным блеском в глазах сказал Николай.

— Как раз этого нам и не хватало, — недовольно заметил майор.

— Покажем пленнице наш чемодан? — Патрикову не терпелось свести, наконец, все свои догадки воедино.

— Давай, — согласился Ермолов, — может, она попутно и расскажет что-нибудь интересное. Зови Комова и заодно позвони в УВД.

Комов привел иномирянку. Она остановилась шагах в пяти от чемодана. Глаза ее сначала, судорожно бегая из стороны в сторону, осмотрели все вокруг, словно ища опору в пространстве, а затем замерли, уставившись в чемодан.

— Вы все-таки нашли его! — не то обрадовался, не то огорчился поэт.

— Ах, Блоков, вы еще здесь? — вспомнил о нем Ермолов.

— Узнаете чемоданчик? — хитро прищурившись, спросил женщину Патриков.

— Узнаю, — спокойно ответила она.

— Может, просветите нас по этому поводу?

— Конечно. Куда я денусь? — в голосе женщины прозвучала насмешка.

— Послушайте, я сам могу вам рассказать об этом чемодане. Она уже и так достаточно помогла нам всем, — вмешался поэт.

Патриков оставил женщину и вплотную подошел к Блокову.

— А ведь я с вами беседовал. И вы мне ничего толком не сказали, хотя, кажется, вам было что рассказать.

— Да вы бы мне тогда все равно не поверили!

Ермолов нервно прохаживался взад-вперед, поглядывая то на часы, то в сторону города, ожидая прибытия следственной группы из УВД. И в тот момент, когда он оказался на почтительном расстоянии от чемодана, а Патриков беседовал с поэтом, Лэнгли со страшным криком ударила Комова одновременно по ногам и в лицо. Оперативник к такому отношению со стороны элегантной женщины был, как говорится, морально не готов. Поэтому он в одно мгновение оказался сидящим на снегу, а женщина уже была у чемодана.

— Уйдет! — крикнул Ермолов.

Патриков бросился было за ней.

— Стоять! — приказал иномирянке Комов, наведя на нее пистолет.

— Не стреляйте! — закричал Блоков, выскочившая перед Комовым и закрывая Лэнгли.

Женщина сделала спортивный прыжок, провалившись, как в омут, в зеленую пучину чемодана.

— Черт тебя принес, — сказал Виктор Блокову, опуская пистолет. — Я бы все равно не выстрелил.

Патриков посмотрел на Ермолова. Тот, накупившись, молчал. Казалось, все было кончено. Но лежащий на земле бледнолицый вдруг, словно на пружинах, с громким ревом вскочил на ноги и сделал прыжок над чемоданом.

— Как бы не так! — Комов, прокатившись по земле и оказавшись у чемодана, сильно толкнул его в сторону.

Бледнолицый, как заправский прыгун с трамплина, кувыркнувшись в воздухе, нырнул головой мимо цели. Он еще сильнее взревел и, снова подскочив на ноги, выхватил свое оружие, похожее на большой штопор. Длинная автоматная очередь заглушила одинокий пистолетный выстрел. Патриков и Ермолов стреляли одновременно. Вокруг лежащего на земле тела быстро темнел снег.

Поэт Егор Блоков стоял у входа в мир Лэнгли и думал о том, как она сейчас мчится вдоль сияющего коридора, растворяясь в пространстве и времени, а где-то там, впереди, на фоне оранжевого заката машут крыльями птицы-призраки. Прощай, Лэнгли! Блоков все больше и больше склонялся над зеленой дымкой, словно пытаясь в ней что-то разглядеть.

— Ну а вы-то куда собрались?! — ухватил его за локоть Ермолов. — Вы теперь наш единственный свидетель, который может что-то пояснить по этому делу.

Блоков вышел из оцепенения, глубоко вдохнул ночной морозный воздух и огляделся по сторонам, окончательно приходя в себя.

— А может, спуститься туда на веревке? — неуверенно предложил Патриков.

— Этого делать не следует, — тоном специалиста сказал поэт. — Там действуют совсем другие физические законы, и веревка здесь не поможет.

Милиционеры посмотрели на него с удивлением и даже с уважением.

— По-моему, что-то горит, — сказал Комов, и все, почувствовав в воздухе запах гари, посмотрели на чемодан. Он сначала едва заметно, а потом сильно задымился и вспыхнул ярким голубоватым огнем, сразу потеряв форму и развалившись на несколько частей.

— Система самоуничтожения, — заключил Ермолов.

— Хорошо, что без взрыва, — обрадовался Комов, стоящий ближе всех к догорающим обломкам.

— Сгорел синим пламенем, — констатировал Патриков.

— Вот и все, — грустно подытожил поэт. Наступила долгая пауза.

— Такое вещественное доказательство пропало, — посетовал, наконец, Николай.

— Дело об убийстве мы закроем, — рассудил Ермолов. — У нас есть труп убийцы.

— Но это же не человек! — Комов низко склонился над телом, разглядывая лицо.

— А это уже не наше дело! — отрезал Ермолов. — Над этим пусть ломают головы антропологи, зоологи, биологи, уфологи и кто там еще... Для нас важно, что это убийца. А как отнестись ко всему загадочному и невероятному в этом деле, пусть решают там, — и он многозначительно указал пальцем вверх.

Быстро гасли последние синие блики на снегу. Над парком в черном необъятном пространстве, куда устремилась чаша огромной антенны, холодно поблескивали звезды, и стоящие внизу люди вдруг ощутили, как крепчает мороз. Зима обещала быть долгой и холодной.

P.S. Дело это было засекречено, и со всех его участников взяты расписки о неразглашении тайны. Так что если даже вы узнаете кого-нибудь из действующих лиц этой истории, не спрашивайте их о черном чемодане. Они вам все равно ничего не расскажут.

ЛОЖНАЯ ДВЕРЬ

— Что, мокнете, рыбаки? — спросил человек в длинном плаще. Он столь неожиданно возник из дождевой пелены, что Андрей едва не ткнулся в него лбом. В глубине капюшона, по которому стекали струи воды, обрисовались тонкие контуры бледного лица с узко посаженными маленькими пронзительными глазами. Черная аккуратная борода придавала лицу незнакомца какую-то загадочность.

— Да, попали в переделку, — Вадим догнал Андрея и остановился, переводя дыхание. — Не дождь, а водопад. Видал, как поливает?

— А я гляжу: не в ту сторону бегут люди. Пока до полустанка добежите, стемнеет и дождь закончится. А сейчас бы под крышу, в тепло.

Человек в капюшоне улыбнулся одними губами, в то время как глаза его оставались серьезными и сосредоточенными.

— Да где ж она, крыша? — спросил Вадим, проводя широкой ладонью по мокрому лицу. — Разве есть где поблизости?

Андрей слушал молча. Незнакомец ему не понравился. К тому же ходьба греет, а стоять в насквозь промокшей одежде было холодно.

— А крыша-то совсем рядом, только с другой стороны, — сказал чернобородый и, сделав зазывающий жест рукой, не оглядываясь, побрел сквозь липкий кустарник.

Вадим многозначительно подмигнул приятелю — видал, мол, как нам повезло — и, тяжело переваливаясь, пошел за незнакомцем.

Андрей же стоял как вкопанный и смотрел им вслед.

— Ты чего? — обернулся Вадим. — Задремал, что ли? Догоняй!

Андрей не сдвинулся с места.

— Пошли! — сердито рявкнул незнакомец, полуобернувшись на ходу.

И Андрей пошел. Пошел не потому, что испугался, и не потому, что решил уступить незнакомцу, а просто ему стало все равно куда идти. Вяло переставляя ноги, обдираясь о цепкие кусты, он бессмысленно шел сквозь усиливающийся шум падающей воды за смутно маячившими впереди и временами совсем исчезающими из виду фигурами. Редкие вспышки молний на мгновение освещали сгустившийся полумрак, земля вздрагивала под ногами, и гром, продолжительно затихая, откатывался вдаль.

Бревенчатый дом возник из дождя так же неожиданно, как и его хозяин. Шедшие впереди остановились и подождали отставшего.

— Прибыли, — сказал бородач таким тоном, словно произошло какое-то историческое событие.

— Избушка, избушка! Повернись ко мне передом, к лесу — задом! — закричал Вадим, перебивая шум дождя, и засмеялся. Молния сверкнула где-то совсем близко, и дом, хищно сверкнув окнами, на мгновение провалился во тьму.

Когда в глазах прояснилось, Андрей увидел в дверном проеме грузную фигуру Вадима. Чернобородого возле дома не было, видно, он уже вошел. Окна дома засветились желтым неровным светом, и в глубине их заходили колышущиеся тени. Уже совсем стемнело. Мокрая одежда неприятно прилипала к телу. Было зябко и неудобно, но в дом входить не хотелось.

«Что за блажь» — подумал Андрей.

В это время на крыльце вновь появился Вадим.

— Эй, дружище, ты что там, совсем уснул? Хватит душ принимать, а то размокнешь!

II

Изнутри дом казался намного больше и был похож скорее на старинный особняк, нежели на лесную избушку. Немногочисленная мебель — диван, стулья, стол, кресла, громоздкий комод — были выцветшими и потертыми, но еще хранили следы былой импозантности. В углу на небольшой тумбочке стоял пыльный граммофон с медной трубой.

Потолок был расписан силуэтами каких-то странных птиц, очень напоминающих летучих мышей. На длинном, застланном белой скатертью столе стоял подсвечник с шестью горящими свечами. С потолка свисала аляповатая люстра.

— Дом, естественно, не электрифицирован, — пояснил незнакомец, уже успевший снять плащ, под которым оказалась абсолютно сухая одежда, и, бросив на диван охапку каких-то вещей, скомандовал: — Переодевайтесь!

— Честно говоря, до того как мы сюда вошли, я был уверен, что вы лесник, а теперь мне кажется, что я ошибся, — надевая опереточную кружевную рубашку, сказал Вадим.

— Здесь когда-то жил лесник, — чернобородый поудобнее уселся в кресле-качалке. — А я — художник, часто писал окрестные пейзажи, вот и набрел на избушку, оставленную лесником. Конечно, интерьер здесь был совсем другим. Ну а вы, как я понимаю, заядлые рыбаки.

— Да нет, — возразил Вадим, — когда-то в юности я увлекался рыбалкой, но с тех пор прошло уже лет десять. А сейчас вот встретился со своим бывшим однокурсником, и мы с Андреем решили провести выходной в лесу, с ночевкой, побыть на природе, посидеть у костра, сварить ушицы, вспомнить бывших друзей... И вдруг этот потоп.

— Откуда у вас такие театральные наряды? — подал, наконец, голос Андрей, которому достался черный френч, обтягивающие ноги штаны и странные узкие полусапожки, больше похожие на женскую обувь.

— В них я обычно пишу натурщиков, — усмехнулся художник. — Впрочем, я и сам, как видите, не прочь пощеголять в удобных реквизитах, — при этом бородач провел рукой по надетому на нем ярко-зеленому кителю с медными пуговицами.

— В этом доме есть другие помещения? — Андрей движением головы указал на вычурную, в стиле рококо, дверь, расположенную в глухой стене, почти в самом углу.

— Ага, поверили? — черную бороду незнакомца подчеркнула линия ровных белых зубов, а из-под бровей сверкнули искорки отраженного света. — Там нет ничего. Это ложная дверь. Я ее просто нарисовал на стене для украшения интерьера.

Андрей встал и, подойдя вплотную к двери, сначала осмотрел ее с близкого расстояния, а потом потрогал руками. Она действительно была бутафорской, нарисованной масляными красками. Нарисованной была и витиеватая ручка, которая уже с расстояния двух шагов казалась вполне объемной. В покрывавший

дверь орнамент были симметрично вписаны изображения тех самых странных птиц, которых Андрей уже видел в росписи потолка.

— Недурно! — только и смог сказать он.

III

— А теперь неплохо бы согреться после такой купели, иначе вам простуды не миновать, — художник поставил на стол большую, литров на пять, бутыл с мутноватой жидкостью. — Закуска тоже найдется.

Через пять минут они сидели за длинным столом и пили крепкий напиток из высоких реквизитных фужеров, закусывая жесткой ветчиной и консервированными грибами. После первого фужера Андрею показалось, что огоньки свечей обволоклись светящейся дымкой, от которой во все стороны потянулись яркие тонкие лучики. Тени на стенах и на потолке стали расплывчатыми и еще более вытянутыми. Чернобородый художник стал казаться своим в доску парнем, с которым хоть куда. Видимо, сказала усталость. К тому же бывшие однокурсники были довольно голодны — им так и не довелось сварить ушицы. С того самого времени, когда начался дождь, стало ясно, что отдых до конца не удался, несколько мелких рыбешек, пойманных за много часов рыбалки, Вадим просто выплеснул в реку.

— Мы ведь так и не познакомились, — сказал раздумавшийся Вадим после второго фужера. — Не можем же мы все время называть вас просто художником, а вы нас рыбаками.

— А что, собственно, в этом плохого? — возразил чернобородый. — Здесь, в лесу, я —

просто художник, вы — просто рыбаки, а дом, в котором мы находимся, — просто дом. Впрочем, можете звать меня... ну, скажем, Аркадием, если вам так больше нравится, — чернородый снова сверкнул зубами и заблестел глазами. — А как зовут рыбаков?

Вадиму не очень понравился насмешливый тон художника, и он ответил с легким раздражением:

— Меня — Вадим, а его, между прочим, Андрей.

Почему «между прочим», Андрей не понял, но и Вадим, похоже, уже понимал не все из того, что говорил.

— Рыбаки мы с Андрюшей, можно сказать, аховые, — все более распаляясь, продолжал он, — зато имели честь и удовольствие закончить самый всеобъемлющий факультет — исторический. Так что вы можете называть нас... ну, скажем, историками, — Вадим многозначительно откинулся на стуле, пригладил растрепавшиеся волосы и поправил кружевное жабо на рубашке.

— Да полно вам, — продолжая улыбаться и насмешливо поблескивать глазами, ответил Аркадий. — Давайте лучше за знакомство...

Андрей высоко поднял фужер. Они снова выпили. Настроение у Андрея стало на редкость веселым. Его веселило и то, как раздражался обычно спокойный Вадим, и то, как время от времени лица собеседников теряли четкие контуры и начинали двоиться, и что в то время, когда Аркадий сидел, спокойно сложив локти на столе, тень его на стене разводила руки в стороны и делал ими какие-то замысловатые движения. Забавно было и то, что Аркадий жидкость из бутылки не наливал, и Вадим

не наливал — вообще никто этого не делал, но все они каждый раз, поднимая фужеры, пили жгучую, слегка терпкую влагу.

Потом зазвучал граммофон, тягучая, подвывающая музыка наполнила комнату, пластинку заело, и она стала бесчисленное множество раз повторять несколько одних и тех же тактов.

Пространство в глазах Андрея изогнулось, заискрилось, и он уснул, или, как говорят в таких случаях, отключился.

IV

Очнулся Андрей от холода. Сильно озябли ноги, и он подтянул их на край кресла. Голова была, словно колокол, — тяжелой и звенящей. Аркадия в комнате не было. Вадим сидел на стуле, навалившись на стол. Он пошевелился, оторвал голову от стола и сказал:

— У-ух! Ну мы с тобой дали! Теперь, если выживем, никакая простуда нас не возьмет, — он осмотрелся по сторонам. — Я-то думаю, откуда так сквозит? А это наш метрдотель вышел, не закрыв за собой дверь.

Поежившись и потеряв ладонями плечи, Вадим встал и, слегка покачиваясь, пошел к приоткрытой двери с явным намерением закрыть ее.

Но вдруг он издал удивительный возглас и распахнул дверь настежь.

— Смотри, туман какой-то...

За дверью действительно клубился тяжелый густой туман.

— Здесь каменная лестница, — не переставал удивляться Вадим, — и вообще нет леса.

И вдруг Андрея словно ударило что-то. Даже голова перестала болеть.

— Слушай! — он попытался рывком встать из кресла, но плюхнулся обратно. — Это же ложная дверь. Она не может открываться.

Вадим обернулся, внимательно посмотрел на товарища, тихо сказал: «Сейчас посмотрим», — и, перешагнув порог, плавно прикрыл за собой дверь.

— А ты чего сидишь? — раздалось у Андрея за спиной. Причем звук был такой, будто это хором сказали по крайней мере десять человек.

Он встал и обшарил взглядом помещение. В доме никого не было. Тогда он приблизился к двери и попытался открыть ее, но не смог ухватиться за ручку. Сколько ни пытался Андрей нащупать хоть какой-нибудь выступ — бесполезно. Дверь была нарисованной. Андрей схватил со стола нож и стал скрести по ней, но при этом сдирал краску, обнажая стену.

— Вадим! Вадим! — кричал он, припадая к стене, и не слышал ответа. Андрей несколько раз обежал вокруг дома, тщетно пытаясь найти потайной вход и удивляясь тому, что в лесу не было никакого тумана, кричал, звал то Вадима, то Аркадия, но вокруг была тишина.

— Если это розыгрыш, то глупый, — наконец сказал он, ни к кому не обращаясь, и вернулся в дом.

Он еще долго сидел в кресле, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение происшедшему и не зная, как поступить дальше. В конце концов Андрей просто решил позавтракать остатками вчерашней закуски, надеясь, что тем временем что-нибудь как-то прояснится. И в тот момент, когда он доедал консервированные грибы, с две-

рюю стало что-то происходить. Андрей не мог понять, что именно происходит, но дверь как-то изменилась. Он встал и начал осторожно приближаться к ней. В это время дверь начала медленно открываться. Андрей инстинктивно присел за комодом, затаив дыхание. Послышались шаги, и мимо неспешно прошел Аркадий. Андрей увидел его уже в спину. Художник вышел через настоящий вход и, остановившись на крыльце, стал смотреть по сторонам. Что-то удержало Андрея от выявления себя, и он, тихо выйдя из-за комода, вошел в приоткрытую ложную дверь и слегка прикрыл ее за собой. Дверь тут же исчезла, слилась со сплошной серой стеной.

V

Андрей несколько раз толкнул стену плечом, но это было бесполезно. Тогда он медленно спустился по растрескавшейся каменной лестнице, весь окунувшись в клубящийся вокруг туман, и огляделся.

Видимость была не более десяти метров, под ногами — мягкая сырая почва.

— Вадим! — голос прозвучал гулко, как в огромном пустом зале, и Андрею стало жутковато. Не желая больше кричать, он тихо, как-то украдкой, пошел вперед, и вскоре лестница за спиной растаяла в белой пелене. Андрей не мог точно определить, сколько времени прошло с начала пути, возможно, минут пятнадцать, но вокруг был только туман. Он уже начал беспокоиться, однако белая пелена значительно поредела, и глазам его предстала не то огромная лужа, не то маленькое озерцо. Обойдя этот водоем, Андрей услышал за спиной хлюпающие и чавкающие звуки и, рез-

ко обернувшись, увидел стоящего по колени в воде мокрого человека, одетого в грубую первобытную безрукавку, небрежно сшитую из шкуры.

— Издалека? — спросил тот подозрительно.

— Да нет, тут поблизости, — одновременно забеспокоился и обрадовался Андрей. — А что ты здесь делаешь?

— Я-то местный.

— Слушай, ты не видел, здесь не проходил приятель мой, такой... в белой рубашке?

— А-а, — протянул мокрый человек и вдруг, словно спохватившись, отрезал: — Не видал. Прощай.

Резко развернувшись, он пошел прямо в лужу, погружаясь в нее все больше и больше, пока, наконец, не скрылся с головой.

— Ты что?! — Андрей резко бросился в воду. — Эй, ты чего?!

Дно ушло из-под ног, но слегка погрузившись, его можно было достать. Сквозь грязную воду ничего не просматривалось и на глубину ладони. Андрей нащупал под водой чью-то голову и, схватив ее за волосы, потащил к берегу.

— А-а! Пусти, идиот! — заорал самоубийца, едва показавшись на поверхности. — Не понимаешь, что ли, я здесь живу!

— Как это?! — Андрей, по инерции протащив его еще несколько шагов, разжал руку.

Теперь они стояли по пояс в воде, и Андрею приходилось все время переминаться с ноги на ногу, то и дело выдергивая ноги из быстро засасывающей грязи.

— Как это?! Как это?! — передразнил спасенный. — Согласно указу. Есть такой указ, по которому я должен жить в этой луже под корягой и смотреть, кто здесь проходит мимо.

— И как же ты здесь живешь? — спросил Андрей, медленно выбираясь на сушу.

— Нормально живу, — следуя за ним, ответил спасенный.

— Как нормально?

— Нормально — значит привычно, — начал раздражаться местный житель. — К чему привык, то и нормально. Ты что, с того света?

— Как это с того света? — не понял Андрей.

— Ну вот опять: как это? как это? — снова передразнил хозяин лужи. — Кто не с этого света, тот с того — что тут непонятного?

— Слушай, но в луже не может жить человек.

— Вот чудак, говорю тебе: указ есть!

— Так ты водяной, что ли?

— Ну если тебе так понятней, можешь считать, что у нас здесь вроде как сказка, а я водяной.

— Идиотизм это, а не сказка.

Водяной вдруг плюхнулся в воду с головой, затем вынырнул и испуганно завертел головой, дико вращая глазами:

— Ты чего орешь? Чего орешь, тебе говорят?

Андрей уже стоял на берегу, подрагивая от холода и отжимая мокрую одежду.

— Ладно, — сказал он, — обитай здесь спокойно. Я тебе больше мешать не буду. Скажи только, как дойти до ближайшего жилья... или что у вас вместо него. Надеюсь, не все в лужах живут?

— Ну, если ты идешь оттуда, значит, тебе туда, — ответил водяной, указав рукой, и, выбравшись из лужи, зашлепал босыми ногами по грязи куда-то налево. При этом он страшно торопился и часто оглядывался.

VI

Туман клубился, то сгущаясь, то разреживаясь. Иногда он начинал искриться, и тогда вдруг раздавался тягучий заунывный звук, словно пела, изгибаясь, ручная пила. Наконец, голубоватая пелена, как бы отяжелев, опустилась к земле, густо за клубилась на уровне колен, и от нее потянулись вверх легкие белые струйки. Стало видно на несколько сот метров, и Андрей понял, что вошел в мертвый лес. Окаменевшие ветви деревьев, как длинные пальцы, вытянулись во все стороны, будто желая схватить каждого, кто окажется поблизости. Вдруг совсем рядом послышался шорох, и черная, величиной с крупную ворону птица опустилась на мертвую ветку в нескольких шагах от Андрея. Крыльями она походила на летучую мышь, но была покрыта перьями. Таких птиц Андрей видел на изображениях в лесном доме.

— Мя-а-ау-у! — пронзительно на высокой ноте закричало странное существо, и в его массивном клюве показались ровные ряды мелких острых зубов.

— Кыш! — Андрей угрожающе махнул рукой, и птица, подавшись вперед, свирепо щелкнула зубастым клювом.

— Мяу! Мяу! Мяу! — звонко прокатилось по лесу и со всех сторон зашуршали, захлопали крылья, словно налетела стая крылатых котов. Тут нервы у Андрея сдали, и он с громким криком ринулся напролом через лес.

— Мяу! Мяу! — несло со всех сторон.

Не видя ничего под ногами из-за разлитого низкого тумана, Андрей споткнулся и со всего маху шлепнулся на землю. Белая пелена погло-

тила его. Теперь он абсолютно ничего не видел и, поняв, что его сверху тоже не видно, пополз наугад. Полз он быстро, но осторожно, прислушиваясь и временами останавливаясь передохнуть. Наконец, когда передвигаться таким образом окончательно надоело и стало казаться, что всякая опасность миновала, Андрей последний раз прислушался, поднялся во весь свой рост и готов был закричать от отчаяния. Он все еще был в мертвом лесу. Вокруг на черных ветвях сидели зубастые черные птицы, подавшись вперед, словно готовясь к прыжку. Но самое страшное: прямо перед ним на толстой ветке сидела огромная, величиной с большую собаку, птица ярко-синего цвета с большими неподвижными глазами и в упор смотрела на него. «Уж эта точно сожрет», — угрюмо подумал Андрей, боясь пошевелиться. Немая сцена длилась с полминуты. Затем большая птица бесшумно спланировала с ветки и нырнула в клубящийся у земли туман. Остальные последовали за ней. Андрей подумал, что сейчас они начнут хватать его за ноги и, свалив, загрызут до смерти. И он стал часто и сильно бить во все стороны ногами, периодически подпрыгивая как можно выше и поджимая ноги под себя. Однако нападения не произошло. Несколько отдышавшись, Андрей пошел наугад, нервно подпрыгивая всякий раз, когда под ногами падалась какая-нибудь неровность.

VII

Лес кончился так же неожиданно, как и начался. Туман теперь висел над самой головой, а вниз спадали лишь тонкие струи, быстро рассывающиеся в воздухе. Сразу за лесом начина-

лась удивительно ровная, гладкая, словно утрамбованная, местность, по которой были разбросаны огромные камни явно не здешнего происхождения. Андрею показалось, что он слышит какие-то странные звуки, похожие на человеческие голоса. Откуда они исходили, понять было трудно. Иногда казалось, что из повисшего над головой густого тумана, иногда — как будто из-за камней. И чем дальше шел Андрей, тем сильнее звучали эти голоса. Андрей ускорил шаг и через некоторое время стал ясно слышать многочисленные громкие стоны, зачастую переходящие в крик. Он закрыл уши ладонями, но это не помогало. Он опасливо заозирался по сторонам, но всюду царила неподвижность. Вскоре к человеческим крикам и стонам добавился звук глухих ритмичных ударов, от которых слегка вздрагивала почва под ногами.

— Бум! Бум! Бум! — удары становились все ближе и уже отчетливо отдавались в ногах. Вдруг взору Андрея предстал огромный агрегат, нагромождением всевозможных деталей напоминающий допотопный механизм начала века. В передней части его располагались четыре железные лапы, а сзади — два больших громыхающих колеса без резинового покрытия. Агрегат, слегка покачиваясь, попарно перебирал лапами и медленно двигался вперед. Из множества торчащих в нем труб вырывался дым, пар и снопы искр. На двух мощных рычагах впереди машины была закреплена увесистая железная плита, которая периодически медленно поднималась и с силой ударялась о грунт, утрамбовывая его.

— Давай! Давай! Так его! Так! — хрипло и восторженно кричал бегающий вокруг небри-

тый человек в распахнутом настежь выцветшем до бесцветности кителе с одним рукавом. — Камень! Камень катите!

Толпа возбужденных людей под чью-то навигающуюся команду: «И раз! И два! И пять!» — катила по полю огромный валун.

— Странно они у вас считают, — сказал Андрей, когда руководитель этих необычных работ оказался рядом с ним. Тот обернулся и глазами, блестящими, как у нездорового человека, смерил незнакомца.

— А тебе что, не нравится? — угрожающе спросил он, и его нервное лицо судорожно задергалось.

— Да нет, я к тому, что после двух три идет, а не пять, — весело улыбаясь и стараясь расположить к себе грозного начальника, уточнил Андрей.

— Да? Может быть, — вполне серьезно ответил начальник. — Но я надеюсь, ты понимаешь, что это неважно, когда речь идет о делах исключительной важности, о том, что ни с чем не сравнимо.

— Не сравнимо с чем? — попытался разговорить его Андрей.

— Ни с чем! — сердито ответил тот и через паузу добавил: — Что-то ты сильно умный. Дай-ка я на тебя повнимательнее погляжу.

С этими словами начальник достал из кармана кусок камня величиною с кулак, весь в сквозных отверстиях, приложил его к глазу и через отверстия стал смотреть на подозрительного незнакомца.

— Нет! — вдруг истерически завопил он. — У него нет! Скорей сюда!

Андрей не понял, чего нет, но сразу сообразил, что надо бежать. За спиной слышались кри-

ки и топот, но постепенно все это стало отдаляться. Поле камней давно закончилось. Под ногами снова был мягкий неровный грунт. Вокруг пустота и тишина. Местность покрыл равномерно разлившийся туман, который впереди резко потемнел, и, пройдя еще несколько шагов, Андрей понял, что там что-то есть. Подойдя вплотную, он сообразил, что это какая-то стена.

VIII

Частые звонкие потрескивания нарушили тишину. Казалось, множество людей усиленно работают трещотками, как при загоне зверя.

— Держать равнение по звуку! — командным голосом сказал кто-то.

Из белой завесы показался силуэт, чуть дальше другой, третий. Андрей побежал вдоль стены. Она неожиданно закончилась. Андрей вернулся на несколько шагов и понял, что стена завернула под прямым углом. Скорее всего, это было здание. Потрескивание теперь слышалось со всех сторон. Андрей провел рукой по стене. Она была в глубоких трещинах. Цепляясь за них, он с неожиданной даже для себя прытью полез вверх. Здание было невысоким, и он быстро оказался на абсолютно плоской крыше.

Быстро спадающий книзу туман стал густой массой концентрироваться у земли. Видимость вновь улучшилась, и вокруг оказались силуэты других строений, напоминающих беспорядочные нагромождения геометрических фигур.

— Представляете, — слышался снизу удивительно знакомый голос. — Ты зачем, говорит, в луже живешь? Плевал, говорит, я на твой указ.

— На-а-глец! — возмущенно сказал другой, незнакомый голос.

— Да. И еще, говорит, у вас здесь идиотизм.

— Ну! — еще больше возмутился второй голос.

Андрей осторожно приподнял голову и увидел водяного рядом с коренастым человеком в черной одежде, увешанной разноцветными бантиками и блестящими цепочками. Сразу бросилась в глаза огненно-рыжая копна волос на голове человека в черном. Казалось, она флюоресцирует, переливаясь разными оттенками и временами вспыхивая красными искрами.

— И еще говорит, — продолжал водяной, — начальник охраны у вас дурак и сволочь.

— Ах он!.. — все больше распалялся огненно-рыжий.

— Да. И рожа, говорит, у него отвратительная. Вот просто взял бы вот так... — водяной потряс в воздухе кулаком.

— Ну ты! — Рыжий ткнул водяного в грудь так, что тот отлетел шагов на пять и едва устоял на ногах. — Рассказывай, да не забывайся, а то я снова прикажу тебя выпороть. Тебе дозу вразумина уменьшили для того, чтобы ты в работе был раскованней, а не для того, чтобы окончательно распоясался.

Трещотки смолкли. Было слышно, как вокруг ходят люди, стучат в двери домов, о чем-то расспрашивают.

— Обыскали поселок? — спросил кого-то рыжий.

— Да. Нигде нет, — ответили ему.

— Играй сбор. Надо возвращаться, а то скоро темнеть начнет, — и, повернувшись к водя-

ному, рыжий недовольно покачал головой. — Эх, упустили! Плохо бегаешь.

Зазвучала скрипящая и воющая мелодия. К дому, на котором притаился Андрей, быстро собрались и выстроились в несколько рядов люди в желтой униформе с большими номерами на груди, как у футболистов. В руках каждого из них была длинная палка с острыми крючьями на конце. Андрея поразило, что лица у этих солдат были совершенно одинаковые и неподвижные, словно гипсовые маски.

— Где шестнадцатый? — спросил рыжий.

— Когда шли через лес, его кошкины утащили, — ответили из строя.

— Ну, если еще и у нас среди бела дня кошкины людей утаскивать будут!.. — многозначительно не договорил начальник охраны.

— Очень много их было, — слышалось из строя.

Рыжий отдал несколько команд. Строй дружно развернулся и двинулся с места.

— Семь-восемь, запевай! — скомандовал рыжий начальник, и охранники разом грянули песню, состоящую из многократно повторяемой одной строки:

— Эх-эх-эх, а-ха-ха, о-хо-хо!

— Семь-восемь, замри! — скомандовал начальник охраны и, ткнув пальцем в одного из охранников, сказал: — Когда вернемся, вот этого закопать. Он путает слова.

И отряд с той же песней двинулся дальше.

IX

Вышедший из дома седой старик в серой рубашке осмотрелся по сторонам, посмотрел

вслед скрывшемуся в тумане строю и снова направился к двери. Андрей хотел быстро слезть с крыши, но это оказалось сложнее, чем взобраться туда. В последний момент он соскользнул с небольшого выступа, плашмя рухнув на землю. Старик на мгновение повернул голову, но сделал вид, что ничего не заметил, и, войдя в дом, закрыл скрипучую дверь. Андрей последовал за ним. Дверь оказалась незапертой изнутри. Старик сидел за почерневшим от времени деревянным столом, подперев голову рукой, и словно бы ждал его.

— Добрый день, — сказал Андрей и замялся у двери, не зная, какую тактику поведения избрать.

— Для кого день, а для кого вечер, — ответил старик и, достав из-под стола камень в дырочках, хотел поднести его к глазу.

— Не надо, — сказал Андрей. — У меня нет.

Старик молча положил камень на стол.

— Заприте дверь и проходите, — он встал из-за стола, прошелся по комнате, внимательно посмотрел на гостя.

Андрей, закрыв тяжелую задвижку, прошел к столу и устало опустил на скамейку. Некоторое время они молчали.

— Издалека? — наконец спросил старик, нарушив тишину.

— Очень, — решительно ответил Андрей, почувствовав необъяснимое расположение к хозяину дома.

— Давно здесь?

— Несколько часов.

Андрей вдруг взял со стола дырявый камень и сквозь него посмотрел на старика. Все выглядело обычно, но вокруг головы старика вдруг обрисо-

валось слабое свечение, играющее различными оттенками красного цвета и местами покрывающееся коричневыми и черными пятнами.

— У меня есть, — сказал тот, — но пусть вас это не смущает.

— Я буду говорить начистоту, — Андрей положил камень на стол. — Я не знаю ни назначения вашего свечения, ни вообще всего того, что здесь происходит. Если вы хотите мне помочь, то должны хоть немного ввести в курс дела.

— Я так и думал. Вы вошли в ложную дверь?

— Да, и очень хотел бы выйти обратно. Но прежде я должен найти своего друга, если это еще возможно.

— Я готов просветить вас по поводу того, куда вы попали, — старик, заложив руки за спину, дважды прошелся взад-вперед по комнате. — Начинать, пожалуй, надо издалека.

В это время с улицы послышался шум.

Х

Старик медленно подошел к двери и, осторожно отодвинув засов, приоткрыл ее.

— Что там? — насторожился Андрей.

— Ничего страшного. Вечерняя разрядка. Мероприятие, способствующее расходованию накопившихся за день отрицательных эмоций.

Андрей подошел к хозяину дома и из-за его плеча стал смотреть в приоткрытую дверь.

— Здесь главная площадь поселка. Поэтому все мероприятия проходят перед моим домом, — пояснил старик.

На площади тем временем собралось много людей, которые разделились на две группы, разойдясь на некоторое расстояние.

— При-и-готовсь! — нараспев прокричал низкий хрипловатый голос, многократно усиленный каким-то техническим средством, и эта команда гулким эхом отозвалась со всех сторон.

Обе группы замерли. Трижды повторившийся протяжный звук неизвестного духового инструмента сорвал массу людей с места, и две толпы с нарастающей скоростью и с диким криком помчались навстречу друг другу. Крики людей заглушал монотонный барабанный бой. Толпы схлестнулись, и люди с искаженными от злобы лицами начали колотить друг друга. Они рвали друг на друге одежду, таскали друг друга за волосы, усердно и с нескрываемым удовольствием пинали ближних ногами. Перед самой дверью двое лохматых и небритых, дикого вида людей в серых мешкообразных рубахах, схватив за ноги третьего, таскали его лицом по грязи и при этом восторженно вопили.

Барабанный бой прекратился. Снова прозвучали три зазывающих сигнала, и люди стали постепенно расходиться, утаскивая тех, кто не мог идти самостоятельно.

— Вечерняя разрядка закончена, — уныло прозвучало над площадью. — Срочно расходиться по домам. Не забудьте как следует закрыть окна и двери. Сейчас наступит ночь.

Вокруг стало тихо и пусто. Старик закрыл дверь на засов и, пройдя через комнату, взял в углу небольшую лесенку, которую приставил к стене под единственным в доме окном, расположенным под самым потолком. Тяжело взобравшись на нее, он задвинул окно тяжелым деревянным щитом, после чего в доме наступил полный мрак.

— Начинает темнеть, — сказал он из темноты. — Лучше побережься. Впрочем, если они очень захотят, никакие задвижки не спасут.

В комнате что-то затрещало, посыпались искры, и загорелся маленький, но довольно яркий факелок, приделанный к стене.

XI

— Итак, вы хотите знать, где находитесь и что здесь происходит, — старик сел за стол и на несколько секунд задумался. — Это другое измерение, мир, параллельный вашему. Когда-то люди пришли сюда, надеясь найти здесь обетованную землю, сказочный рай. Главная особенность здешней природы — постоянный туман. Из-за него мы можем видеть только то, что находится в непосредственной близости от нас. Мы даже не знаем, какое здесь небо, или что у нас вместо него. Я думаю, что все это кому-нибудь надо. Если свершится чудо и туман рассеется, я подозреваю, мы увидим такое!.. Тогда мы содрогнемся, в головах у нас все перевернется и что-то обязательно произойдет. Я не знаю, что именно, но произойдет что-то грандиозное, потрясающее.

— Кто правит этим миром?

— У нас есть свое правительство и есть великий правитель. Но все это внешнее выражение власти, — старик перешел на шепот. — За ними стоит что-то неведомое нам. И это что-то сильнее людей. А люди бессильны, — старик быстро встал, подошел к вмонтированному в стену шкафу и, открыв его, достал сосуд, подобие большой стеклянной колбы, в котором клубилась полужидкая, полугазообразная

масса, постоянно меняющая цвет от ярко-красного до коричневого и черного.

— Это вразумин, — сказал старик. — Его пьют три раза в день. Это вещество и делает людей такими, какие они есть. Оно не позволяет им свободно мыслить, и оно же дает свечение, которое можно увидеть через специальную породу камня с отверстиями нужного диаметра. Любого, кто не употреблял вразумин, видно уже на следующий день. А у того, кто употребляет усиленную дозу, начинают светиться волосы, и это уже видно невооруженным глазом.

— Позвольте, но как же вы? Ведь у вас тоже есть это свечение.

— Я их обманул. Мне удалось изобрести порошок, который дает свечение, не влияя на психику. Оно отличается от того, что у других, и это можно увидеть через большой прибор. Так что меня могут разоблачить в любой момент.

— А почему бы вам не попытаться уйти в наш мир?

— Во-первых, это не так просто. Открывать и закрывать входы и выходы может только привилегированная каста швейцаров. Эти люди связаны с самыми темными силами. А во-вторых, живущие здесь люди, особенно пожилые, не могут существовать в другом измерении. Здесь что-то происходит с человеком, и в другом мире он оказывается нежизнеспособным. Молодым еще есть смысл рискнуть, но чем старше человек, тем меньше его шансы.

— А сколько живут люди в этом мире?

— Здесь люди вообще не умирают, ведь это и так нечто вроде загробной жизни. Просто в определенное время за ними прилетают эти мерзкие птицы-кошканы — служители самого дна

преисподней — и утаскивают людей в глубину земли. Что там? Никто не знает, оттуда еще никто не возвращался. Постепенно население наше сильно уменьшилось, и кошканам стало не хватать тех, чей черед уже подошел. Поэтому они стали охотиться за всеми зазевавшимися. Ночью у нас вообще не принято выходить из домов. Ночь — это время кошканов.

— Я их видел, — сказал Андрей.

— Где? Когда? — удивился старик.

— Днем, в каменном лесу.

— Какой ужас! Как вам удалось уйти?

— Никак. Они просто не тронули меня.

— Видимо, что-то в вас их смутило. Скорее всего, они увидели или почувствовали, что вы не из этого мира, и это озадачило их. Но испытывать судьбу второй раз я вам не советую. Кстати, что касается вашего появления здесь: в связи с уменьшением населения нашего мира местные правители стали проводить политику его пополнения за счет заманивания людей из вашего измерения. Скорее всего, вы с вашим приятелем попали в ловушку, ваш друг наверняка у них в руках, а с вами у них какая-то промашка вышла.

В дверь тихонько постучали.

XII

Андрей подскочил, выискивая глазами, куда можно спрятаться.

— Стражники не ходят так поздно — боятся, — пояснил старик.

Загремел засов, дверь приоткрылась, вместе с дыханием холода впустив в дом молодую, лет двадцати пяти, женщину в сером, слегка

облегающем фигуру платье. Вокруг головы ее был повязан белый платок, из-под которого выбивались темные пышные волосы.

— Эллина, я же просил тебя не ходить так поздно, — укоризненно сказал старик, торопливо задвигая засов на двери. — Уже почти стемнело, и окрестности наверняка кишат кошканами.

Женщина, слегка сощурясь, внимательно посмотрела на незнакомца большими грустными глазами и, повернувшись к старику, показала Андрею тонкий бледный профиль.

— Я догадывалась, что он у тебя.

Она медленно подошла к гостю и вновь, слегка сощурясь, с любопытством оглядела его.

— Вы с того света? — спокойно спросила она мягким голосом.

Андрей вопросительно взглянул на старика и, неожиданно разволновавшись, взял со стола камень, повертел его в руках, сделал движение, чтобы поднести его к глазам, но еще больше смутился и опустил руку. Женщина все так же спокойно и не спеша взяла камень из его рук, посмотрела сквозь него на незнакомца, положила прибор на стол и, улыбаясь почти одними глазами, с оттенком кокетства сказала:

— Ай-ай-ай, какое преступление!

— Да не слушайте вы ее! — махнул рукой старик. — Это моя внучка. Она у меня умница и тоже пользуется моим порошком, — и, кивнув в сторону Андрея, добавил: — Наш гость ищет своего приятеля.

— Я догадываюсь, — женщина сняла платок, и ее пышные волосы рассыпались по тонким, слегка угловатым плечам. Она сделала паузу, сосредотачиваясь. Глаза ее снова стали грустными, уголки губ дрогнули, несколько

опустившись вниз, отчего выражением лица женщина стала походить на обиженного ребенка. — Я знаю, что его закопали. Он оказался слишком строптивым.

— Как? Они убили его! — Андрей бесцельно побрел к выходу, немного постоял, бессмысленно глядя на закрытую дверь, и быстро заходил по комнате, пытаясь что-то сообразить.

— Здесь не убивают, — будто издалека услышал он голос хозяина дома. — Они когда-нибудь откопают его. Здесь всех закопанных время от времени откапывают. Потом могут снова закопать и еще раз откопать — так сколько угодно раз.

Андрей остановился:

— Я не могу ждать, когда моего друга надумают откопать. Я должен сам сделать это. У вас есть какая-нибудь лопата?

— Сейчас бесполезно куда-то идти, — ответила Эллина. — Вы ни за что не дойдете до кладбища. Пойдем утром, и я вам помогу. Но как вы думаете уйти в свой мир? У вас есть план?

— Нет, я еще не думал над этим. Там видно будет, мне бы только Вадима откопать.

— У нас короткие ночи и всем нам не мешает немного отдохнуть. Устрой гостя на ночлег, — сказал старик и, открыв узкую дверцу, в которую можно было войти только согнувшись пополам, исчез в маленькой комнатушке, скорее напоминавшей кладовую.

XIII

Андрей сел за стол, подперев голову руками, и долго молчал. Эллина тихо опустилась на скамью возле него.

— Я верю, что вы выберетесь отсюда. Я очень хочу, чтобы вы выбрались, — сказала она.

— А почему бы вам тоже не попробовать уйти? Ведь вы еще молоды, и у вас есть шанс.

— Мне тоже будет нелегко освоиться там, хотя вы правы — в моем возрасте еще не все потеряно.

— Так пойдемте! — Андрей перешел на шепот. — Я не знаю, как завтра сложится день, но точно знаю, что здесь не останусь. И вам есть смысл рискнуть.

— Да-да! — горячо зашептала она. — Я все понимаю и очень хотела бы пойти на этот риск. Но могу ли я оставить одинокого человека? Ему даже не с кем будет поговорить. Он просто сойдет с ума.

— Жаль! Очень жаль, — сказал Андрей, глядя в ее глубокие, полные грусти глаза.

— Здесь и так бывает тоскливо до умопомрачения, — продолжала Эллина. — Знаете, как тяжело жить среди ограниченных, озлобленных людей с примитивными потребностями... — она неожиданно замолчала.

— Говорите, — попросил Андрей, — выскажите все ваши чувства, и вам станет легче.

— Ах, нет! — сказала Эллина, поднимаясь. — Не стоит тратить на слова. Самые сильные чувства те, которые не высказаны.

Она постелила кусок грубого полотна на откидывающуюся от стены полку.

— Придется представить, что я еду в вагоне, — попытался пошутить Андрей, укладываясь на предназначенную ему постель. Но лицо женщины осталось серьезным и задумчивым.

— Завтра нас всех могут закопать, — тихо проговорила она.

Андрею снился туман, клубящийся, поднимающийся вверх, стекающий вниз, накатывающийся гигантскими волнами. За ним все время проступали размытые неясные контуры, которых он никак не мог разглядеть. Проснувшись, Андрей понял, что уже рассвело. Окошко над потолком было открыто. Старик шумно поставил у стены лопату, увесистый деревянный кол и заостренную книзу широкую доску.

— Вот все, что есть, — сказал он, увидев, что его гость открыл глаза. — Я тоже пойду с вами, но надо немного подождать. Подъем еще не объявили, и если мы сейчас выйдем из дома, то сразу вызовем подозрение.

XIV

Андрей нетерпеливо прохаживался по комнате. В углу на стоящем вертикально бревне было горизонтально укреплено чуть заржавленное железное ведро, из которого во все стороны торчали металлические прутья.

— Телевизор, — проследив взгляд Андрея, пояснил старик. — Кстати, слышите: играют подъем, а после него обещали трансляцию выступления главного министра. — С улицы действительно донесся протяжный сигнал. Старик подошел к ведру, неожиданно сунул туда голову и, высунув ее обратно, сказал: — Да. Уже началось.

Андрей недоверчиво посмотрел на старика, но все же полез головой в ведро. В то же мгновение он словно высунулся в какое-то отверстие и увидел перед собой нечто похожее на небольшой стадион, в центре которого стояла деревянная трибуна, украшенная нарисованными на ней пестрыми цветами. На трибуне сто-

ял человек в длинной серой рубаше в черную горизонтальную полоску и с большим белым воротником. На голове министра была высокая заостренная шапка, на самом верху которой красовался маленький синий флажок в красный горошек. Вокруг трибуны собралось немало слушателей. Над ними прямо в воздухе висели сотни, а может, и тысячи человеческих голов, которые внимательно смотрели на оратора, моргали, иногда поворачивались, словом, проявляли все признаки жизни.

— Это что за головы? — удивленно спросил Андрей и не услышал ответа старика. — Чьи это головы? — повторил он громче.

— Эй ты, заткнись! — скосив глаза, злобно прошипела ближайшая голова. — Мешаешь слушать.

Андрей подался назад, вновь оказавшись в избе. Старик, казалось, не слышал вопроса.

— Там какие-то головы висят в воздухе, — растерянно произнес Андрей.

— Такие же, как твоя, — улыбнулся старик. — Это телезрители.

Андрей снова сунулся в ведро и, вновь оказавшись на стадионе, прислушался к речи министра.

— Прошло много лет, — говорил министр, — с тех пор, как артель великих художников-абстракционистов нарисовала дверь, которая благодаря силе их негибаемого духа в период лихолетий вдруг отворилась, и масса народа ринулась в нее в надежде уйти от всего гнетущего и коротким путем достичь высшей жизни в другом измерении. В настоящее время около двух десятков таких дверей надежно охраняются нашими швейцарами и открываются лишь по мере необходи-

мости. Мы же тем временем неукоснительно движемся к тому дню, когда осуществится, наконец, мечта наших славных абстракционистов. Никто не знает, сколько еще времени пройдет до этого дня, но уже точно известно, что это будет в четверг. В этот день рассеется туман, пойдет дождь, и сразу после дождя начнется то, чего мы так долго ждем. Мы ни в коем случае не должны помышлять о том, чтобы через старые двери вернуться в то измерение, из которого ушли. Возможно, чтобы ускорить движение к цели, нам нужны новые двери, которые уведут нас еще дальше. И уже нашлись художники-умельцы, подобно основателям нашим, нарисовавшие такую дверь. Нет, это даже не дверь, это огромные ворота, написанные флюоресцентными красками на гладко отшлифованной скале. Мы хорошо помним тот момент, когда собравшаяся у подножия скалы большая масса народа восторженно смотрела на эти новые ворота. Но пока что ворота не открываются, а попытка толпы выбить их с разбега закончилась многочисленными травмами. Видимо, в чем-то не точен расчет. Но это временные трудности. Кроме того, — министр запнулся, на несколько секунд задумался и растерянно посмотрел по сторонам. — Кроме всего прочего... я хотел сказать, — снова запнулся, — короче говоря, я хотел сообщить некоторые факты, которые, учитывая такое огромное количество слушателей, говорить, может быть, и не стоит.

— Трансляция прекращается! — закричал ведущий программы, трижды хлопнув в ладоши.

Большинство висевших в воздухе голов тут же испарились, но особо любопытные исчезать не торопились. Тут же по площади побежали солдаты с длинными палками, на бегу нанося

удары по оставшимся головам и громко выкрикивая при этом:

— Прекращается! Прекращается!

Головы быстро прятались. Андрея так поразило это зрелище, что он не успел вовремя среагировать и сам получил палкой прямо в лоб. Его отбросило назад, перед глазами поплыли разноцветные круги, и он шумно уселся на пол посреди избы.

— Что-то случилось? — участливо спросил старик, подбегая.

— Да нет, ничего, — успокоил его Андрей, потирая ушибленный лоб. — Просто отменили трансляцию.

XV

Пока Андрей слушал министра, Эллина встала и уже была готова к запланированному опасному мероприятию. Когда они втроем вышли из дома, туман был не очень густым и сквозь него виднелось несколько соседних домов. Где-то поблизости были слышны голоса, иногда шаги. По площади, где вчера проходила вечерняя разрядка, прогуливался бородатый детина небрежного вида с дубиной в руках. Увидев идущих, он остановился, оперевшись на дубину, и недовольно процедил сквозь зубы:

— Хо-о-дят здесь! — и уже вослед добавил: — У-у! Как дал бы, чтоб не ходили.

— К незнакомым лучше не подходить, — пояснил старик.

Они шли молча, стараясь ступать как можно тише. Туман стал гуще, и Андрей вряд ли сразу нашел бы кладбище, если бы не его про-

водники. Но вот впереди он снова услышал стоны и крики, которые, как он теперь ясно осознал, доносились из-под земли.

— Вчера закапывали только одного, — сказал старик. — Это где-то здесь, на окраине, но я точно не знаю, который из камней.

— Я знаю, — сказал Андрей. — Я все это видел. Если бы я тогда знал...

— Тише! — шепотом прервала его Эллина. — Здесь недалеко землянка охранника. К стонам он привык и разговор сразу отличит.

Андрей узнал место, с которого вчера ему пришлось убежать.

— Подкапывать надо осторожно, чтобы камень не опрокинулся на нас, — старик попробовал копать лопатой утрамбованный грунт.

— Нет, — сказал Андрей, — верхний слой надо долбить.

Поднимая над головой увесистый кол, он стал с силой вонзать его в грунт. Старик быстро выбрасывал землю лопатой, а Эллина отгребала ее доской. Когда грунт стал рыхлым, Андрей взял у старика лопату и стал быстро врываться вглубь.

— Довольно! — старик разогнулся, закричал и потер ладонью поясницу. — Теперь роем вбок, под камень.

Через некоторое время земля перед Андреем вдруг зашевелилась, край ямы осыпался и из него вместе с грунтом вывалился Вадим. Рубашка на нем была изодрана, волосы взъерошены, лицо черное от земли, и только глаза горели от возбуждения.

— Они меня закопали! — вдруг закричал он и с силой пнул ногой в стенку раскопа. — Эти сволочи зарыли меня живьем! Нет, ты не пред-

ставляешь, что значит оставаться живым там, — он указал рукой, — под землей!

— Успокойся, — Андрей крепко взял его за плечо. — Нас могут услышать.

Вадим замер, взгляд его несколько прояснился, и он посмотрел на Андрея так, словно только что увидел его.

— Как ты меня нашел? — уже спокойно спросил он.

— Уходим! Быстрее! — Эллина начала быстро выталкивать старика из ямы. Андрей помог ей.

Огромный камень медленно поворачивался набок, грозясь накрыть всех четверых. Выбравшись из ямы, люди едва успели отскочить в сторону. Камень рухнул прямо на подкоп. В наступившей на мгновение тишине послышался шуршащий звук, и черный кошкан, возникший из тумана, затрепетал крыльями перед самым лицом Андрея, показывая белый оскал зубатого клюва. Андрей сжал в руке зачем-то прихваченную из раскопа лопату и резко махнул ею перед собой. Птица метнулась в сторону, но лопата все же задела ее, и она, перевернувшись в воздухе, упала на камень, впившись в него цепкими когтистыми лапами.

— Ми-иа-у! — взвыла химера, растопылив крылья, широко раскрыв клюв и мелко затрясавшись всем телом. Ее маленькие глазки вдруг загорелись красным светом, перья поднялись, делая птицу еще больше в размерах. Затем кошкан взмыл вверх и скрылся в тумане.

— Только этого не хватало, — забеспокоился старик.

— Надо уходить. Мы нашумели. Сейчас здесь будут стражники, — сказала Эллина.

— Пойдем с нами! — Андрей взял женщину за руку.

— Иди, иди с ними, — поддержал старик, — вдруг тебе повезет.

На лице женщины отразилась растерянность. Она быстро переводила взгляд с деда на Андрея и снова на деда.

— Нет, ну по крайней мере, не сейчас, — наконец ответила она, — я же не могу его здесь вот так оставить. Не теряйте времени.

И, ухватив слегка сопротивляющегося старика за рукав, Эллина потащила его за собой. Затем она еще раз оглянулась, прежде чем скрыться из виду, и сделала оставшимся жест рукой, чтобы они уходили.

XVI

Вадим и Андрей, не сговариваясь, быстро направились в противоположную сторону. По каменному лесу они бежали. Андрей не выпускал лопату из рук, ежесекундно ожидая нападения. Вот слева что-то темное вынырнуло из тумана, и он тут же нанес удар. Послышался хруст, и лопата разломилась, оставив в его руках обломок черенка. Темный предмет оказался длинной разлапистой окаменевшей веткой.

Лес кончился, и туман резко поредел. Андрей увидел уже знакомую огромную лужу.

— Дверь совсем близко, — сказал он. — Только как мы ее откроем?

— Ой, кого я вижу! — раздалось за спиной, едва лужа осталась позади. — Все знакомые мимо шастают, да вот в гости не заходят.

Друзья огляделись и не сразу увидели торчащую из воды голову.

— Ага-а, вот где ты! — Вадим подался вперед, пытаясь выхватить из рук Андрея обломок черенка.

— Кто старое помянет — тому глаз вон, — скороговоркой произнесла голова и скрылась под водой, оставив на поверхности пузыри.

— И ты с ним знаком? — усмехнулся Андрей, не отдавая черенок. — Да черт с ним, не до него сейчас!

И они направились было дальше.

— Неужели все еще бегаєте? — спросила вновь появившаяся из воды голова. — Ну, шустрые ребята! Глядите, добегаетесь!

— Да пошел ты! — махнул рукой Вадим.

— Слушай, приятель, — сказал Андрей, обращаясь к водяному, — увидишь главного министра, передай ему, что он такой же шут гороховый, как и ты.

— Как же, как же, обязательно передам, — ехидно ответила голова. — Вот обсохну малость и побегу.

Дальше они снова бежали. Скорее всего, стражники шли за ними и были уже совсем близко. Больше всего Андрей боялся, что каменной лестницы не окажется на месте, ведь в этом «задверье» можно было ожидать чего угодно. Но с лестницей ничего не случилось. Вадим первый вбежал по ней сквозь клубы густого тумана и уперся в холодную стену. Никаких признаков двери на серой гладкой поверхности не было.

— Что?! — нетерпеливо спросил Андрей, остановившись на середине лестницы.

— Ничего, — мрачно ответил Вадим и начал спускаться вниз.

Они уселись под лестницей и долго молчали.

— Куда теперь бежать и зачем? — спросил наконец Андрей, словно рассуждая сам с собой. — Они догонят нас. Здесь сплошная стена.

— Тихо! — шепнул Вадим, и оба прислушались.

XVII

Раздался скрип. Туман вверху посветлел, и в нем обрисовался дверной проем. В нем появился силуэт человека, и проем, сузившись, исчез.

— Он закрыл, — отчаянно прошептал Вадим.

Друзья припали к земле не шевелясь. По ступенькам медленно спускался, все отчетливее вырисовываясь из белесой пелены, знакомый им бородач.

— Берем живьем, — сказал Вадим и, вырвав из рук Андрея обломок черенка от лопаты, выпрыгнул из-за ступенек. Ухватив швейцара за одежду, он повалил его и черенком крепко зажал ему горло. Тот захрипел, но, несколько придя в себя, засмеялся:

— Меня нельзя убить, а дверь вам все равно не открыть. Вы в безвыходном положении.

Вадим усадил пленника на ступеньки и вопросительно посмотрел на Андрея.

— Слушай, — сказал тот, вплотную подходя к бородачу, — хочешь, мы навсегда испортим тебе карьеру?

— В вашем ли положении говорить в таком тоне? — блеснул зубами швейцар.

— Как раз в нашем-то положении ничего другого и не остается, — твердо ответил Андрей. — Когда нас схватят, мы заявим, что были

свидетелями того, как ты отсюда выпускал людей на тот свет через доверенную тебе дверь.

— Вам не поверят, — ответил пленник, но лицо его вдруг посерьезнело.

— Конечно, не поверят, — продолжал Андрей, — но тебя на всякий случай отсюда уберут и, может быть, на всякий случай закопают. А вдруг то, что мы говорим, имеет хоть какой-то процент вероятности? У вас ведь любят перестраховываться. Зачем кто-то станет рисковать. А? Придавят камешком, не сильно, на время, а потом как-нибудь откопают, но в швейцары уже не назначат.

— Связался я с вами, — сердито сверкнул глазами бородач. — Пожалуй, действительно можно неприятности нажить. Ладно, убирайтесь, раздумывать некогда. В конце концов не я виноват, что они не смогли вас задержать.

Он быстро вбежал по ступенькам. Вадим так же быстро последовал за ним, удерживая пленника за рукав. Вслед за ними поднялся Андрей, тревожно оглядываясь по сторонам и прислушиваясь.

— Пусти! — бородач резким движением высвободил рукав, повернулся лицом к стене и стал делать руками движения, отдаленно напоминавшие утреннюю зарядку. Затем он припал к стене, провел по ней ладонями и приоткрыл дверь.

Вадим и Андрей ринулись было к выходу, но бородач резко преградил вход рукой (в то же время Вадим вставил ногу в дверной проем).

— Но учтите, — назидательно сказал швейцар, — там вам никто не поверит. Поэтому лучше и не рассказывайте никому.

Вдруг почва дрогнула под ногами.

XVIII

Туман раздался в стороны. Послышался оглушительный гул. У основания лестницы в воздух поднялся столб земли и пламени, открывая в земле круглую дыру, мерцающую в глубине багровыми бликами. В то же мгновение из нее, словно подброшенный мощной рукой, взмыл вверх огромный ярко-синий кошкан. Он тут же расправил крылья, на секунду завис в воздухе и с оглушительным «мя-у-у-у!», сверкая красными глазами, спикировал прямо на швейцара. Тот успел только вскрикнуть и присесть. Птица зацепила его мощными когтями и, резко рванув в сторону, опрокинула на лестницу. Бородач со всего маху ударился о каменные ступени, обильно обрызгав их кровью, и покатился вниз. Большой кошкан, сделав разворот, взмыл вверх и пошел на второй заход. Тем временем из дыры, противно мяукая на разные голоса, выпорхнула целая стая мелких черных кошканов и, облепив со всех сторон неподвижное тело бородача, поволокла его к зияющему в земле отверстию.

— Мя-у-у-у! — большой кошкан, на глазах увеличиваясь в размерах, с нарастающей скоростью пикировал на оставшихся у двери.

Андрей, выйдя из оцепенения, увидел, что Вадим сидит на ступеньках, растерянно оглядываясь вокруг. Он ухватил приятеля за ворот и, бросившись в дверь, потащил за собой. Рубашка затрещала, и, выдрав из нее клочок, Андрей буквально влетел в помещение за дверью. Вадим, уже окончательно придя в себя, в последний момент перевалился через порог, свалившись на пол рядом с Андреем.

Кошкан глухо ударился о пространство дверного проема, и оно медленно заколыхалось, словно поверхность воды.

— Ага, не можешь! — радостно закричал Вадим и рассмеялся.

Птица, повиснув в воздухе, затряслась всем телом, вспучила перья и часто застучала зубами. Вокруг нее с визгом и воем носилось множество мелких кошканов.

Затем вся стая во главе с вожаком скрылась под землей.

В то же время из отверстия поднялся густой туман и закружился смерчем. Когда туман несколько рассеялся, воронки уже не было видно. Зато вдаль появилось множество нечетких силуэтов.

— Стражники, — сказал Андрей, — может быть, лучше закрыть дверь?

— Подожди, — ответил Вадим, — мне хочется посмотреть на их физиономии, когда они увидят, что мы уже здесь.

— Твое злорадство тебя погубит, — усмехнулся Андрей. — А, впрочем, мне и самому это любопытно.

И вот уже четко обозначились футбольные номера на форменной одежде. Кто-то один был не в форме. Присмотревшись, друзья узнали в нем старика, которого стражники вели под руки.

— Подождите! Не закрывайте дверь! — закричал огненно-рыжий начальник стражи, когда солдаты уже были совсем близко. — Есть разговор!

Двое стражников повели старика вверх по лестнице. Он шел с опущенной головой, тяжело шагая со ступеньки на ступеньку. Не дойдя до верха, старик остановился. Стражники попытались его тащить, но он стал упираться.

— Оставьте его! — крикнул Вадим.

Стражники отпустили старика. Он стоял, не глядя перед собой.

— Эллина просила, чтобы вы взяли ее с собой, и мы получили разрешение выпроводить ее вместе с вами после прохождения некоторых формальностей, — сказал рыжий.

— Нам не нужны такие, как вы и она. Старик может подтвердить. Подтверди! — крикнул он старику.

Тот молчал.

— Ты слышишь? Подтверди, что я говорю правду! — вновь закричал рыжий.

Старик поднял голову, грустно посмотрел на своих знакомых и закричал:

— Они закопали ее!

Один из стражников тут же изо всей силы ударил старика, и тот повалился на лестницу. Вадим и Андрей выскочили наружу, пытаясь помочь своему спасителю, но навстречу им побежали не меньше десятка стражников, и они отпрянули назад, вновь оказавшись на своей территории. Двое стражников взяли старика за ноги и потащили его вниз по ступенькам.

— Никогда! — закричал старик срывающимся голосом, пытаясь приподняться на руках. — Слышите, никогда не входите в ложную дверь!

Солдаты столпились на лестнице и из-за них уже не было видно, что происходит внизу. Один из них обогнал всех и на мгновение приостановился у входа, готовясь наброситься на чужаков.

— Как бы не так! — язвительно сказал Вадим, но стражник без труда перешагнул порог и попытался схватить его. Вадим на секунду растерялся, но тут же нанес стражнику неожиданно сильный удар в челюсть. Тот отлетел назад и, пытаясь удержаться на ногах, вцепился в Андрея. Андрей по-

терял равновесие, но успел оттолкнуть стражника от себя. Стражник вылетел наружу, а Андрей, падая, попытался ухватиться за дверь. Руки скользнули по двери, лишь толкнув ее, и, уже лежа на полу, Андрей увидел, как дверь захлопнулась перед набегавшими на нее стражниками.

XIX

Наступила тишина. Вадим задумчиво погладил дверь рукой:

— Нарисованная.

Вооружившись ножом и топором, они тщательно ободрали стену, не оставив на ней и следа ложной двери. Вадим облегченно вздохнул и, подойдя к камину, над которым висела их одежда, тихо сказал:

— А одежда-то наша высохла.

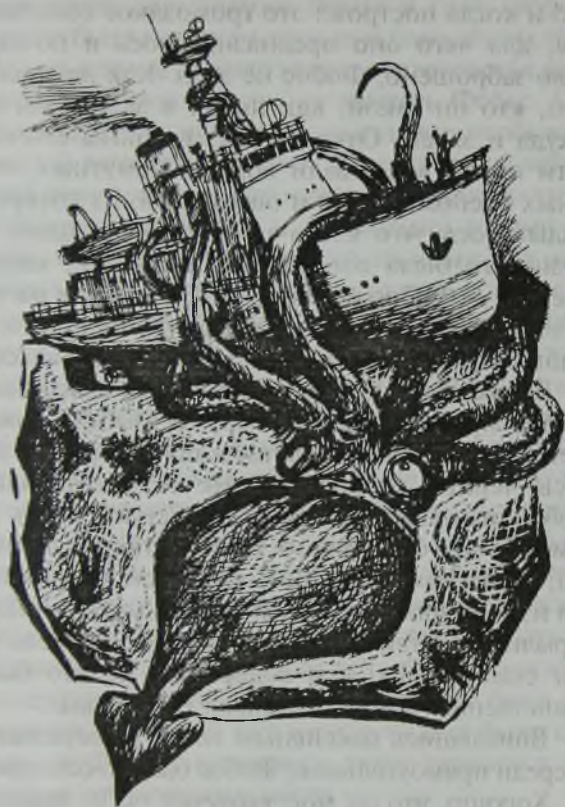
Погода была ясной. В лесу пахло свежестью, щебетали птицы, и все, что происходило за дверью, казалось им теперь каким-то бредом, наваждением.

— Может, мы зря уничтожили дверь? — после долгого молчания спросил Андрей. — Вдруг нам удалось бы еще раз войти? Мы могли бы попытаться откопать их.

— Вряд ли мы с тобой дождались бы, чтоб эта дверь вновь отворилась. Но когда-нибудь она, несомненно, открылась бы, и в нее еще кто-нибудь угодил бы, — ответил Вадим после некоторой паузы.

Видимо, он и сам думал об этом. Совсем близко за деревьями послышался шум приближающегося поезда.

— Кажется, поспеваем вовремя, — сказал Вадим и прибавил шаг.

ФЕБЕС

Фобос медленно плыл вдоль длинного темного тоннеля, ведущего к выходу из каменного лабиринта, уходящего глубоко под дно залива. Кто и когда построил это громоздкое сооружение, для чего оно предназначалось и почему было заброшено, Фобос не знал. Как не знал и того, кто он такой, как попал в залив, когда, откуда и зачем. Откуда-то из глубины его памяти порой всплывали обрывки смутных, неясных воспоминаний и ощущений, из которых угадывалось, что когда-то он был не один, и жизнь его была совершенно иной. Но какой именно — Фобос не помнил. Он вообще ничего не помнил из своего далекого прошлого, а лишь подсознательно ощущал и догадывался.

Ближе к выходу, где чуткие глаза Фобоса улавливали пробивавшийся снаружи слабый серый свет, от колыхания воды шевелились зыбкие абрисы черных водорослей. Не останавливаясь, Фобос захватывал цепкими челюстями пучок их и медленно, без всякого удовольствия, заглатывал, не пережевывая. Время от времени выплывая из мертвого залива подальше в море, он подкармливался также рыбой, которую терпеть не мог еще больше, чем водоросли, но это была единственная пища, дававшая ему жизнь.

Вписавшись массивным телом в светлевший впереди прямоугольник, Фобос быстро осмотрелся. Хорошо, что он мог, выпучив глаза, вращать ими по сторонам, не изгибаясь и не разворачивая свое массивное тело. Мутноватая вода залива, в которой мог жить только Фобос да редкие темные водоросли, нечасто бывала тихой и спокойной. То и дело издали, оттуда, где громозди-

лись гулками корпусами плавающие вместилища, набитые копошащимися двуножками, доносились различные шумы — гул, скрип или грохот, от которого вода вздрагивала, словно с испугу, или ее пронзала мелкая дрожь. При движении вдоль обрывистого берега в одну сторону можно было услышать шум двух ближайших труб. Из них в залив стекала тяжелая зеленоватая жидкость, которую так любил вдыхать Фобос. Она бодрила его и придавала ощущение необыкновенной легкости. Выбрасываясь из труб, цветная вода опускалась ко дну и лишь там растекалась в стороны, смешиваясь с остальными водами залива. Фобос обожал полежать на песке под этим зеленым водопадом, зато в другой стороне от входа в лабиринт недавно появилась еще одна труба, выбрасывавшая из себя противную жидкость, от которой щемило глаза, млели щупальца и начинало жечь внутри. Однажды, плотно обмотав эту трубу щупальцами, Фобос сдавливал ее до тех пор, пока она не сплюснулась. Но по-прежнему ядовитая вода продолжала вытекать в залив. Тогда Фобос, изнемогая от болезненного состояния, повис на трубе и рывками стал подворачивать ее под себя. Труба вновь поддалась, и край ее, загнувшись книзу, перестал источать яд. Однако уже на следующий день он был аккуратно срезан, а оставшаяся часть трубы была так коротка, что с ней уже ничего нельзя было сделать, и Фобосу оставалось лишь держаться подалеже от зловещего места.

С тех пор вода в заливе стала хуже. Но долго жить в открытом море Фобос и вовсе не мог. Среда, в которой умудрялись обитать многочисленные, кишашие тут и там глупые твари, не подходила ему еще больше. Поэтому, время

от времени выплывая из залива в открытое море, чтобы поесть рыбы, Фобос до наступления темноты возвращался обратно.

Скользя низко над поверхностью дна, на которой то и дело виднелись непонятные вещи, брошенные сверху обитателями берега, Фобос, опустив несколько щупалец вниз и погрузив их в прохладный песок, взрыхлял под собой грунт, оставляя позади длинную полосу поднимавшейся кверху мути. Возможно, этот след был виден и на поверхности воды. Раньше Фобос поостерегся бы так проявлять себя, но в последнее время ему стало как-то все равно. Забавные двуножки, обитавшие на берегу, когда-то вызывали у него любопытство и зависть, а теперь безразличие или раздражение. Прежде Фобос любил, поднявшись к поверхности так, чтобы над водой были только глаза, наблюдать за двигающимися на берегу двуножками, разглядывая их сооружения и всяческие приспособления, с помощью которых береговые жители компенсировали свое несовершенство. Ему было интересно, прилипнув присосками к корпусу плавающей раковины, через светящиеся в нем отверстия наблюдать за жизнью сухопутных существ. В заливе он стремился жить тихо, незаметно и лишь в открытом море однажды решился всплыть перед раковиной двуножек. Это было очень давно, но уже в тот период жизни, который Фобос знает хорошо. Тогда он уже жил в лабиринте. Он помнит, как кричали, метались и проваливались внутрь раковины эти не принявшие его существа. Крики их сливались в сплошной неразборчивый шум. И только одно короткое сочетание звуков, выделившись из всех других, ясно донеслось до его слуха: «Фобос!» — отчетливо услышал он. Фобос не мог знать, что обозначает это звуко-

четание, но определенно понял, что это имеет какое-то отношение к нему, что, может быть, это он — Фобос. Что ж, по крайней мере, теперь у него было имя.

С тех пор Фобос долго не рисковал показываться двуножкам, и его отношения с ними ограничивались тем, что он наловчился отрывать от больших плавучих раковин и утаскивать сети с рыбой. Но потом раковины, охотящиеся за рыбой, куда-то исчезли.

Спустя много времени, Фобос встретил в море необычное и потому особенно любопытное судно. На нем зажигались и гасли разноцветные огни, доносились приятные переливающиеся звуки и радостные повизгивания обитателей берега. А под водой уже становилось темно, и лишь на поверхности поблескивали последние желтые блики. Пора было возвращаться. Вода открытого моря тяготила Фобоса, ему становилось тяжело дышать. Он и так уже слишком задержался. Но сияющее судно манило наружу, не давая покоя. И Фобос следовал за ним у самой поверхности, словно привязанный. Черная бездна внизу сулила покой и безопасность — ничто не могло его там потревожить, никто не мог осмелиться ему угрожать. Но чувство любопытства и тайная надежда хоть как-то сблизиться с почти неведомым ему миром влекли вверх. А притаившееся ощущение опасности и сбивавшее дыхание волнение только подталкивали к необдуманному действию. И он всплыл. Всплыл у самого борта раковины, сильно высунувшись из воды. Вверху послышались громкие крики, на раковине началось беспорядочное копошение, а потом появились вспышки, донеслись громкие хлопки, и что-то мелкое, слегка покалывающее застучало по

упругой коже и жестким панцирным пластинам. Одна вспышка была особенно яркой. После нее Фобос получил сильный удар чуть ниже головы и почувствовал, как по его телу потекла вязкая струя. Широко раскрыв пасть, он шумно втянул в себя воздух и от острой боли тут же выдохнул, издав при этом неожиданно громкий протяжный звук, и провалился во мрак глубины. С тех пор рана часто побаливала, делая жизнь Фобоса еще более невыносимой и утомительной.

Еще одна встреча Фобоса с береговыми жителями произошла, когда в шторм перевернулась плавучая раковина средних размеров, и из нее высыпалось множество барахтающихся двуножек — больших и маленьких. Все они были так беспомощны. При этом беспомощные большие пытались помогать беспомощным маленьким, хотя все это было совершенно бессмысленно. И в этот момент, уже не чувствуя никакой опасности со стороны этих жалких существ, Фобос вдруг поднырнул под нескольких двуножек, держащихся группкой, и всплыл, удерживая их на спине. Он мог дотащить несчастных до берега, но те вдруг запищали, попрыгали в воду и бросились плыть в разные стороны. Фобос пытался удерживать щупальцами тех, кто уже не мог держаться на поверхности самостоятельно. Но и они из последних сил старались вырваться. Те, что были посильнее и посмелее, подплывая, пытались причинить вред спасающим щупальцам и отнять спасенных. Даже теперь, погибая, эти существа не хотели принимать его помощь. Они отвергали его даже перед смертью. Тогда Фобос отплыл в сторону и, погрузившись поглубже, стал снизу печально наблюдать, как барахтающиеся двуножки одна за другой затихали и, обмякнув, медлен-

но шли ко дну. Они падали и падали мимо Фобоса, и тот имел возможность внимательно рассматривать их, впервые замечая в них различия. А потом он уплыл в залив и, забравшись в самую глубину каменного лабиринта, долго испытывал небывалый ранее прилив тоски и одиночества.

С тех пор Фобос не любил двуножек, они раздражали его, и в то же время он уже не представлял себе этот залив без них, как и себя без этого залива. Особенно не нравились ему цепи с тяжелыми крючьями, опускаемые на дно там, где обычно стояли плавающие громадины, не нравились ему скрежет и грохот, которые издавали эти цепи, опускаясь и поднимаясь. Как-то в мутной и уже темнеющей воде он сильно ударился об одну из них, и это привело его в ярость. Вцепившись в цепь, Фобос стал тянуть ее щупальцами в разные стороны, до боли впиваясь зубами в скрежещущие твердые звенья. Казалось, вот-вот порвутся его щупальца, но они оказались прочнее, и цепь лопнула с громким звуком, всколыхнув окружающее пространство. Тогда Фобос ринулся ко второй цепи, затем к третьей, четвертой. Из его пасти и щупалец сочилась темная кровь, он изнемогал в борьбе с металлом, но цепи поддавались, лопаясь одна за другой. Порвав четыре из них, Фобос схватил обрывок последней с тяжелыми острыми крючьями и, вращаясь на месте, стал раскручивать его вокруг себя, поднимаясь все выше и выше и создавая настоящий водоворот. Наконец, железный груз гулко ударился о днище судна. Оно оказалось неожиданно тонким, и крючья застряли в нем, пробив отверстия. Тяжело дыша, Фобос устало опустился ко дну и, слегка отталкиваясь от рыхлого грунта, поскользился прочь с места буйства. Впрочем, это

был первый и в то время единственный приступ ярости, который Фобос испытал по отношению к жителям берега. Большую часть времени состояние его было подавленным от постоянного чувства безысходности. Он надолго залегал на холодное дно лабиринта, и в оглушающе тихом мраке ему вновь начинало казаться, что было время, когда он был не одинок и когда все в его существовании было совершенно иначе. И он, снова и снова напрягая память, силился пробиться сквозь вязкий покров времени в тайну своего прошлого, но оно крепко хранило свои секреты.

II

Путь из залива и обратно Фобос знал не хуже своего лабиринта и мог преодолеть его даже с закрытыми глазами. И сейчас он был настолько погружен в себя, что плыл почти вслепую. Лишь когда в прозрачной воде замелькали первые рыбешки с играющими в их чешуе отблесками света, обильно просачивавшегося в верхние слои воды, Фобос огляделся — ему предстояло немного поохотиться. С некоторых пор Фобос не любил яркого света, вызывавшего в нем чувство тревоги и неуютности. Зато его обожали стайки мелких чешуйчатых, в обилии водившихся в этих местах. Бесшумно скользя на почтительной глубине, Фобос заметил над собой одну из таких стайек и, стремительно всплывая, атаковал ее, охватив со всех сторон резко выброшенными вперед щупальцами, которые, часто вибрируя и сжимаясь, оставляли стае все меньше свободного пространства, заставляли рыбешек сбиваться плотнее и неотвратимо приближаться к открытой пасти. Лишь отдельным пленницам удалось про-

скользнуть между взбивающими воду мощными отростками и вырваться на волю. Фобос, заглатывая плененное пространство с его содержимым, рванулся вперед — охота была завершена.

Насытившись, Фобос расслабился и медленно утонул. Он залег среди камней, чтобы, немного подремав, отправиться в обратный путь. Меры предосторожности ему были не нужны, ибо даже самые крупные морские хищники никогда не рисковали на него нападать. Увидев его, они старались спешно удалиться, пугаясь одного его внешнего вида. Вдруг на фоне светящейся серебристо-синей поверхности появились два темных силуэта, не похожих ни на одного из морских обитателей. За каждым из них тянулся белый шлейф воздушных пузырьков. Несомненно, это были двуножки, только с плавниками на ногах. Любопытство заставило Фобоса прервать отдых и начать осторожный подъем.

Двуножки заметили его раньше, чем он успел приблизиться, чтобы рассмотреть их плавательные приспособления, и бросились наутек. Фобос последовал за ними, желая узнать, откуда те взялись. Зависнув вертикально у самой поверхности, он увидел небольшое судно, на открытой поверхности которого столпились береговые жители, указывая верхними конечностями в его сторону. Двое с плавниками на ногах и панцирями на спинах поспешно выбирались из воды, издавая громкие звуки. Взбравшись наверх, они, освобождаясь от панцирей, стали наперебой сообщать что-то толстому, видимо, вожаку, облаченному во все черное. Вокруг них быстро собралась большая стая. Кругленький вожак издал грубый звук, указав конечностью вниз.

Фобос подкрадывался ближе и ближе, держа глаза над водой, и ему было все интереснее наблюдать события на суше. Он видел, как два еще мокрых береговых жителя пытались отговорить черного, но тот лишь отмахнулся от них и, сложив верхние лапки позади себя, пошел туда, где уже спускали на воду совсем мелкую раковину. Он шел, поочередно переставляя нижние лапки: одну-другую, одну-другую. Казалось, вот сейчас он не успеет сделать это вовремя и свалится вперед. Но толстенький и неуклюжий с виду вожак всегда успевал. Двуножки уже заметили Фобоса, но поскольку он находился в вертикальном положении, они не могли знать его истинных размеров и потому, быстро набившись в мелкую раковину, направились в сторону неведомого им существа. Их малоподвижные лапки держали оружие, о действии которого Фобос уже знал. Стоявший впереди держал длинный заостренный предмет. У Фобоса вдруг заныла старая рана, вызывая беспокойство и раздражение, быстро перераставшие в злость, и он инстинктивно начал двигаться навстречу. Когда расстояние между ним и плавающей раковиной стало совсем ничтожным, брошенный сверху острый предмет впился в кожу между пластинами панциря у его массивной короткой шеи. Над водой послышались хлопки. Но Фобос уже нырнул, пряча голову, и почувствовал лишь слабые удары по спине. Выдернув щупальцем инородный предмет, он кувыркнулся и ударом мощного хвоста подбросил раковину. Она перевернулась в воздухе. Из нее высыпались двуножки и, попадая в воду, задрыгали ножками, замахали передними лапками. Фобос высмотрел среди них черного и, захватив его, приблизил к себе. Тот отчаянно барахтался, не давая себя рассмот-

реть. Тогда Фобос неподвижно зафиксировал его перед собой, вытянув за верхние и нижние конечности. Но верхние оказались настолько непрочными прикрепленными к туловищу, что тут же выдернулись из него. Вода вокруг густо покраснела. Глаза толстяка были полны ужаса, рот, окаймленный густой черной растительностью, беззвучно раскрывался, выпуская воздушные пузыри. Удивленный Фобос, обернув щупальцем туловище вожака, потянул за нижние конечности. Они были закреплены лучше, но тоже оторвались без особых усилий. Лицо жертвы сделалось безжизненным, и отпущенное тело вслед за оторванными конечностями медленно пошло ко дну, оставляя клубящийся яркий след. В состоянии дикого экстаза Фобос устремился вперед, догоняя остальных. Свернув спиралью одно из щупалец и мгновенно развернув его, словно туго сжатую пружину, он нанес сокрушительный удар снизу по мельтешащей впереди двуножке. Жертву подбросило высоко над водой, и, возвратясь обратно, она стала быстро погружаться, не делая никаких попыток всплыть. Догнав еще одного противника, Фобос впился в него зубами, но хлынувшая в пасть жидкость оказалась отвратительной на вкус, и он безразлично выплюнул разодранное тело. Поскольку двуножки были уже у большой раковины, Фобос не решился продолжать преследование. Он ушел на глубину и, не ощущая больше ни злобы, ни ненависти, как-то украдкой поплыл прочь.

Снова длинный темный лабиринт скрыл его в своих переходах. Теперь Фобосу стало еще тоскливее. Он не только не смог войти в мирный контакт с этими единственными интересными обитателями окружающего мира, но и стал их врагом. Все, связанное с двуножками, ранее

привлекательное, теперь стало враждебным. Чувство одиночества сделалось более навязчивым, а давно поселившаяся в уютных закоулках лабиринта тоска — невыносимо гнетущей. Фобосу вдруг захотелось, чтобы громады каменных сводов обрушились сверху, погребая под собой хозяина лабиринта и прерывая бессмысленный круговорот бесконечного времени и нелепых событий. Пронзительный долгий стон, прокатившийся по каменным переходам, мог бы привести в ужас любого обитателя морских глубин. Да только в лабиринте было темно и пустынно так же, как в коридорах памяти его единственного обитателя. Раньше Фобос не знал, что умеет кричать под водой.

Фобос долго не покидал лабиринта. Он не знал, сколько времени находится в неподвижности, лежа во мраке на холодном дне. Наверное, там, снаружи, уже не раз свет и тьма сменяли друг друга. Обитателю подводного подземелья это было все равно. Ему уже не хотелось плыть, бороздя донный песок опущенными вниз щупальцами, не хотелось лежать под тяжелыми зелеными струями, извергающимися из двух труб, и ему больше не хотелось наблюдать за отвратительными двуножками через отверстия плавающих раковин. Он больше не терзал свою память. Ему было все безразлично. И даже более того — ему было все противно, все вызывало отторжение. Порой ему казалось, что он умирает. Это было приятное, но ложное ощущение, ибо тело его было здорово, и оно все больше хотело есть. Вскоре голод победил, и Фобос, подгоняемый этим чувством, все же выбрался наружу. По тому, как свет проникал в мутную воду залива, Фобос определил, что было ясное, солнечное утро. Несколько размявшись в

движении, он вдруг ощутил необыкновенную легкость в теле. Он по привычке запустил несколько щупалец в прохладную рыхлость песка. Его тягостное настроение стало неожиданно быстро развеиваться, словно пожиравшая его ранее тоска заблудилась в каменных тупиках и осталась в подводном лабиринте. Все вокруг снова стало обыденным и привычным, как будто ничего не произошло, и, казалось, все может продолжаться по-прежнему, надо лишь избегать встреч с жителями берега и не искать ничего такого, что могло бы изменить устоявшийся ход жизни: лабиринт—залив—открытое море, открытое море—залив—лабиринт. Видимо, так должно быть. Но полностью изгнать ощущение тревоги не удалось, оно только ушло куда-то в глубину его огромного существа и там затаилось. И в то же время, вопреки всему, появилось у Фобоса предчувствие чего-то нового, необычного, и это предчувствие становилось все сильнее.

Охота снова не доставила ему большого удовольствия, хотя и прошла довольно успешно. А на пути обратно Фобос впервые за все время почувствовал, что он не хочет возвращаться туда, где в крошечной тьме его снова поджидала ненасытная тоска лабиринта, чтобы навалиться с новой силой, прижать ко дну и заставить страшно завывать. Впереди на освещенной поверхности воды вдруг четко обрисовался силуэт продолговатого корпуса. Сначала Фобос был уверен, что не захочет больше подглядывать за двуножками, что он проплывет мимо. Но, поравнявшись с судном, он ощутил непреодолимое желание хоть мельком взглянуть на него и на мгновение увидеть, чем там заняты странные жители берега.

Раковина была небольшой. На ней у самого края стояла тоненькая двуножка с изящными конечностями и пышной белой растительностью, свисающей с кругленькой головки. Она поднимала то верхние лапки, то одну нижнюю, оставаясь стоять на другой, и тогда казалось, что ее вот-вот сдует ветром, то как-то странно изгибалась. Меняя позы, двуножка на какое-то мгновение застывала и внимательно смотрела на колышущуюся совсем близко воду. Фобос знал, что если как следует высунуться из воды, наклонясь вперед, то можно увидеть свое отражение. И двуножка, кажется, всякий раз смотрела в воду на себя. Это было самое забавное из всех наземных существ, которых Фобосу когда-либо приходилось видеть. И ему очень захотелось забрать это чудо с собой. В конце концов он сможет его приручить, и тогда хозяину лабиринта не будет так одиноко и тоскливо, как теперь. Фобос погрузился глубже и, слегка разогнавшись, ударился о край раковины. Судно качнулось, двуножка с визгом полетела вниз. Прежде чем она успела опомниться, Фобос быстро, но очень осторожно захватил ее одним из передних щупалец и, приподняв над водой, понес прочь от судна. Похититель еще увидел, как из глубины раковины на ее поверхность вылезли два береговых жителя, неуклюже забежав взад-вперед. Потом они, кажется, пытались догнать его, но это уже было бесполезно.

Остров, к которому Фобос нес свою неустанно визжавшую добычу, был очень маленьким и каменистым. Располагался он в стороне от путей, ведущих в залив, и там никогда не появлялись плавающие приспособления береговых жителей. На этом островке двуножка всегда будет у него на

виду и в стороне от посторонних глаз. Выбравшись на мель, Фобос, наконец, ослабил занемевшее щупальце, и двуножка, часто падая в воду, устремилась на берег. Фобос решил дать ей возможность прийти в себя, хоть немного привыкнуть к новой обстановке. К тому же после долгого пребывания в море, ему хотелось быстрее оказаться в привычной среде, где так легко дышалось. Наконец оказавшись в заливе, Фобос почувствовал себя совсем хорошо. Он уже не думал о темном лабиринте, а все время вспоминал свое приобретение. Это воспоминание давало ему необычный прилив бодрости. На радостях он не удержался и по пути к своему убежищу, разглядев в уже темневшей воде свисающую цепь, с удовольствием оторвал ее. Он даже не стал забираться в глубь каменного жилища на свое привычное место, а уснул недалеко от входа. И странные видения посетили его в эту ночь. Фобосу чудилось, что его тоненькая двуножка с густой белой растительностью умеет дышать под водой, и она шла по дну его лабиринта, который не был темным, как обычно, а освещался, словно находился у самой поверхности, и на стенах его дрожали разноцветные блики света. А потом вдруг появилось множество акул. Фобос не боялся их. Но у самой крупной из них было лицо той двуножки, которой он недавно оторвал конечности. У других хищниц тоже оказались лица обитателей берега, но все они были абсолютно одинаковыми. И тут Фобос, может быть, впервые в жизни по-настоящему испугался. У акул неожиданно появились лапки, в которых что-то ярко засверкало и громко захлопало. Фобос стал делать различные жесты щупальцами, пытаясь примириться с нападавшими, но страшные существа были злобны и агрес-

сивны. Приблизившись почти вплотную, черная полуакула-полудвуножка свирепо разевала окаймленную обильной растительностью пасть, густо осыпая все вокруг красными воздушными пузырями. Жутко! Подобного чувства Фобос еще не испытывал.

Очнувшись, он стал беспорядочно перебирать щупальцами по дну в направлении выхода и, вдруг осознав, что надо плыть быстрее, оторвался от грунта. Впереди слабо забрезжил свет. Было утро. Впечатления от ночного кошмара недолго тяготели над обитателем лабиринта. Их быстро развеяли мысли об оставленной на острове пленнице. Набирая скорость, Фобос все дальше и дальше уходил в море. Он знал, что двуножка наверняка проголодалась, как знал и то, что ее сородичи ловят рыбу, а значит, едят ее. Часть пойманной в это утро рыбы Фобос оставил в пасти, хотя это было не очень приятно, поскольку она там постоянно двигалась. Фобос знал, что какое-то время может быть без воды, но выбираться на сушу никогда не пробовал, и это его тревожило.

Свою пленницу он увидел издали. Она ходила по берегу пустынного островка и смотрела в море, словно чего-то ожидая. Но стоило Фобосу показаться из воды, она забегала, металась, завизжала тоненько: «Ай-и-а!». И это сочетание звуков стало в дальнейшем ассоциироваться у Фобоса с его тоненькой двуножкой, подобно тому, как звукосочетание «Фобос» у двуножек каким-то образом ассоциировалось с ним. Теперь у нее было имя — Айя.

Пока хотя бы половина тела находилась в воде, можно было двигаться, лишь слегка опираясь на щупальца. Но вот воды под Фобосом

почти не стало, и ему пришлось немало напрягать свои мощные конечности, чтобы приподняться на них. Однако о том, чтобы переставлять щупальца, удерживаясь наверху, не приходилось и мечтать. Стараясь как-то сдвинуться с места, Фобос наклонился вперед и тут же упал плашмя, при этом переместившись почти на длину самого себя. Тогда он стал проделывать это еще, еще и еще, всякий раз громко шлепаясь о сушу, что вызывало неприятные ощущения. Но так можно было передвигаться. И довольно быстро. Айя все это время в панике металась по маленькому клочку земли. Когда же она попыталась прыгнуть в воду, Фобос ловко поймал ее щупальцем за нижние конечности и, приблизив к себе, разинул пасть, откуда посыпалось множество блестящих рыбешек. Но она, кажется, не была голодна и, не обращая никакого внимания на пищу, пыталась вырваться. Фобос разжал щупальце, надеясь, что это успокоит пленницу. Но Айя быстро побежала от него на своих тоненьких беленьких ножках. Фобос перебросил через нее гибкое щупальце, загородив путь. Тогда она побежала в другую сторону. Фобос выбросил вперед другое щупальце. Так они играли довольно долго, пока, наконец, уставшая двуножка не упала на землю. Слегка приподнявшись на немощных передних лапках, она уставилась на него своими маленькими любопытными глазками. Когда Айя немного отдохнула, игра продолжилась. Но Фобос не мог все время оставаться на суше. Поэтому он время от времени уходил в воду, чтобы вскоре вернуться обратно. При возвращении Фобоса двуножка всякий раз так визжала, словно видела его впервые. Но Фобосу уже нравился этот при-

ятный тоненький звук. А когда он поднес пленницу поближе к себе, чтобы внимательнее рассмотреть, она звучала особенно долго и громко, что доставило похитителю немало удовольствия.

С приближением темноты Фобос покинул остров с приятным чувством, что теперь он не совсем один, и что теперь его хоть кто-то будет ожидать, пусть сначала лишь для того, чтобы получить рыбу — ведь когда-то Айя все равно проголодается.

Хозяин лабиринта снова провел ночь у самого входа в свое жилище и с первыми заигравшими на воде мутными бликами поторопился к островку. Заветный клочок суши едва показался вдали, когда Фобос заметил чуть в стороне какое-то движение на воде. Он погрузился глубже и прибавил скорость. Вскоре движущийся предмет оказался прямо перед ним, и Фобос без труда узнал беспорядочно болтающиеся ножки. Конечно же, это была она. И она хотела убежать. Но тельце ее почти не двигалось вперед. Двуножка барахталась почти на месте. Вот она погрузилась в воду с головой, затем всплыла и снова погрузилась. И так еще несколько раз. Фобос сначала хотел подождать, чтобы она подольше помучилась и больше никогда не уплывала с острова, но побоялся, что может не успеть, и стал резко всплывать. Когда он поднял двуножку над водой, она беспомощно смотрела на него широко раскрытыми круглыми глазами и беззвучно раскрывала маленький ротик. Фобос очень испугался, что в ней что-то сломалось, из-за чего она никогда больше не сможет издавать звуки, и заторопился к острову.

Спасенная Айя, выкарабкавшись из воды, беспомощно упала на землю. Фобос выбрался

вслед за ней, и его щупальце заскользило по земле, словно змея, подбираясь к пленнице. Фобос хотел помочь ей подняться, но двуножка вдруг схватила лежавший рядом камень и швырнула его в спасителя, едва не угодив в глаз. Фобосу было не больно, но он очень рассердился и, ухватив двуножку за одну ногу, поднял над землей. Она повисла вниз головой и к большой радости Фобоса громко запищала. Фобос не собирался причинять ей вред и знал, что она будет благодарна ему, ведь он мог бы убить двуножку одним движением, но вместо этого лишь слегка накажет, подержав в таком неудобном положении. Айя вдруг затихла, уставившись на что-то позади своего мучителя. Фобос осторожно опустил ее и, тяжело кряхтя, стал медленно разворачиваться. Когда, наконец, ему это удалось, он увидел стоявшую вдали массивную плавающую раковину. Увлечшись игрой с двуножкой, Фобос не услышал, как она подплыла. Да и вне воды он слышал гораздо хуже. К тому же маленькая ракушка, которая явно отделилась от большой, плыла совершенно бесшумно. Она уже вышла на мель. Из нее попрыгало в воду множество одинаковых серых в крапинку двуножек, в руках которых засверкало и затрещало уже знакомое Фобосу оружие. Он ощутил сильные удары по спине и бокам, но это было не опасно. Фобос поднял вверх свою невесомую пленницу и, приподнявшись, перевалился вперед, устремляясь к воде. Серые в крапинку побежали за ним, не переставая трещать. Оказавшись у самой воды, Фобос взмахнул длинным щупальцем, намереваясь смести с острова всех, кто его уже почти догнал. Но у одного из нападавших существ в лапках что-то бахнуло так, что

все вокруг зазвенело, и что-то очень яркое ударило прямо в поднятое щупальце. Снова раздался грохот. Половина длинной конечности, вращаясь в воздухе, полетела в сторону, а другая половина была сильно разбита. Жгучая боль пронзила тело морского гиганта. Никогда ему еще не было так больно, и никогда еще он так реально не ощущал опасность. Монстр приподнялся на щупальцах, непрерывно вращая обрубок. Грохот повторился еще раз. Огромное тело рухнуло в воду в тот момент, когда над ним пронесся шипящий яркий предмет.

Перебирая конечностями по дну, Фобос уходил все глубже и глубже, пока не сорвался с подводного обрыва и не полетел в темнеющую под ним бездну. Теперь он был недосыгаем. Одно из его щупалец по-прежнему удерживало еще извивающееся тельце Айи. Фобос понимал, что она погибает, и ему было ее жаль. Так жаль, что хотелось страшно взвыть, как тогда, когда его ранили впервые. В то же время он точно знал, что ни за что не отдаст ее тем наверху, которые пытались его убить. После последних судорожных движений тело двуножки расслабилось и больше не двигалось. Фобос долго плыл, не выпуская его, но вдруг понял, что оно теперь не может представлять никакого интереса. Кроме того, он вдруг подумал, что существует, наверное, много других двуножек, чем-то похожих на Айю, а может, даже и позабавнее. Ко всему Айя быстро становилась все более вялой и все менее интересной. А потому будет даже лучше, если он найдет себе двуножку посвежее и поживее. Фобос еще раз посмотрел на безжизненное тело с беспомощно обвисшими конечностями и свисающей с болтающейся головы пышной белой рас-

тельностью и отпустил его. Айя, плавно опустившись на дно, упала на холодный песок.

Фобос почувствовал, что ему нужна какая-то разрядка, ему ужасно захотелось как-то заявить о себе этим двуножкам. И он направился туда, где всегда стояли надоедливые плавающие раковины, и где берег кишел его обитателями. Сначала Фобос хотел порвать свисающие с раковин цепи. Но очень болела оставшаяся половина щупальца. Тогда, резко всплыв, Фобос показался над водой, насколько это было возможно, и издал оглушительный крик, отчего на берегу и в раковинах началась страшная суматоха. Но интереснее всего было видеть, как с грохотом столкнулись два небольших быстроходных судна, одно из которых стало быстро оседать на бок. И Фобос с удовольствием осознал, что причиной тому был он.

Потом он погрузился в мутную воду залива, к самому дну, и, поспешив в лабиринт, забрался в самую его глубину. Но ему не спалось. Не переставало ныть искалеченное щупальце. В сознании снова и снова всплывали виденные днем картины. И едва сон подступил к Фобосу, как он увидел лежащую на дне Айю. Вдруг ее неподвижное тело встрепенулось и начало медленно всплывать. Вот Айя перевернулась в то положение, в котором обычно двигаются двуножки, и пошла в воде, не касаясь дна. Фобос хотел было плыть за ней, но что-то случилось с его телом — оно стало необыкновенно тяжелым, тянущим ко дну. Он отчаянно пытался всплыть, но не мог и в конце концов с трудом пополз, цепляясь за зыбкий песок. Айя вдруг обернулась и, увидев его, пронзительно завизжала. В это время откуда-то из-за нее по-

явилось ярко светящееся пятно и, быстро увеличиваясь в размерах, сопровождаемое сделавшимся оглушительным визгом, понеслось на Фобоса. Еще чуть-чуть, и оно страшно лопнет, всколыхнув воду, и части могучего тела полетят во все стороны, как летело оторванное щупальце.

Фобос проснулся. Где-то вдали забрезжил слабый свет. Неужели уже наступило утро? Но если бы даже и так, свет снаружи не смог бы проникнуть сквозь каменные стены и ломаные линии тоннелей. Фобос насторожился и стал медленно продвигаться вперед. Свет становился ярче. Наконец, завернув в самый длинный коридор, Фобос увидел сначала множество одинаковых силуэтов, а потом узнал в них покрытых панцирями и тяжело ступающих по дну двуножек. Кажется, они тоже увидели его. Фобос быстро попятился и, оказавшись на перекрестке, проворно развернулся. В то же время с другой стороны вода посветлела. Фобос метнулся в самый темный проход, но на очередном перекрестке снова наткнулся на яркий свет и движущиеся вдали фигурки. Их было много, они были всюду, лабиринт просто кишел ими. И Фобос знал, что у них есть оружие, способное поразить его. Знал он также, что есть в одном из дальних ходов лабиринта трещина, ведущая наружу, да только ему ни за что не пролезть в нее. Но ход к ней был еще свободен, и Фобос на полной скорости мчался туда. А далеко позади что-то гудело и сверкало. Вот! Вот она, трещина, в которую никогда не пролезть хозяину лабиринта со всеми его щупальцами!

Фобос ринулся к ней и, отчаянно разламывая ее осыпающиеся вниз края, стал втиски-

ваться между неровными шершавыми стенками, забираясь все глубже и глубже. На середине пути он застрял и начал задыхаться. Но отчаянно двигаясь и обдирая бока о твердый камень, он все же осыпал вниз значительную часть прижимавшей его стены и снова упорно полез вверх. Наконец, из последних сил выбрасываясь наружу, Фобос обломил верхние края трещины.

Только теперь он почувствовал, как болит его поврежденная конечность. Но это не имело никакого значения в сравнении с тем, что теперь он был свободен и мчался прочь от опасного места. Но куда? В лабиринте был его дом. Он жил там вечно. А эти немощные жители берега вторглись в его владения и гонят его. Нет, он не отдаст свой лабиринт! Фобос помчался туда, где находился вход в его убежище, и, приближаясь, увидел, что поверхность воды над входом ярко светится, очерчивая темные корпуса крупных плавающих раковин, от которых вниз, к лабиринту, тянулось множество длинных щупалец. Фобос не знал их точного предназначения, но догадывался, что они помогают двуножкам находиться под водой. Устремившись к шлангам, Фобос стал захватывать целые пучки их и разрывать. Оторванные концы, выпуская воздух, падали вниз. А из свисающих сверху обрубков вырывались целые потоки воздушных пузырей. Они окутывали тело Фобоса и приятно скользили по незащищенному панцирем животу. Он, удерживая оборванные шланги в натянутом положении, резко всплывал, затем свободно падал вниз и тут же всплывал в другой стороне. Так он раскачивался в россыпях поблескивающих пузырьков,

и его все больше охватывал азарт. Вдруг, совершенно забыв о боли, тоске и опасности, он ощутил небывалый прилив бодрящей легкости и радости. В какой-то момент упругие шланги показались ему щупальцами похожих на него существ. Но среди игры неестественного света и буйства воздушных струй вдруг возник падающий продолговатый предмет. Фобос лишь замедлил движение, пропуская его мимо. И в это время темный предмет лопнул, сотрясая окрестности. Шланги, удерживающие Фобоса, оборвались, и, на мгновение повиснув на последнем уцелевшем, Фобос ощутил острую боль в животе. Изогнувшись, он увидел в своем белом гладком брюхе огромную рваную рану, из которой, затемняя воду, густо сочилась черная кровь. Последний шланг лопнул, не выдержав повисшей на нем тяжести. Фобос, распластавшись, медленно пошел вниз. В его помутившемся сознании вдруг необычайно ясно всплыл большой освещенный грот. Он увидел огромных существ с длинными крепкими щупальцами, слышал их голоса. Потом видение исчезло. Тело Фобоса начало неметь, и боль ушла. Теряя ощущение пространства, Фобос камнем шел ко дну, как те маленькие двуножки из тонущего судна, как растерзанные береговые жители из перевернутой маленькой ракушки, как безжизненное тельце Айи. И он уже не испытывал ни ненависти, ни злобы, ни обиды. Ему было всех их жаль. А вверху, медленно удаляясь, мерк свет.

ТОЧКА ВОЗВРАТА

I

Евгений сосредоточенно накладывал мазок за мазком, проявляя на полотне изображение угрюмого длинноволосого человека, стоящего на фоне толпы, сгрудившейся под черно-красным флагом. На дальнем плане зыбко прорисовывался знакомый силуэт собора.

В большом зале, оборудованном под мастерскую художника, царила тишина. С утра Охрин, задрапировав беспорядочно расставленные по помещению мольберты, решил наконец изменить довлевшей над ним тематике и дописать некогда начатую, а затем надолго брошенную картину. Работа пошла, но Евгений знал, что к вечеру все может вернуться на свои места, и картина вновь останется незавершенной, а потому торопился и из всех сил старался не отвлекаться.

Антон Светлый, местный поэт, пришел как всегда без предупреждения. Но Евгений был рад ему, тем более что Светлый не требовал к себе особого внимания и не обижался, если Евгений в его присутствии продолжал работать. Антон лишь на несколько секунд приблизился к полотну и как бы между прочим осведомился:

— Это кто ж такие?

— Анархисты у Казанского, — не отрываясь от работы, ответил Евгений, он оставил центральную фигуру картины до ухода Антона и переключился на доработку антуража. — Я их набросал во время последней поездки в Петербург, но до сих пор не могу закончить.

— Сочувствуешь анархистам? — удивился Светлый.

— Совсем не обязательно. Мне вообще интересны люди. Посмотри, какая фактура лица, какое выражение!

— А я уж думал, ты теперь пишешь исключительно на одну тематику, и все остальное тебя просто не интересует.

— Только не начинай меня снова воспитывать. Мы с тобой это уже проходили.

Возникла продолжительная пауза.

— Знаешь, — переводя разговор на другую тему, снова заговорил Светлый, — с тех пор, как у нас все перевернулось, мне периодически снится гражданская война. И, представь себе, в этих снах я всякий раз воюю за красных. Проснусь, думаю — почему? Все равно лет через восемьдесят их идеи потерпят крах, революция и все, что с ней связано, будет осуждено, народ станет голосовать за белых. Потом снова усну — тот же сон, и я снова воюю за красных. Из пулемета по белым строчу, строчу... Не знаешь, почему это?

— Революционные гены, наверное, покоя не дают, — продолжая работать кистью, ответил художник.

— Нет, серьезно.

— Не знаю, — Евгений положил крупный мазок и понял, что ошибся. — Слушай, отстань от меня со своими красными, белыми. Тебе думать больше не о чем?

— Ну вот ты на моем месте за кого воевал бы?

Евгений снова неточно положил мазок, смазав деталь на полотне. Лицо его нервно передернулось, и он изо всей силы запустил кистью в дальний угол комнаты. Кисть ударилась о стену и отскочила, оставив на ней яркий багровый след.

— Ты можешь две минуты помолчать в конце концов?! Чего ты ко мне пристал со своей гражданской войной?!

— Ладно, не злись. По-моему, твое затворничество тебе не на пользу. Нервным ты стал в

последнее время, совсем издерганным. Сделал из себя мученика! — Светлый и сам вдруг разозлился. — Признайся, что ты сознательно истязал себя и, может, даже упиваешься этим, находишь в этом источник вдохновения, оправдания для самого себя... — Антон осекся, встретившись взглядом с Евгением.

— Ладно, сказал тот, — замнем, а то поссоримся. Почитай лучше что-нибудь из твоих новых стихов.

— Ты действительно хочешь послушать?

— Почему бы и нет?

Антон встал, сосредотачиваясь, прошелся по комнате, остановился у окна и, глядя во двор, стал читать:

*И ночь прожить — не поле перейти,
Когда враждебна каждая песчинка,
И целый мир с отвратною начинкой,
А мысль подла — она уже в пути...*

Читая, Антон наблюдал, как за окном в песочнице играли дети, и девочка с рыжими, связанными синей лентой волосами, пыталась строить какое-то сооружение, но песок всякий раз предательски осыпался.

*...И вот ты камнем падаешь с моста
Под поезд в точно выбранное время.
Зачем душе твоей такое бремя?
Закрой глаза и досчитай до ста...*

Девочка за окном снова терпеливо возводила домик и уже дошла до крыши, но крыша вдруг обрушилась, увлекая за собой стены.

*...И не ходи под утро в синем платье
Туда, где слышен гул и льется свет,
Ну кто поймет, что это не расплата
За те грехи, которых просто нет?*

Наконец терпенье девочки лопнуло, и она сердито ударила совком по неподатливому строению, почти сравнив его с землей.

*... Часы стучат. Становится виднее,
Но так тревожно, будто неспроста,
На стуле платье новое синееет...
Закрой глаза и досчитай до ста!*

Художник слушал внимательно, слегка сощутив глаза.

— Ну как? — спросил Антон, сделав выжидательную паузу.

— Честно?

— Разумеется.

— Так себе. Только я не понимаю, зачем тебе понадобилось эксплуатировать эту тему, и почему сейчас ты выбрал именно это стихотворение. Ты хочешь меня задеть как-то, о чем-то мне напомнить? — в голосе Евгения появились задиристые нотки.

— Ну что ж, если ты сознательно идешь на откровенный разговор, я отвечу тебе, — принял вызов Светлый. — Ты сам заиклился на этой теме. Тебя никто и ничего больше не волнует. Эти твои анархисты — просто блеф. Ты всегда пишешь одно и то же. Я это знаю наверняка.

— Ну-ну, — в глазах художника появился недобрый блеск.

— Вот! — Антон сорвал драпировку с ближайшего мольберта.

На полотне показалось лицо молодой женщины с большими, широко раскрытыми глазами, в окружении зыбких разноцветных огней на фоне расплывчатых, словно набегающих рельсов и шпал.

— Вот! — крикнул Антон, переходя к следующей картине и сдергивая с нее покрывало.

На картине была та же женщина. Она, упершись ладонями в сплошную каменную стену, как-то испуганно смотрела с полотна.

— Вот! — снова крикнул Антон, проходя дальше.

— Остановись! — скомандовал Евгений предупреждающим тоном.

Светлый остановился, но не замолчал.

— Ты заикнулся и потому не можешь нормально жить и работать. Когда ты последний раз выставял свои картины? И сам, наверное, уже не помнишь. Все это потому, что она погибла. А погибла она потому, что ты ей ничего не объяснил. Она так и ушла, считая тебя негодяем. Не смотри на меня так. Я говорю это не потому, что решил тебе досадить, а потому, что хочу тебе помочь. Ты должен ее увидеть, и тебе сразу станет легче.

— Не понял. Вернись на две фразы назад, — Евгений попытался надеть на лицо циничную маску.

— Я повторю: ты должен увидеть ее и все объяснить.

— Приехали, — Евгений медленно опустился в кресло.

— И я знаю, кто тебе может помочь.

— Ты, конечно.

— Не только. И даже не столько я... Короче говоря, есть такой человек. Ты можешь называть его экстрасенсом, гипнотизером, шарлатаном — кем угодно. Но сам он считает себя медиком, доктором, психотерапевтом.

— «Я поведу тебя к врачу, — сказал мне лучший друг», — нараспев продекламировал Евгений.

— Ты можешь смеяться сколько угодно, но прошу, дослушай до конца. Я не знаю методики его манипуляций. Может быть, это гипноз, может, мистика, какое-то общение с духами, но он счита-

ет, что отправляет людей в их прошлое. И это очень похоже на правду. Я бы не стал тебе рекомендовать, если бы сам не попробовал. Могу сказать лишь одно: это не сон, это явь. И ты можешь встретиться с ней. Думаю, тебе это просто необходимо.

— А теперь послушай, что я тебе скажу, — лицо Евгения стало снова серьезным и сосредоточенным, — сначала ты очень удивил меня, а потом немножко заинтриговал. Но если я пойду к твоему экстрасенсу, то, во-первых, из праздного любопытства, ибо единственное чудо, с которым мне приходится соприкасаться в жизни, это чудо творческого вдохновения, и мне было бы интересно соприкоснуться с какими-то иными, пусть даже кажущимися чудесами. А во-вторых, я готов пойти тебе навстречу, чтобы ты больше никогда не возвращался к этой теме. Слышишь, никогда...

II

Они вошли во дворик старого двухэтажного дома, расположенного почти на самой окраине их небольшого городка. Такие дома должны подлежать сносу. Но во дворе его, усаженном раскидистыми тополями, было довольно уютно.

— Сюда, — сказал Светлый, пропуская Евгения в полутемный подъезд.

Пройдя вслед за художником, он постучал в ветхую ободранную дверь на первом этаже.

— К нам пациенты! — воскликнул плотный среднего роста мужчина лет сорока, открывая дверь.

— Да-да, я вас помню, — сказал встретивший их в квартире худощавый лысый человек в белом халате, прежде чем Антон успел открыть рот. — А это и есть тот самый ваш приятель? Очень хорошо!

Он подошел к длинному столу, застланному серым покрывалом, под которым невнятно прорисовывались очертания каких-то предметов, открыл замасленную старую тетрадь и спешно стал просматривать разноцветные записи.

Помещение со скрипучим деревянным полом и единственным, дававшим явно недостаточно света окном, выходящим на улицу, Евгению не понравилось. К тому же у художника появилось стойкое неприятное предчувствие.

— Это и есть врачебные апартаменты? — недовольно спросил он своего приятеля.

— Знаешь, — ответил тот, — мы договорились, я тебя привел, дальше решай сам. А я, пожалуй, пойду. Думаю, мое дальнейшее присутствие здесь совсем не обязательно.

И он вышел.

— Драпов Генрих, ассистент, — протокольно представился плотный человек, подходя к пациенту, — а это наш доктор, — Драпов сделал представляющий жест рукой, широко улыбнулся и, словно спохватившись, поспешил добавить: — Шурин...

— Ваш? — сухо осведомился Евгений, не дав ему договорить.

— Кто?

— Шурин.

— Да нет...

— А чей?

— Ничей. Фамилия у него Шурин, — с легким раздражением в голосе объяснил ассистент.

— А-а, — протянул художник, продолжая безглаголиво осматривать помещение.

Он почувствовал себя довольно неловко, точнее нелепо, и подумывал, не пора ли ему ретироваться. Но какое-то смутное чувство,

вызванное не то обещанием, данным Антону, не то неиссякшим еще любопытством, не то тайной надеждой на обещанное чудо, не позволяло ему этого сделать.

— Простите, ваши имя и фамилия? — доктор с тетрадкой подошел к клиенту.

— Евгений Охрин, — угрюмо ответил тот.

— Запишите, — доктор передал тетрадку ассистенту и жестом предложил клиенту сесть на стул.

Сам он расположился в старом жестком кресле и заговорил так, словно продолжил некогда прерванный разговор:

— Так вот, избавить вас от ваших навязчивых воспоминаний и тяжелых размышлений, думаю, можно. И сделать это можно именно с помощью нашего метода, который я называю неординарной психотерапией. Вы можете верить или не верить в то, что я вам скажу по поводу моего метода, но, думаю, для вас важен результат, а не подоплека.

Доктор сделал паузу, внимательно посмотрел на клиента и продолжил:

— Принцип прост. Я возвращаю вас в прошлое, связанное с вашими навязчивыми идеями, и даю вам возможность решить вашу проблему. Вы, наверное, читали фантастические произведения или видели фильмы о путешествиях во времени с помощью каких-то машин. Так вот, все это чепуха, никакая машина сама по себе не может ничего перемещать во времени, ибо время нематериально, чего бы там на этот счет ни говорили. Путешествовать во времени можно, только используя потенциал человеческой психики, ее особую энергию. Я понятно говорю?

— Понятно. Но хотелось бы конкретнее, поменьше теории.

— Так вот, ваши воспоминания служат определенного рода энергетическими волнами определенной частоты, настроившись на которые, можно переместиться в конкретную точку, имеющую определенные координаты в пространстве и времени.

— Короче говоря, вы возвращаете меня в мое прошлое с помощью гипноза. Перейдем же к делу.

— Но если вы склонны считать это всего лишь банальным гипнозом, то у вас есть основания сомневаться в результате.

— Не беспокойтесь, доктор, я уже так увлекся предстоящим путешествием, что буду рад и тем эмоциям, которые смогу испытать во время вашего необыкновенного сеанса. Я ведь художник, а художник всегда нуждается в свежих ярких впечатлениях. Я понятно говорю?

— Вполне. Но все же я хотел бы, чтобы вы настроились на лечебный эффект.

— Я постараюсь сделать все от меня зависящее.

— И еще надо выполнить одну меру предосторожности. Когда вы почувствуете, что вам пора возвращаться, а вы обязательно это почувствуете, отойдите от того, кто будет там находиться рядом с вами, на пять шагов.

— Существует какая-то опасность?

— Нет, не думаю. Но все же лучше перестраховаться. Договорились?

— Конечно.

Доктор встал и, повернувшись к длинному столу, сдернул с него серое покрывало. Под ним оказались разнообразные атрибуты средневекового алхимика: большая стеклянная колба, рядом несколько поменьше, спиртовка, щип-

чики, пузырьчики и коробочки с разноцветными жидкостями и порошками.

— Вам придется лечь, — сказал Шурин, указав на стоявшую у стены раскладушку, покрытую кожаным матрасом.

— Почему на раскладушку? — с иронией в голосе спросил Охрин. — Экзотика?

— Она подходит нам по габаритам, — ответил вместо доктора ассистент. — Специального оборудования мы еще не приобрели.

Евгений неуверенно сел на край кожаного матраса. В это время входная дверь отворилась, и в нее протиснулся седой человек преклонного возраста.

— Мне назначено, — нерешительно сказал он.

— Да-да, я вас помню, — кивнул ему доктор Шурин. — Ваша фамилия, кажется, Стрельцов?

— Стрельнов.

— Пройдите на кухню — там тоже есть оборудование. Посидите пока, сосредоточьтесь, настройтесь...

Стрельнов скрылся в дверном проеме.

— Старику-то зачем понадобились ваши сеансы? — спросил художник скорее из стремления как-то унять одолевавшее его волнение, чем из любопытства.

— Партизан, — охотно объяснил ассистент. — Разведгруппа у них там погибла. А обстоятельства таковы, что его, Стрельнова этого, могли заподозрить в предательстве. Вот запереживал он на старости лет, затосковал. Хочет вернуться, чтобы объяснить им, ну, этой разведгруппе, доказать... Да вы ложитесь, ложитесь...

Евгений лег на спину и, скосив глаза, стал наблюдать за манипуляциями доктора и его ассистента.

— Не беспокойтесь, — сказал Драпов, извлекая из металлической коробки большой стеклянный шприц, — все стерильно.

— Это еще зачем? Вы что, будете делать мне укол?

— Без этого никак нельзя, — поспешил успокоить пациента Шурин.

— Но меня об этом не предупреждали, — еще больше забеспокоился художник.

Доктор и ассистент дружно промолчали. Теперь из беспомощного лежачего положения Евгению Охрину все виделось иначе, все казалось тревожным и подозрительным — прямо хоть вскакивай и беги. Помещение со всей его обстановкой вдруг стало казаться средневековой пыточной, доктор — жестоким и коварным инквизитором, а ассистент — закоренелым убийцей. Теперь художнику стало совершенно ясно, зачем на раскладушке лежал кожаный матрас — чтоб следов крови не оставалось, смыл — и все.

«Спокойнее, спокойнее, — мысленно приговаривал он, — не стоит давать волю нездоровой фантазии. Эдак можно себя до истерики довести, а потом самому же будет неловко».

— Все должно быть хорошо, — сказал доктор, наезжая на раскладушку нелепым агрегатом на тонких, широко поставленных ножках. Агрегат состоял из огромного числа больших и маленьких проволочных рамок, среди которых затесался подвешенный на прочной нити или тонкой проволоке стеклянный шар величиной с небольшой мячик.

— Сначала выпейте вот это, — Драпов приподнял одной рукой голову художника, другой поднес к его рту граненый стакан с фиолетовой, похожей на чернила жидкостью.

Евгению снова стало не по себе. «Что ж, если решился, надо идти до конца», — обреченно подумал он и, отняв у ассистента стакан, залпом выпил его содержимое. Сразу стало холодно. Тело пронзила мелкая дрожь, и все вокруг приобрело какие-то зыбкие очертания. Художник вопрошающе посмотрел на доктора.

— Все должно быть хорошо, — утвердительно кивнул головой Шурин, выглядывая из-за вращающихся рамок.

— Теперь давайте вашу вену, — Драпов поднес к руке Охрина большой шприц с бесцветной мутной жидкостью.

— Одноразовых шприцев у вас нет, что ли? — нервно спросил Евгений, приподнимаясь.

— Такого размера нет, — почему-то довольно ответил ассистент и нажатием ладони уложил пациента обратно. Затем ввел длинную иглу.

— Думайте о вашей проблеме, — низким тягучим голосом говорил доктор. — И не забудьте отойти на пять шагов.

Его рот, увеличенный висевшим напротив лица стеклянным шаром, казался огромным, а выглядывавшие из-за шара глазки несоразмерно маленькими, как у бегемота.

— Ду-май-те о ва-шей про-бле-ме... — повторял гигантский рот.

— Если бы я мог о ней не думать, — с трудом ответил художник, чувствуя, что начинает терять дар речи.

«Накачали наркотиками, — вдруг прорезалась в его сознании четкая и ясная мысль. — Ну конечно! Как можно было сразу не догадаться!». — Он повел отяжелевшими глазами и увидел, как ассистент вороватой, танцующей походочкой подошел к столу и, укладывая шприц, как-то подленько

улыбнулся. Евгений посмотрел на доктора. Стекланный шар злорадно оскалился. Художник вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, пытаясь приподняться и дотянуться до Шурина.

— Ах вы... наркомафия! — преодолевая сопротивление собственного языка, еще успел выдавить из себя пациент, и его рука со шлепком безжизненно упала на кожаный матрас.

III

Сначала это было похоже на сон. Он стоял у ее дома, напротив ее подъезда. Был вечер, и в ее окне с задернутой кружевной занавеской горел свет. Постепенно все вокруг приобретало более реальные очертания. В какой-то момент ему показалось, что сном было его приключение с экстрасенсом, и в действительности он просто пришел к дому, в котором она когда-то жила, чтобы утешить себя воспоминаниями. И только знакомая кружевная занавеска, которой теперь на этом окне быть не должно, свидетельствовала о том, что происходит нечто нереальное. Евгений, задыхаясь не то от волнения, не то от быстрого подъема по лестнице, позвонил в ее дверь. Дверь открылась и... Да, это была Инна. Евгений смотрел на нее не отрываясь, боясь, что она сейчас исчезнет, и он проснется у себя дома или на раскладушке у доктора Шурина, впрочем, не важно где, главное, что все вокруг в одно мгновение может исчезнуть, и он уже никогда не увидит ее и не скажет всего, что хотел сказать.

— Я хочу тебе объяснить, — начал он, нарушив молчание. — Я должен тебе объяснить.

— Ты пришел только за этим? — тихо спросила она, и в глазах женщины появилось выражение разочарования.

— Нет-нет, не только...

— Тогда входи.

Он вошел не только в до боли знакомую квартиру с той неповторимой аурой, которую каждый человек создает в своем жилище своим присутствием, своей сущностью и всей своей жизнью. Он вошел в еще не столь отдаленное, но уже столь неповторимое, невозвратимое прошлое.

— Я все-таки должен объяснить, — снова начал он, опускаясь возле нее на диван и чувствуя, как неумолимо быстро уходит отведенное ему время.

— Может, мы сейчас не будем говорить о плохом, — попросила она. — Может быть, как-нибудь потом?

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Евгений и с удивлением понял, что ему совсем не хочется говорить о том, зачем он пришел.

— Ты здесь, и это главное, — сказала она.

Они немного помолчали, выжидающе глядя друг на друга.

— Я напою тебя чаем, — вдруг спохватилась она и впервые за это время улыбнулась.

Они просто пили чай, просто смотрели в глаза друг другу и просто говорили. Ни о чем. Но к ним медленно и неотвратно возвращались едва было не утраченные чувства.

Вдруг Евгений ощутил сильное головокружение и странное онемение в теле. «Пора», — мелькнула мысль. Он быстро встал и сделал пять шагов. Потом на всякий случай еще один. Его ошибкой было то, что он пошел в сторону выхода.

— Постой! — крикнула Инна, срываясь с места. — Ты что, уходишь?

— Сейчас, подожди... — растирая ладонью висок, Евгений попытался унять одолевшую его головную боль.

Инна крепко вцепилась руками в ткань его одежды.

— Куда ты? Ну что случилось? Что?

Евгений попытался отнять ее руки, но она так крепко сжала пальцы, что это оказалось невозможным. В глазах художника завертелись большие концентрические круги. Руки Инны неожиданно сделались большими и сильными. Впрочем, это уже были не ее руки.

«Ты не отошел от нее! Ты не отошел от нее!» — неистово кричал доктор Шурин, приподнимая Евгения с раскладушки и тряся его за ворот рубашки.

Еще ничего не соображая, художник инстинктивно сопротивлялся, упираясь доктору ногами в живот и беспорядочно ударяя его по рукам.

— Перестаньте его трясти! Вы что, не видите — человеку плохо? — сказала Инна, отходя от окна. — Что вам надо от него?

Шурин отпустил художника.

— Послушайте, доктор, что за фамильярность? — возмутился Евгений, усаживаясь на кожаном матрасе и удивленно осматриваясь по сторонам.

— Это твои друзья? Куда ты меня привел? — спросила Инна, обращаясь уже к Евгению.

— Кошмар! — воскликнул ассистент, во все глаза уставившись на женщину. — Кош-ма-ар!

— Какой кошмар? Кто вы такие? — не унималась Инна, пытаясь осмыслить происходящее.

Евгений ошарашенно молчал.

— Ассистент, готовьте препараты! — командовал бледный, но уже овладевший собою доктор. — Вы слышали, что я сказал?

— А куда мы денем тело? — растерялся тот.

— Если тело проникло сюда, значит, есть способ отправить его обратно.

— Но мы же его не знаем!

— Престаньте отговариваться!

— Да что здесь вообще происходит? — вмешалась Инна.

Доктор молча покосился на нее, затем подошел к Евгению, крепко сжал ладонью его плечо и, наклонившись, решительно сказал на ухо:

— Женщину — на раскладушку! И постарайтесь подготовить ее морально.

Евгений стряхнул ладонь Шурина со своего плеча.

— Я не понял, вы что здесь экспериментировать на людях собираетесь? — наконец выговорил он, окончательно выйдя из оцепенения.

— Мы уже час, как экспериментируем, — зло парировал Шурин. — Кстати, рекомендации врача надо выполнять, тогда не будет осложнений.

— Евгений, кто эти люди? — снова обратилась к художнику Инна.

— Да так, случайные знакомые.

Евгений встал, подошел к Инне. Только теперь, глядя на нее вблизи, он вдруг осознал всю невероятность и значимость того, что произошло. Он протянул руку, тронул ее плечо, лицо, волосы.

— Не бойся, — сказал он, — ты останешься со мной.

— Что он делает?! Вы посмотрите, что он делает! — засуетился ассистент. — Она же умерла! Поймите, она умерла!

— Тихо! — художник сделал угрожающий жест рукой.

Драпов отпрянул.

— Не слушай этих психов, — успокоил женщину Евгений. — Мы уже уходим.

Они двинулись к выходу. Доктор загородил им дорогу.

— Ты сошел с ума! Ты не понимаешь, что делаешь!

Евгений вежливо, но решительно отодвинул его в сторону.

— Ты сам псих! Маньяк! Тебя лечить надо! — выйдя из себя, закричал вслед художнику ассистент.

И тут произошло нечто, заставившее всех застыть на месте. В кухне вдруг слышались тяжелый топот и крики:

— Помоги! Помоги! Старика ранили!

— Откуда он взялся?

— Стойте! Дайте мне сказать!

— Тихо! Пусть скажет. Может, это важно.

— Я хотел сказать...

Голос оборвался.

— Умер.

— Как же его угораздило?

— А куда это мы забежали?

— Да мы, вроде, по лесу бежали.

— Спокойно! Сейчас все выясним.

Снова слышались тяжелые шаги, и из кухни с автоматом наготове вышел небритого вида суровый человек в потертой кожаной куртке и надвинутой на глаза кепке. За ним также с оружием наготове вышли еще трое, нет, четверо человек: молодой парень в шинели без опознавательных знаков с немецким автоматом, коренастый мужик с пышной черной бородой, одетый в некогда длинный и неровно подрезанный плащ, с ППШ, седой человек в ватнике с винтовкой и высокий среднего роста интеллигент в потрепанном демисезонном пальто. Последний был вооружен маузером.

— Немцы есть? — спросил бородач, увидев в комнате людей.

— Немцев нет! — испуганно ответил Генрих.

— А где наш пациент? — озабоченно спросил доктор.

— Кто? Этот старик, что ли? — вопросом на вопрос ответил бородач. — Немцы его смертельно ранили. Откуда он взялся вообще?

— Кто это? — усмехнулась Инна, обратясь к Евгению. — Ну и квартира!

Седой ринулся к окну.

— А там кто такие? — подозрительно спросил он, кивком указав на солдат со свертками, расположившихся на лавках возле городской бани.

— Это наши, — уговаривающим голосом заговорил Шурин. — Наши русские солдаты. Пришли в баню помыться. Вон те уже помылись, а эти, что поближе, еще нет. Видите?

— Видеть-то мы видим. Вопрос: кого мы видим? Колька, погляди-ка, что-то мне эти банщики совсем не нравятся.

Парень в шинели подошел к окну и уставился с бинокль.

— Трехцветные, с орлами, — прокомментировал он. — Власовцы!

— Вы о-о-очень ошибаетесь, — неестественно растянул рот в улыбке доктор. — Да вы проверьте. Давайте сейчас вместе их позовем, — доктор вдруг заговорил голосом массовика-затейника.

Но едва он попытался открыть окно, как тут же стал оседать на пол, получив прикладом по затылку. Партизаны подхватили его под руки.

— Смотри, какой умный! — зло сказал бородач. — Сдать нас хотел. Ты за кого нас держишь, шкура?! Федотыч, что с ним делать будем?

— Что делать? — риторически переспросил небритый в кожанке и многозначительно улыбнулся.

Тут, окончательно оклемавшись, Шурин понял: дело — труба. Он рванулся изо всей силы, и ему почти удалось освободиться, но партизаны дружно ринулись к нему.

— Товарищи! Товарищи! Товарищи! — закричал Шурин. Он глубоко вдыхал воздух, пытаюсь еще что-то сказать, но ничего другого, кроме одного этого слова, у него не получалось.

— А с этими что? — спросил седой, указав на стоящих у двери.

Евгений с Инной бросились к выходу и, прежде чем партизаны успели среагировать, выскочили в подъезд, а оттуда во двор.

— Сдадут! — крикнул седой, передергивая затвор винтовки.

— Не успеют, — ответил небритый. — Колька, глянь, во дворе гадов нет? Силин, веревку! Быстро! Быстро!

IV

— Что это было? — спросила Инна, когда они остановились отдышаться.

— Забудь. Все это уже не важно, — ответил Евгений.

— А что важно?

— Важно, что ты вернулась.

— Разве это не ты вернулся?

— Я. И ты. Мы вместе вернулись. Так и должно быть. Ведь мы живем в конце двадцатого века. Ну зачем нам эти классические трагедии?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что все должно быть хорошо. Понимаешь?

— Надеюсь, что да... А я совсем не помню, как мы сюда шли, — женщина прервала разговор и осмотрелась по сторонам.

Евгений промолчал.

— Ой, — спохватилась она, — наверное, надо куда-то сообщить, что там происходит.

— Сами разберутся.

— Но там могут кого-нибудь убить.

— Думаю, до этого не дойдет.

Вдали прозвучала автоматная очередь.

Когда в лаборатории доктора Шурина обнаружили партизаны, Генрих Драпов очень испугался, представив себе, какие осложнения могут возникнуть, если доктор или этот нервный пациент назовут его по имени. Он ясно осознавал, что имя, которое прельщало многих женщин, заставляя их угадывать в Драпове мужчину иностранного происхождения (что в действительности было неправдой), может теперь крупно подвести его. Поэтому когда партизаны бросились на Шурина, а пациент с покойницей устроили побег, Генрих понял: надо воспользоваться моментом. Он незаметно присел и тихо забрался под стол в надежде, что из-за суматохи о нем могут забыть. Сначала так и произошло. Партизаны спешно покинули лабораторию, утащив с собой доктора. Но в подъезде дотошный бородач вспомнил, что они кое-кого забыли, и вернулся. Драпов тоже не заставил себя ждать: он выпрыгнул в окно как раз в тот момент, когда партизан распахнул дверь. Генрих изо всей силы побежал к бане, где располагались солдаты. Вслед ему прозвучала автоматная очередь. Ассистент упал на газон. Солдаты недоуменно огляделись. Когда же прозвучала вторая очередь и несколько пуль ударило в кирпичную кладку, солдаты со

свертками забежали в баню и стали оттуда выглядывать.

— Красные! Партизаны! Красные партизаны! — закричал во все горло Генрих, не поднимаясь с газона.

Однако это не произвело ожидаемого впечатления на окружающих.

— Бандиты! Террористы! Грабят! Убивают! Караул! — ассистент перебрал все крики, которые могли бы привлечь внимание сограждан, но так и не получил никакого результата. Солдаты, правда, стали выглядывать из бани чаще и в больших количествах. Зато редкие прохожие с улицы испарились совсем.

— Никто не хотел умирать, — вслух прокомментировал Драпов и, вскочив на ноги, зигзагообразно побегал через дорогу.

Вслед ему из бани донесся дружный смех.

— Салаги! — не оглядываясь, но как можно громче крикнул напоследок ассистент и затерялся среди растянувшихся вдоль тротуара коммерческих киосков.

— Ты будешь жить у меня, — сказал Евгений, пропуская Инну в свою мастерскую.

Он ни на секунду не хотел оставлять ее одну, словно боясь, что она исчезнет тем же чудесным образом, что и появилась.

— Но мне забрать хотя бы часть своих вещей. И вообще, кто присмотрит за моей квартирой?

— Я присмотрю, но дай слово, что ты не пойдешь к себе хотя бы неделю. А вещи мы тебе купим. Ну что тебе стоит? Пообещай мне.

— Ну хорошо, хорошо. Я обещаю, хотя и не понимаю, зачем это. Ты что, решил держать меня взаперти?

— Не взаперти, а в уединении. Как там у Бродского:

*Мы будем жить с тобой на берегу,
Отгородившись высоченной дамбой...*

— Нет, я тебя не узнаю. Так что все-таки произошло?

Вместо ответа он взял ее за руки и притянул к себе.

Проснувшись утром следующего дня, Евгений застал Инну у своих полотен.

— Извини, что я смотрю без разрешения, — несколько смутилась она. — Не дождалась, пока ты проснешься.

— И что ты скажешь на это?

— Здорово! Приятно, что здесь так много меня. Но почему все так мрачно и даже трагично? И что это за рельсы — здесь и вот здесь?

— Так, символика. Это те самые пути Господни, что так неисповедимы.

Пока Евгений готовил завтрак, она смотрела телевизор.

— Что новенького слышно? — спросил Евгений.

— Какие-то партизаны взорвали мост и теперь не хотят сдаваться, — сказала Инна и очень внимательно посмотрела на Евгения. — И еще говорят, что они кого-то повесили...

— Не бери в голову. Сейчас много всяких террористов и бандитов развелось, если из-за всех переживать...

Он на минуту задумался и вдруг, словно разговаривая с самим собой, сказал:

— Интересно, если бы наши войска времен Великой Отечественной каким-то чудом смогли переместиться в наше время, кто победил бы — те наши или эти? Отцы или дети?

— Не знаю, — растерянно ответила Инна, — я во всем этом как-то не разбираюсь.

— И слава Богу, — улыбнулся Евгений. — Все это такая чушь!

Звонок в дверь заставил художника насторожиться. Едва он открыл, как в квартиру по привычке, словно к себе домой, ворвался Светлый. Евгений даже не успел загородить ему дорогу.

— Ну что, скажешь спасибо или будешь выговаривать? — живо полюбопытствовал он.

Евгений судорожно искал причину, чтобы выпроводить приятеля, но она, как назло, не находилась. Тогда он решил сначала просто вытащить его из квартиры в коридор и не успел.

Инна вышла на знакомый голос. Она очень обрадовалась приходу Антона. Поэт застыл с вытаращенными глазами и побледнел.

— Евгений, почему ты его не пригласишь? Вы что, так и будете беседовать в прихожей? — спросила она смеясь.

Евгений отошел от Антона и из-за спины Инны стал делать ему знаки, призывая приятеля, во-первых, молчать, а во-вторых, выйти.

— Я это... — наконец обрел дар речи Светлый. — Мне срочно надо.

Он почти выскочил из квартиры.

— Странно, — удивилась Инна, — никогда его таким не видела. У него какие-то неприятности?

— Сейчас выясню, — нашелся Евгений, выходя вслед за Светлым.

Антон стоял у входа в подъезд, словно точно знал, что Евгений выйдет.

— Ну что тебе сказать, — начал Охрин и вдруг разозлился из-за необходимости давать длинное и нелепое объяснение. — Короче, этот твой эк-

страсене может не только отправить человека в прошлое, но и забрать кого-нибудь оттуда. Все!

Охрин испытал чувство облегчения, одним махом покончив с разъяснениями.

— Я думал, это какая-нибудь мистификация или галлюцинация, — тихо сказал Антон. — Но если это действительно так, а это, похоже, именно так, то в какую историю я тебя втравил!

— В какую историю?! Ты даже не представляешь, как я благодарен тебе. Ты когда-нибудь слышал, чтобы я был кому-нибудь за что-нибудь благодарен? Это просто чудо! Это такой поворот!..

— Постой, но если все настолько реально, что можно не только отправлять людей в прошлое, но и кого-то забирать оттуда, то это просто ужас! Представляешь, какие могут быть последствия для всего нашего общества, для человечества вообще?

— Ах, оставь! Разберутся как-нибудь. И вообще, чему быть — того не миновать. Не будь занудой. Ты же поэт.

— Но если ты не будешь об этом думать, я не буду, он не будет, — тут Антон неожиданно ткнул пальцем в сторону вышедшего из подъезда гражданина, заставив его опасливо покоситься на собеседников, — то кто будет это делать? Кто?

— Желающие найдутся, не переживай. Вон их сколько, снующих, мельтешащих, лезущих друг другу на голову. Телевизор включишь — какие лица! Какие речи!

— Не заводись. Скажи лучше, что теперь делать будешь.

— Что делать? Любить буду! Писать буду! Жить буду!

— Все это хорошо, но, помнится, мы мечтали жить не только в кругу своих мелких личных интересов.

— Искусство и любовь — вот все, ради чего стоит жить на этом свете. Все остальное — стойло и поило.

— Она все знает? — спросил Светлый, оставив попытки в чем-то переубедить своего оппонента.

Евгений отрицательно покачал головой.

— Вот! — предупреждающим тоном сказал Антон.

— Да не переживай ты! Все образуется.

— Как-то неубедительно прозвучало.

— Не придирайся. И не обижайся. Заходи через пару дней, увидишь — все образуется.

Поэт понял, что разговор окончен. Евгений направился в подъезд.

— Стой! — крикнул Светлый. — А эти странные партизаны, которые мост...

Художник, не дослушав вопроса, утвердительно кивнул головой и удалился, оставив Антона стоять с открытым ртом.

V

— Ты проводишь меня? Я хочу пойти к маме на могилу. Надеюсь, это можно? — спросила Инна в тот же день.

— Да, конечно. Но, может быть, лучше завтра? Я думал, мы сегодня побудем вдвоем.

— Я хотела бы сегодня, — заупрямилась Инна. — Если ты не можешь, я пойду одна.

— Нет-нет, я пойду с тобой. К тому же, мы хотели купить тебе кое-что из вещей. Вот и зайдем на обратном пути. Мне кажется, тебе пойдет оранжевое платье.

— Я хочу синее.

— Может, лучше зеленое?

— Тебе что, не нравится синий цвет?

Евгений неопределенно пожал плечами.

— Как, тебе не нравятся мои синие глаза?
— нарочито сердитым тоном спросила она.

— Синие глаза нравятся, а синее платье не очень. Впрочем, если ты очень хочешь...

На кладбище было тихо и пусто. Пахло прелой листвой. Могила ее мамы неожиданно оказалась в довольно запущенном состоянии. Евгений не отходил от Инны ни на шаг. Часто ему приходилось буквально закрывать собой то, что находилось совсем близко, и чего ей видеть было нельзя.

— Ты можешь пройтись, — попросила Инна.
— Я минут пять посижу одна.

Евгений отошел, стараясь по-прежнему закрывать собой страшный объект.

— Сколько заброшенных могил! — сказал старик, похожий на старинного пустынного, в издавшей виды рясе. — И сколько зла развелось, алчности, никто ни о чем не думает наперед. А ведь сказано у пророка: «Горе тем, кто постановляет несправедливые законы и пишет жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот. И что вы будете делать в день посещения, когда придет гибель издалика? К кому прибегнете за помощью? И где оставите богатство ваше?».

— Вы монахи, что ли? — полюбопытствовал Евгений.

— Старец я, и удивляюсь всему увиденному здесь.

— Здесь, как везде. А решают в столице, дедушка.

— Да-а. И сказано у пророка: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная

правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою, князья твои законопреступники и сообщники воров...».

— Издалека идете?

— Ох, издалека. И дал мне Господь узреть грядущее...

Что-то проговаривая, старик скрылся среди деревьев.

— Позвольте, что вы сказали насчет грядущего?

Евгений устремился за ним, но монах словно сквозь землю провалился.

Тут художник спохватился и бросился обратно. Инны у могилы ее матери не было. Да, она была там, куда он должен был ее не допустить.

— Что это такое? — женщина дрожала, как от холода. — Ты знаешь, да?

— Пойдем отсюда, это просто случайное совпадение, — Евгений постарался сохранить спокойный, непринужденный вид.

— О чем ты говоришь? Ведь это же моя фотография — посмотри!

— Ну, может, это какая-то глупая шутка, — начал теряться художник.

— Какая шутка? Кто может так шутить? Кому это надо? — говорила она, жалобно всхлипывая. — Я же чувствую: что-то не так. Только не пойму что. Ну скажи, не лги мне.

Она медленно села на лавку у своей могилы и заплакала навзрыд. Он опустился рядом, уткнулся лицом в ее колени и закрыл глаза. На него нашло какое-то оцепенение. Ему вдруг стало казаться, что это он умер и его закопали здесь, под этой плитой, а она всегда была жива и сейчас пришла к нему на могилу.

— Пойдем домой, — наконец сказал он после бесконечно долго длившейся паузы.

— Ты мне не скажешь?

— Скажу. Пойдем домой.

Инна достала из сумки платок и зеркальце, стала вытирать лицо.

— Я боюсь, — вдруг сказала она.

— Чего?

— Не знаю. Но я очень боюсь. Я хочу, чтобы мы пошли ко мне.

— Зачем?

— Не знаю. Но я тебя очень прошу.

— Хорошо, но мы же хотели зайти в магазин.

— Нет, не сейчас.

Ему все же удалось затащить Инну в магазин, затем в другой, третий. И она выбрала себе ярко-синее платье. Потом он сказал, что уже поздно, что он устал, да и она, судя по всему, тоже, и что завтра они непременно пойдут к ней. И завтра же он расскажет ей о нелепой случайности, из-за которой ее посчитали погибшей. Потом они сидели у Евгения, и он старался всячески ее утешить, отвлечь от тяжелых мыслей. Когда он в очередной раз взял женщину за плечи, она вдруг отстранилась:

— Подожди.

— Никак не можешь отойти от пережитого потрясения?

— Дело не в этом, — она отрицательно покачала головой. — Вернее, не только в этом.

— В чем же еще? — Евгения начало одолевало смутное, но ужасное предчувствие.

— Со мною что-то происходит.

— Я понимаю, тебе трудно. Ты расстроилась, не знаешь некоторых обстоятельств, тебя это тревожит, угнетает.

— Не только это.

— Ну, что еще? Что?

— Что-то происходит с моим телом: оно как-то немеет, будто отмирает. Такое чувство, что я еще здесь и в то же время уже не здесь.

Евгений посмотрел в ее неподвижные, затуманенные глаза и ощутил чувство ужаса, от которого похолодело внутри.

— Так что? — гипнотизирующим голосом спросила женщина, глядя в его лицо остекленевшими глазами. — Может быть, ты теперь скажешь мне?

Художник понял, что попался — не надо было так откровенно пугаться.

— Это усталость. Ты перенервничала, вот тебе и нездоровится. Я вызову тебе врача, он пропишет лекарства. А пока тебе надо принять горячую ванну. Тебе сразу станет легче. Вот увидишь. Сейчас...

Он заметался по квартире, засуетился, не зная, что делать сначала — вызывать врача или готовить ванну. Наконец он заскочил в ванную, открыл краны, стал регулировать температуру воды.

Когда Евгений вышел из ванной, в комнате было пусто. Разум, кажется, отказал ему. Ничего не соображая, он метался по квартире, заглядывая всюду, где может поместиться взрослый человек, а затем и туда, где не поместится даже ребенок. Наконец эта горячка у него прошла.

— Этого не может быть, — шагая взад-вперед по комнате и часто жестикулируя, заговорил он. — Это мы — те, кто перемещается отсюда, — возвращаемся. Потому, что так задумано. А они — те, кто находится там, — могут переместиться только с нашей помощью, когда мы возвращаемся. Перемещение снова туда без этих препа-

ратов, рамок с шариком никем не предусмотрено, и потому невозможно. Тогда где же...

Он растерянно развел руками и вдруг схватился за голову. Затем бросился к выходу. Было уже темно. Моросил мелкий дождик. Комнатные тапочки не позволяли бежать в полную силу. Наконец один из них слетел с ноги. Второй Евгений сбросил сам. Улицы, улицы, улицы. Переулок. Мост. Разноцветные огни вокруг. Со всем близко тяжело гроыхал вагонный состав. Ступеньки, ступеньки. На мосту — никого. Ну вот это место. Евгений перегнулся через перила, чтобы посмотреть вниз. Вдруг кто-то прыгнул на него сзади и опрокинул на спину. Охрину удалось подняться, но этот кто-то все еще висел на его плечах. Евгений захватил нападающего одной рукой за воротник, другой за предплечье и в падении вперед бросил его через себя. Тот крикнул и обмяк. Стоя на четвереньках и морщась от боли в колене, Евгений пристально всматривался в непривычно перевернутое лицо перед собой. Это лицо было ему знакомо, но он никак не мог понять, чье же оно. Наконец, до боли вывернув шею, чтобы увидеть лицо нападавшего в более привычном ракурсе, художник узнал Светлого.

— Чего тебе надо? — спросил Евгений, пытаясь подняться.

Но поэт снова крепко вцепился в него.

— Пусти! — вырываясь, крикнул Охрин. — Я же только посмотреть! Пусти!

Руки Светлого разжались, и Евгений снова припал к парапету. Поэт пристроился рядом.

— Никого там нет, — переводя дыхание, сказал он.

— Ты откуда взялся?

— Иду к тебе, а ты бежишь. Я кричу, а ты не слышишь, — лаконично объяснил Светлый.
— Хотел сказать, что тебя Драпов разыскивает.

VI

Утром Евгений проснулся с тяжелой головой и с предчувствием чего-то не менее ужасного, чем исчезновение Инны. Солнце давно встало. Звонок в дверь заставил художника вздрогнуть. Открыв, он увидел взъерошенного и возбужденного Драпова. Глаза ассистента подозрительно блестели.

— Все-таки я нашел вас! — воскликнул Генрих, пытаясь без приглашения протиснуться в квартиру.

— Зачем? — спросил Евгений, придавливая его дверью.

— Вы не представляете, насколько это важно.

— Для кого?

— Для вас, для нее, для меня — для всех.

— Черт с вами, входите.

Евгений отпустил дверь.

— Она здесь? — украдкой спросил Драпов, проходя и осматривая помещение.

— Вы пришли спрашивать или рассказывать?

— Хорошо, — согласился ассистент.

Он подошел к столу, налил из графина полный стакан воды и жадно выпил.

— Хорошо, — повторил он, с размаху плюхнувшись в кресло. — Все по порядку.

— Да уж, пожалуйста.

— Они его повесили, — начал ассистент и, подумав, уточнил: — Партизаны повесили Шурина.

Он пристально посмотрел на Охрина, но лицо художника осталось непроницаемым.

— Он никогда не рассказывал мне всего, — продолжал Драпов. — До многого мне приходилось докапываться самому. Но ответов на некоторые очень важные вопросы я так и не узнал. И тогда я рискнул. После долгих попыток мне с помощью одного нашего пациента удалось переместиться. И я нашел его. Чему вы улыбаетесь?

— Я вдруг подумал, что при перемещениях я, вы и кто угодно другой могли в своем прошлом встретиться с собой.

— Нет, доктор сказал, что это невозможно.

— Почему?

— Не знаю. Он так сказал. Впрочем, я думаю, Шурин и сам до конца не понимал, что он открыл, и не знал всех нюансов этих... перемещений. Так вот, когда я нашел Шурина там... ну, в прошлом, я ему ничего не сказал о том, что с ним случилось. Но он как-то почуял неладное, догадался почему-то. И вот, когда у меня началось обратное перемещение, Шурин вдруг бросился ко мне, обнял меня крепко-крепко и не отпускал до тех пор, пока мы с ним не переместились. Но даже этого ему не надо было делать, потому что вместе с нами переместилось восемь случайных прохожих, находившихся от нас не менее чем в десяти шагах. И самое страшное: вместе с ними переместился телеграфный столб.

— Ну, столбом в наше время никого не испугаешь, — пошутил Охрин.

— Вы не понимаете! — Драпов подскочил с места. — По расчетам доктора, случайно переместиться при возврате мог лишь тот, кто находился в непосредственной близости от пациента, да и то с определенной долей вероятности, что и подтвердилось в вашем случае. Но потом выяснилось, что может переместиться целая группа лю-

дей. Затем опасное пространство еще более увеличилось, и никто не может сказать, до каких размеров может расширяться коридор перемещения! А теперь еще выяснилось, что перемещаться могут и крупные неодушевленные объекты! Вы представляете себе масштабы возможной катастрофы?!

— Все это очень занимательно, — спокойно сказал Охрин. — Но я-то тут при чем?

— Ах, да! Я ведь не закончил. Мы с возвращенным Шуриным провели ряд экспериментов по сужению коридора. Но ничего не вышло. Сначала старушка-долгожительница перетащила сюда какого-то монаха — не то из пятнадцатого, не то из шестнадцатого года. Потом... Впрочем, это все детали. Когда я понял, насколько это опасно, то попытался уговорить доктора прекратить сеансы. Но его это очень разозлило. Он сказал, что большой опасности нет, что все они потом уходят.

— Куда?

— А-а, заинтересовались, наконец! Не знаю, куда — он не сказал. Может, и сам точно не знает. А может, он сказал это лишь для того, чтобы меня успокоить. Поэтому я и спрашиваю: она еще здесь?

Евгений отрицательно покачал головой.

— Как это случилось?

— Я не видел. Просто исчезла.

— Когда исчезла?

— Вчера вечером.

Драпов сделал отрешенное лицо и, беззвучно шевеля губами, стал что-то подсчитывать.

— У него совсем немного времени, — заключил он, и это заключение его, кажется, обрадовало. — Когда доктор понял, что я могу ему помешать, то скрылся от меня и явно продолжает эксперименты. А кроме того, если он успеет обучить кого-то этой процедуре, его смо-

гут возвращать снова и снова, а это почти бессмертие! Вопрос лишь в том, возвращается ли неумышленно перемещенный из прошлого обратно в прошлое или просто исчезает.

— И что вы думаете на этот счет?

— Как, по-вашему, я похож на профессора?

— Честно говоря, не очень.

— То-то и оно, — огорчился ассистент.

Наступила долгая пауза.

— А меня чуть партизаны не подстрелили, — вдруг не то похвалился, не то пожаловался ассистент.

— Пустяки, — ответил художник, — вот они мост взорвали — это событие.

Ассистент сначала обиделся, а потом разозлился:

— Да вы просто циник! Все вы, творческие деятели, циники и пошляки. Только воображаете из себя много. Видимость создаете. Глубокую духовность разыгрываете! — ассистент совсем рассвирепел. — А, впрочем, вас, похоже, в этой истории интересует только женщина.

Драпов остыл так же быстро, как и вспыхнул. Он замолчал и устало поплелся к выходу. Евгений еще какое-то время сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Затем встал и пошел на кладбище.

Он сидел у ее могилы. Вот здесь же, на этом самом месте, совсем недавно сидела она. Неужели это действительно было? А может, все это только сон, гипнотический сеанс доктора Шурина? А если она и вправду была здесь, то где она теперь? Вернулась в прошлое? Будет ли она там помнить все, что было здесь? Поступит ли иначе, чем тогда? Но если бы она поступила иначе, то сейчас все было бы не так. А ведь ничего не изменилось. Да и могло ли измениться? И поче-

му, собственно, она могла поступить иначе, ведь он ей так ничего и не объяснил? А, черт!

Евгений хлопнул себя ладонью по лбу, резко встал и побрел наугад среди могил.

— Стой! — слышалось сзади. — Стой, кому сказал!

Охрин решил не оглядываться — стоит ли связываться с какой-то шантрапой?

— Хальт! Их верде шиссен! — уже сердито крикнул тот же голос.

Охрин встал, как вкопанный. За спиной слышались тяжелые приближающиеся шаги трех-четырех человек. Художник медленно обернулся.

— Шпрехен зи дойч? — спросил старшина с т-образными нашивками на погонах. В правой руке за шейку приклада он держал увесистый ППШ. С ним было еще трое солдат разного возраста.

— Отвечай! — угрожающе потребовал один из них.

Но Охрин уже не смотрел ни на старшину, ни на сопровождавших его воинов. Взгляд художника был устремлен между ними, туда, за кладбище, где на пустыре в направлении городка, над которым развевался трехцветный флаг, разворачивалась в боевой порядок колонна тридцатьчетверок. За танками, быстро размыкаясь, вытягивалось в цепь подразделение пехоты.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Нарастающий грохот, сотрясавший весь дом, разбудил Артема Егорова под утро. Мебель в комнате часто дрожала, мелкие предметы подпрыгивали на месте, люстра, шторы, картины на стенах — все висящее раскачивалось из стороны в сторону. Упало и разбилось большое овальное зеркало. Зеленая скатерть на столе неистово размахивала краями с длинной бахромой, словно пыталась взлететь. Белоснежная гладкошерстная кошка с ярко-желтыми полными ужаса глазами, вздыбив шерсть и припав к полу, дико визжала. Свет в квартире мигал не переставая, хотя его никто не включал. За окном творилось невообразимое: что-то там громыhalo, клубилось и сверкало.

«Землетрясение!» — сразу мелькнуло в голове, хотя в этих краях о таком явлении знали только понаслышке да поначитке. Схватив в охапку одежду, сумку с документами и кобуру с пистолетом, Артем хотел прихватить еще и кошку, но та вдруг куда-то испарилась. Оставив дверь приоткрытой, Егоров, перепрыгивая через три-пять ступенек, понесся вниз. Благо он жил на третьем этаже, и чтобы оказаться на улице, ему потребовались считанные секунды.

Огромной силы шквал ветра тут же сбил его с ног, пылью залепило глаза, рот и нос. Продолжая одной рукой крепко сжимать вещи, из которых что-то уже улетело в окружающий мрак, другой Артем судорожно пытался за что-нибудь зацепиться. При этом он все время ощущал успокаивающую тяжесть кобуры на указательном пальце, продетом в одну из петель, предназначенных для ремня, ему, опытному оперативному работнику, в просторечье оперу, терять пистолет было никак нельзя.

Вдруг Егорова поволокло по земле, он заупирался ногами, все больше понимая тщетность этого сопротивления. В следующий момент его с силой ударило плечом о что-то твердое, да так, что искры из глаз посыпались. На какое-то время он перестал ощущать самого себя, может быть, даже потерял сознание. Снова начав ясно все осознавать и ощущать, Артем удивился царившей вокруг тишине и чувству покоя, овладевшему им. Стихия отступила. Но какая-то смутная, еще невнятная мысль беспокоила оперативника, не давая ему сосредоточиться на окружающем.

«Пистолет», — пронеслось в голове. Да, Егоров уже не ощущал кобуры на своем пальце. Может, потому, что занемела рука? Опер резко поднялся, скривившись от боли в плече. «Это пройдет, — подумал он. — Но пистолет...». Оружия поблизости не было. Бросив одежду, Егоров внимательно осмотрел землю вокруг столба, о который его так сильно ударило. Густо оседавшая после урагана (или смерча) пыль затрудняла видимость. Передвигаясь на коленях по мягкому слою песка и всякого мусора, Артем ощупывал почву, взрыхляя ее пальцами. Вокруг уже происходило какое-то оживление, слышались отдаленные голоса.

Наконец прекратив поиски, Егоров поднялся во весь рост и осмотрелся. Сквозь темную пылевую завесу пробивалось багровое зарево. «Наверное, в городе начались пожары», — подумал Егоров, впервые отвлекшись от терзавшей его мысли об утраченном оружии. Помимо голосов, опер различал теперь и звуки близких шагов.

— ...Рухнул? — донесся до Артема обрывок разговора приближавшихся людей, и он различил их силуэты на фоне все яснее проступавшего красного зарева.

— Нет, стоит, — ответили спрашивавшему.

— А соседний дом?

— Черт его знает, кажется, тоже стоит. Эй, у вас там все живы?

— Да. Правда, сосед мой сильно разбился, но живой и даже ходит сам.

Егоров поднялся с земли и быстро надел на себя пыльные брюки. Рубашки поблизости не оказалось. Зато уцелели пиджак и галстук. Пиджак Артем надел поверх майки, а галстук, повертев, отшвырнул в сторону. Внутреннее состояние опера было ужасным. Ощущение всеобщей беды переплеталось в нем с сознанием личной неприятности — утраты личного оружия. Что скажут в отделе? Что опытный оперативник во время урагана с испугу выскочил на улицу в neglige и потерял пистолет? Ужасно! Нелепо! Нет, он, конечно, будет искать, он перероет и просеет всю землю в радиусе ста, нет, двухсот метров вокруг злосчастливого столба. Вот только выяснит, что произошло. Может, надо срочно ехать в отдел...

Осторожно ступая босыми ногами и потирая под пиджаком немеющее плечо, Артем подошел к разговаривавшим. Вокруг них уже собралась небольшая толпа, состоявшая из всклокоченных, перепуганных, наспех и от того порою смешно одетых (а зачастую и почти неодетых) людей. О происшедшем катаклизме никто толком ничего не знал. Все разговоры состояли в основном из коротких восклицаний: «Как загудит!», «Как застучит!», «Как побежит!». Сквозь

оседавшую пыль уже было видно, что красным было не зарево пожаров, а само небо, словно восход солнца намечался сразу со всех сторон.

Егоров вернулся к столбу, пройдя там, где его тащило по земле, и стал, расширяя круги, исследовать грунт, разрывая его босыми ногами, а местами и более тщательно — руками. Пистолет потерялся, словно игла в стоге сена. «Надо позвонить в отдел, узнать, что там», — наконец решил опер и вернулся в дом. В подъезде царил красноватый полумрак. В квартире электричества не было, но и там было уже достаточно светло. Телефон молчал. «Ничего удивительного, — подумал опер, — наверняка, все провода порвало». Он подошел к окну: в воздухе еще висела легкая дымка, но видимость была уже почти нормальной. Небо становилось все ярче. Улицы зловеще пустовали, но их не уродовали следы каких-либо разрушений и пожаров. Целы были и игравшие багровыми бликами окна однообразных коробчатых домов.

Хотя бы примерно определить время без часов было невозможно, а всегда точно шедшие тяжелые мраморные часы в бронзовой оправе теперь стояли. Егоров завел их, но они так и не пошли. Безднадежно поломался и маленький кругленький будильник. Наручные часы тоже стояли. «Магнитная буря или что-то в этом роде», — прокомментировал Артем, чтобы как-то объяснить происходящее, и это его заметно успокоило. Но обрести полное психическое равновесие оперативнику не давала мысль об утерянном пистолете. Он снова отправился на поиски и снова долго и бесполезно обследовал местность в окрестностях столба.

Окончательно утратив надежду на благополучный исход неприятного происшествия, Артем вновь вернулся в свою квартиру и подумал, что пора идти в отдел. Он живо представил себе, как его коллеги, у которых сегодня, наверное, и без того предстоит трудный день, будут брошены на поиски его оружия и станут укоризненно поглядывать на виновника чрезвычайного происшествия, а может, и открыто высказывать ему свое недовольство. «Но что бы ни случилось, — решил Артем, — надо не впадать в панику и уметь мужественно отвечать за свою нерасторопность. Надо взять себя в руки, принять душ, позавтракать и — на службу. А там видно будет». К тому же боль в его плече неожиданно быстро прошла, и он даже успел о ней забыть.

Краны в ванной сначала свирепо зарычали, потом жалобно завизжали и, наконец, беспомощно зашипели. Помыться без света еще можно было бы, но без воды... Напускной бодрости у опера несколько поубавилось. Приготовить свое фирменное блюдо — яичницу — Артем не мог: не работала плита. Отрезая хлеб, Егоров неосторожно резанул острым ножом палец и был удивлен полным отсутствием боли и крови, хотя рана была глубокой. Заклеив порез пластырем, Артем мог о нем больше не вспоминать. На завтрак он решил обойтись консервами и сырыми сосисками, но пища показалась ему совершенно безвкусной, даже несъедобной. Он вдруг понял, что вовсе не хочет есть и пытается делать это по привычке, как всегда перед уходом на работу. Тут Артем вспомнил о своей исчезнувшей кошке и подумал, что она-то уж точно оголодала. Он обо-

шел квартиру, заглядывая во все углы, позвал, в ответ — ни звука. Может, выскочила вслед за ним в приоткрытую дверь и потерялась? Или ее унес смерч? Артем вышел на лестничную площадку и снова позвал. Кошка не объявилась. «Ладно, найдется, — вдруг остыл оперативник, — хватит с меня других проблем».

Егоров вышел на балкон и осмотрелся: небо было таким же матово-красным, но заметно светлее. На нем не виднелось ни облачка, ни поздней звезды, ни яркого проблеска первых солнечных лучей, казалось, его равномерно покрасили багровой флюоресцентной краской.

В комнате, переодеваясь, Артем наткнулся взглядом на стоявшую в серванте начатую бутылку коньяка и пару рюмок. Несколько нервно от своих раздумий, он машинально взял бутылку, отвинтил крышку, плеснул в рюмку коньяку и сделал глоток. Отсутствие вкуса у жидкости поразило его. Артем глотнул прямо из бутылки — вода. Не может быть! Еще вчера мимоходом забегал к нему знакомый, и они из этой бутылки выпили по паре рюмок — коньяк был хорошим. Егоров поспешно сделал еще несколько глотков. «Да что это со мной?». Тогда он стал пить не спеша, стараясь тщательно распробовать жидкость — результат был тот же. И вдруг, поняв, что выпил уже с полбутылки, Артем хлопнул себя по лбу ладонью. «Зачем? Я же собрался на работу! Теперь скажут, что спьяну потерял пистолет». Он сел на диван и стал внимательно прислушиваться к своим ощущениям. Но время шло, а коньяк на организме никак не сказывался, что называется, «ни в одном глазу!». Может, пошутил кто? Последнее время много всяких кудесников раз-

велось: воду превращают в вино, вино — в воду. Впрочем, черт с ними! Об этом потом. В конце концов худа без добра не бывает.

На улице Артем разглядел то, чего не видел с балкона: трава и деревья всюду сникли и почернели, словно их опалило огнем или прихватило морозом. «Что за черт?!» — в очередной раз изумился опер и пошел к своему старенькому «Москвичу», стоявшему во дворе под открытым небом. С первого раза машина не завелась, Впрочем, также и со второго, третьего и четвертого. «Но ведь ездил же я вчера!» — в сердцах подумал Егоров и, выбравшись наружу, сунул голову под капот. Если бы он захотел и чуть поднапрягся, то в течение нескольких лет мог бы купить машину поновее. Но опер с какой-то особой нежностью относился к старым вещам и всегда с неохотой с ними расставался.

Когда-то, еще в раннем детстве, у него был серый пластмассовый заяц, у которого уже стерся один глаз и поотваливались лапы. Но даже в этом виде он продолжал оставаться любимой игрушкой. Видя такую любовь к игрушечному зайцу, мама купила ему другого — яркого, оранжевого, смеющегося. Старого же выбросили на мусорку. Но ребенок наотрез отказался признавать благополучного и довольного, но какого-то чужого зверька и требовал обратно серого калеку. К этому сначала отнеслись как к пустому капризу. Однако мальчик горько и безутешно плакал до тех пор, пока ему не вернули принесенного с мусорки и тщательно вымытого старого приятеля.

Поломка машины так и не обнаружилась. Решив, что ему все же придется подумать о

новом автомобиле, опер отправился в отдел пешком. Улицы города были захламлены мусором, асфальт местами полностью засыпан песком, пылью и каким-то серым веществом, похожим на пепел. Пустоту нарушали лишь редкие уныло бредущие прохожие, и было странно, что нигде не появлялось никакого транспорта. Воздух застыл неподвижно, ни одна черная ветка ни разу не колыхнулась. Природа замерла, будто в ожидании чего-то тревожного и грандиозного.

Весь этот мрачный антураж еще больше отягощал и без того невеселое настроение Егорова: сегодня ему предстояло написать самый неприятный из всех написанных за годы службы рапорт. «А может, не все так уж трагично, — пытался успокоить себя опер. — Ведь был ураган, стихийное бедствие. Мало ли что может случиться, например, во время наводнения или землетрясения: не только пистолет, бронетранспортер потеряться может». Но все это было слабым утешением.

У отдела милиции собралось с полсотни чего-то ожидающих и тихо переговаривающихся горожан. Суточный наряд выглядел уставшим.

— У этих людей пропали дети, — объяснил дежурный. — И люди все прибывают, кажется, исчезновение детей продолжается. Мы не успеваем записывать показания, хотя приобщили к этому делу уже всех, кто успел подойти.

Несмотря на ранний, хотя и никому не известный час, половина кабинетов была открыта — в отдел постепенно стекались его сотрудники. Часть их расположилась в актовом зале.

— Во всем городе нет электричества, не работает транспорт и... часы, — словно сам

удивляясь тому, что говорит, объяснял заместитель начальника по оперативной работе майор Стасов. — Очевидно, это связано с каким-то природным катаклизмом. Мы пока и сами плохо владем обстановкой, поскольку нет никакой связи с другими городами, так же, как и внутри нашего города.

«Нет, — думал Егоров, — сейчас не время лезть со своими объяснениями по поводу пистолета. У отдела и без того хлопот невпроворот, обстановка в городе чрезвычайная. К тому же меня скорее всего отстранят от дел, как минимум, на период расследования. А сейчас каждый человек будет на счету, придется работать и тем, кто после наряда, и отпускиникам...».

— В качестве связного транспорта можно использовать лошадей конного взвода, — предложил молодой участковый лейтенант Елин.

— Нельзя их использовать, — тут же угрюмо отозвался командир того самого взвода, о котором шла речь. — Всех лошадей этой ночью угнали.

— Вы что, конюшню на ночь не закрываете, или у вас замки взломали? — придиричливо любопытствовал Елин.

— Закрываем, — еще больше нахмурился взводный. — И замки у нас на месте. Но лошадей нет.

— Странно, — изумился участковый.

— А что сегодня не странно? — уже раздраженно огрызнулся взводный.

«Да, — продолжал размышлять Егоров, — стоит подождать, пусть обстановка утрясется, прояснится хоть немного. В конце концов напишу я рапорт сейчас или спустя несколько

часов — в такой ситуации существенного значения не имеет».

— Интересно, железнодорожный транспорт тоже стоит? — спросил кто-то из собравшихся из глубины зала.

— Еще не знаю. Сейчас начальник будет проводить оперативку, может, у него больше сведений.

— Откуда? — вмешался Егоров. — Давайте лучше я схожу на вокзал и все выясню.

— Ладно, — согласился Стасов. — Я доложу, что послал тебя по делу.

Находиться в отделе и видеть, что даже там никто ничего толком не знает, Артему было тягостно. К тому же, чтобы на время отвлечься от мыслей об утерянном оружии, надо было куда-то идти, что-нибудь делать.

В дежурной части сидел человек, показавшийся Егорову знакомым. Опер задержался и вошел в дежурку.

— Да у него давно крыша поехала, — рассказывал дежурному человек, показавшийся знакомым. — Он все какими-то потусторонними силами увлекался, а сегодня совсем с ума сошел — вот как топором рубанул.

Артем подошел ближе, и даже ему, многое повидавшему оперативнику, стало не по себе: в голове человека была прорублена страшная дыра, сквозь которую виднелся явно поврежденный мозг. Егоров изумленно посмотрел на дежурного. Тот сделал недоуменное лицо и пожал плечами.

— С твоего участка, — сказал он, протягивая бумажку с адресом. — У меня все заняты. Возьми кого-нибудь из подошедших.

— Сам! — махнул рукой Егоров. — Тем более что я иду на вокзал. Как раз по пути.

Артем снова шел по пустынным захламленным улицам, над которыми тревожно нависало багряное небо. Путь его лежал через городской рынок. Там с унылыми лицами уже стояли редкие торговцы, у которых никто ничего не покупал и которые ничего никому не предлагали, словно им было все равно, будут у них брать товар или нет. Вид ярких фруктов и ягод не вызывал у Егорова никаких эмоций, хотя он сегодня еще не ел. Продукты казались настолько несъедобными, будто были сделаны из воска или папье-маше. В одеревенелых лицах продавцов, в странной остекленелости их глаз было что-то неестественное и пугающее. У одного из прилавков на земле валялись довольно крупные денежные купюры. Их никто не поднимал.

Егоров вышел на окраину, сплошь состоящую из старых деревянных двухэтажек, осмотрелся по сторонам — здесь всегда было много злых бродячих собак, часто норовивших цапнуть за ногу чужака. Но в этот раз опер не увидел ни одной, словно все они передохли, или их разом отправили на живодерню. И это обстоятельство, вопреки всякой логике, несколько не обрадовало его, скорее даже разочаровало.

В квартире по адресу, написанному дежурным, уже находился врач с двумя санитарями.

— Ничего, ничего, — успокаивал он человека в смиренной рубашке. — Все будет хорошо, все будет прекрасно...

— Пешком? — коротко осведомился Егоров.

— Пешком, но галопом, — сострил доктор.

— А что к нам не зашли?

— Ближний свет, что ли? — заговорил угрюмый санитар. — Решили своими силами.

— Повезло вам, — подытожил опер.

— Будете протоколы писать? — поинтересовался доктор.

— Дураки! Дураки! — вдруг заорал больной, пытаясь высвободиться. — Каяться надо, а не протоколы писать! Не понимаете вы ничего. Убить вас всех мало!

— Тише, тише, — успокаивал врач. — Мы все очень раскаиваемся. Зачем же нас убивать?

— Мы потом запросим у вас нужные справки, — сказал оперативник и вышел на лестничную площадку, поняв, что его помощь медикам уже не нужна.

Решив побеседовать с соседями, он постучал в ближайшую квартиру. Дверь отворила сердитая старушка, посмотрела недовольно.

— Вы сегодня не слышали вот в этой квартире... — начал Егоров.

— Не слышала! Не видела! Не знаю! И знать не хочу! — перебила его старушка и, уже закрывая дверь, злобно добавила: — Сволочи!

— Кто? — спокойно осведомился опер.

— Все! — зло сказала бабушка, приоткрыв дверь и с силой захлопнув ее.

Опер, несколько секунд постояв в раздумье, решил вдруг ни к кому больше не заходить и направился на вокзал, до которого теперь было рукой подать.

Обстановка на вокзале была унылой и гнетущей. Поезда, конечно же, не ходили. В то же время здесь для такого случая было на удивление мало людей, будто многие, уже потеряв интерес к поездкам, разошлись по домам. Оставшиеся с безучастным видом сидели в зале ожидания или стояли на перроне. На третьем пути томился застрявший в городе поезд. В

окнах его кое-где застыли лица пассажиров. Работники вокзала ничего толком объяснить не могли.

— Прямо светопреставление какое-то, — развел руками дежурный.

Егоров медленно прошел по пустынному залу с чахнувшими пальмами в больших цветочниках, расставленных вдоль стен. За стойкой расположенного в углу буфета стояла задумчивая продавщица, у которой сегодня не было покупателей. В конце зала в пустом ряду сидел бородатый седой старик, по виду бомж.

— Что, старик, не ходят поезда? — подсаживаясь к нему, спросил опер.

— А мне все равно. Я никуда не еду, — сознался бомж, сразу распознав в подсевшем работника милиции, которому бесполезно лгать. — Это другие суеются, таскаются с чемоданами. А у меня и чемоданов нет, и ехать мне некуда, и время мне знать не обязательно. Часы стоят! Поезд опаздывает! Телефон не работает! Плевать! Особенно теперь.

— Почему же теперь особенно?

— Ты так можешь? — вместо ответа спросил бомж и, вытащив из кармана шило, насквозь проколол им свою ладонь.

— Ну, мы такие фокусы теперь тоже знаем, — Артем вынул шило из руки бомжа и спокойно проткнул себе ладонь, сначала удивив, а потом рассмешив старика. Бомж как-то глупо и радостно расхохотался.

— Так, значит... — заговорил он, прерываясь и давясь смехом. — Так, значит, всем нам канты: и бомжам, и ментам, и...

Егоров, не испытывая ни малейшей боли, вытащил шило из ладони и, изо всей силы по-

чти по самую рукоятку всадив его в деревянное сиденье, встал. Бомж нахально удержал его за рукав.

— Смерть уравнивает всех! — торжествующе воскликнул он.

Егоров рывком освободил руку и, не оборачиваясь, пошел к выходу. Там он едва не столкнулся с входившей с улицы женщиной и, резко остановившись, застыл на месте — так знакомы были эти обильно намакияженное лицо, крашенные в белый цвет и почти всегда пережженные волосы, еще сохранившая следы былой стройности осанка и вечная манера одеваться броско и одновременно небрежно.

— Эльвира? — спросил Артем, словно был не уверен.

— Ты еще помнишь, как меня зовут? — со злой иронией в голосе вопросом на вопрос ответила женщина, поправляя съезжающий с плеча ремень увесистой дорожной сумки.

— Ты уезжаешь?

— Пытаюсь. А ты что, за мной следишь?

— Ну вот еще, больше мне заняться нечем.

— Конечно, конечно, ты всегда так занят! — и она, задев Артема сумкой, быстро прошла мимо.

Егорова поражала та апатия, с которой город встретил происшедшее. Может быть, это была растерянность, но, казалось, никто ничего не пытается делать, все только ждут. Мысли опера отвлекла открывшаяся в железной ограде калитка. Из нее вышел насколько богато, настолько же безвкусно одетый человек с огромной золотой цепью на шее. На цепи висел непомерно большой медальон с изображением русалки, держащей в руках кубок. В этом чело-

веке Артем узнал своего бывшего подопечного, из своих сорока лет примерно пятнадцать просидевшего в местах отбывания наказания. Во дворе возле трехэтажного дома с нелепой башней стоял «Мерседес» с открытым капотом, уже, видимо, порядком разозливший своего хозяина.

— Эй, начальник, что стряслось? — с высокомерной ухмылкой спросил оперативника тип с медальоном.

— Не знаю, — ответил Егоров, не останавливаясь.

— Как это не знаешь? А кто знает? Не знают они ничего! Только деньги государственные прожирать...

Егоров не дал ему договорить, сделав то, что ему хотелось сделать много раз, но чего он не мог позволить себе раньше. Вернувшись, оперативник взял наглого типа всей пятерней за лицо и втолкнул его в калитку так, что тот, громко звякнув цепью, уселся на мощенную камнем дорожку.

— Ты думаешь, это все? — услышал Артем, отойдя уже довольно далеко.

Он нехотя обернулся.

— Это тебе так не пройдет! — кричал обиженный тип с цепью на шее, нервно тыча указательным пальцем в сторону Егорова. — Можешь считать, что ты уже не работаешь!

Опер вдруг саркастически рассмеялся и неожиданно поразился странному сходству своего смеха с хохотом старого бомжа на железнодорожном вокзале.

В отделе было все по-прежнему. И даже людей у входа и в коридорах, кажется, не уменьшилось и не увеличилось.

— Что нового? — на всякий случай спросил Артем у дежурного.

— Все старое, — ответил тот. — Пропали все животные, дети и несколько взрослых. С утра отправили двоих на велосипедах в ближайший поселок узнать, что там, но они так и не вернулись. Короче, полный мрак. Как тут не поверишь во всякую чертовщину?

— Состояние у меня какое-то странное, — сказал участковый Васин, сидевший на стуле у окна и заполнявший какие-то бумаги, разложенные на подоконнике.

— Это у тебя нервное переутомление, — объяснил дежурный. — Я себя тоже странно чувствую.

— Скорее всего, это давление, — вмешался помдеж. — Надо проверить пульс. Дай.

Помдеж взял участкового за руку, глянул на часы и, вспомнив, что они стоят, попросил Егорова:

— Давай, чтобы не путаться, ты будешь про себя считать секунды, а я удары пульса.

Артем ничего не считал, безразлично глядя, как помдеж тщательно ощупывает руку участкового.

— Ну что? — спросил тот нетерпеливо. — Что?

— А черт его знает, где у тебя пульс! — почему-то разозлился помдеж и зачем-то пошел к неработающему пульту.

Васин сам было принялся за поиски, но, быстро утратив интерес к этому занятию, махнул рукой.

К вечеру, о котором можно было судить по заметно потемневшему небу, все в отделе устали от напряженной и при этом какой-то без-

результативной, бессмысленной работы. Все стали испытывать чувство опустошения и одолевающее безразличие ко всему. Многие незаметно расходились.

Егоров вышел на улицу. Небо уже стало похожим на вынутую из печи и быстро остывающую золу. Городские кварталы на его фоне выглядели беспорядочным нагромождением черных ящиков. Артема больше не волновало утерянное оружие. Нет, он, конечно, еще надеялся, что ему придется понести наказание за свою оплошность, но лишь в том случае, если наконец прекратится начавшееся утром светопреставление. Иначе до его утерянного пистолета никому дела не будет.

— Куда? — спросил себя опер, стоя на крыльце. — Домой? Ни за что!

И он побрел к уютному кабачку, в который ему раньше приходилось заглядывать по уголовным делам. Хотелось как-то развеяться и провести вечер в шумном месте.

Нарушив тишину совсем опустевших улиц, до слуха Егорова долетели едва слышные завораживающие тягучие звуки. Они все усиливались, и, наконец, впереди на багровом фоне четко обрисовался силуэт человека, сидящего на крыше торгового киоска. Свесив ноги и покачиваясь в такт музыке, он играл на саксофоне. Поравнявшись с музыкантом, опер остановился. Худошавый саксофонист, лет тридцати пяти на вид, в надвинутой на глаза кепке играл самозабвенно, ни на кого не обращая внимания и ничего не видя вокруг. Огненные блики играли на зеркальной поверхности инструмента, преломляясь в его изгибах. И было в этом что-то притягивающее, навевающее

щемящую тоску, и одновременно нелепое и абсурдное.

В кабачке «Идиллия» действительно былолюдно. Видимо, многие руководствовались теми же соображениями, что и Артем, не желая в этот вечер оставаться наедине с неизвестностью. Видневшееся в узких, похожих на бойницы окнах тускнеющее зарево помещения почти не освещало. Поэтому на столах в простеньких керамических подсвечниках и в расставленных тут и там на полу высоких металлических канделябрах горели свечи. Несмотря на то, что столы были заставлены едой и питьем, никто из посетителей не ел и почти никто не пил. А те, кто все же заставлял себя пить, были так же трезвы, как и все остальные. Не было и обычного обилия музыки. Толстенький тапер пытался играть на стареньком рояле, который так же, как и маэстро, был не в лучшей форме и сильно фальшивил. Под эту музыку также фальшиво, с недовольным выражением лица танцевала почти обнаженная девица, к которой никто не проявлял интереса.

— Что? Работа? — спросил вертлявый бармен, появляясь из-под стойки, как черт из табакерки. — Будете кого-нибудь арестовывать и сажать?

Егоров не ответил. Облокотясь локтем о стойку, он внимательно осматривал зал, то и дело натыкаясь взглядом на знакомые лица.

— А, по-моему, мы все и так уже сидим, и довольно прочно, — продолжил бармен, протирая бутылку. — Пить будем? Наливаю бесплатно.

— Ну налей, — согласился опер, ощутив потребность чем-то себя занять.

— Чего налить?

— А какая разница?

— Верно, никакой, — в свою очередь согласился бармен и наполнил высокий фужер.

Артем сделал глоток — ни вкуса, ни запаха, все, как и утром.

— Надеюсь, вы не думаете, что у меня плохой товар?

— Не думаю, — оборвал разговор Егоров, увидев в затемненном углу волнуяще знакомый профиль.

Эльвира держала в руке такой же большой фужер. Она вяло, очень нехотя делала из него небольшой глоток, после чего тонкой струйкой выливала часть содержимого сосуда прямо на стол. Снова медленно делала глоток и снова лила на стол. Егоров осторожно, как бы с опаской, подсел рядом. Женщина посмотрела на Артема тем застывшим взглядом, который Артем в этот день видел у многих.

— Ты явно за мной следишь, — усталым и безразличным голосом сказала Эльвира, но в глазах ее блеснула едва заметная искра.

— Не пришел твой поезд? — ухмыльнулся Артем.

— Неужели ты здесь на работе? — снова спросила она, словно не слыша вопроса. — Или так, взгрустнулось?

— От кого ты хотела уехать — от меня, от себя или вообще от всего, что связывает тебя с этим городом?

Вытаявшая под фитилем свечи выемка быстро наполнялась расплавленным воском.

— Если ты меня преследуешь, то какой в этом смысл?

Расплавленный воск, переливаясь через край выемки, стекал вниз, наростами застывая на подсвечнике.

— Но, как видишь, сегодня никто никуда не уехал и, может быть, уже не уедет. Наверное, потому, что уезжать бесполезно. Мы обречены все свое носить с собой. Это только кажется, что можно от чего-то уехать, — Артем последний раз глотнул из бокала и с раздражением отставил его в сторону.

— Какой долгий и тяжелый день, — сказала Эльвира, глядя в пустоту. — Неужели все это не сон?

Танцовщица как-то скомкано закончила выступление и под жидкие аплодисменты удалилась.

— Мы с тобой давно не виделись, а сегодня встречаемся второй раз, — Артем пристально разглядывал собеседницу. — Может, это неспроста? Вдруг и вправду ничто в мире не происходит случайно?

— Надо же, никакого вкуса. И никакого результата, — Эльвира перевернула фужер вверх дном, вылив на стол остатки влаги, и она, дойдя до края, потекла на пол.

Егоров молча продолжал всматриваться в ее лицо. Она явно была все такой же взбалмошной и неукротимой, только заметно осунулась. Все в ее жизни не ладилось. Кажется, последнее время она пила лишнего. Артем понимал, что между ними мало общего, и что теперь они еще больше не смогли бы ужиться, чем раньше. Но он привык к ней. Ему порой очень не хватало этой женщины и было жаль ее, как в детстве того потрепанного игрушечного зайчишку. Может быть, потому у него и не возникало настоящей привязанности к другим, более молодым и интересным женщинам.

Посетители кабачка неожиданно оживились и стали перемещаться к выходу. На ули-

це происходило какое-то движение и слышался далекий мощный гул. Снова ураган? Многие стали выходить наружу. Егоров тоже пошел к двери. Люди, тихо переговариваясь, тянулись к окраине квартала, которая была в то же время и окраиной города. Там, на очерчивавшем город шоссе, собралась уже значительная толпа. Все смотрели вдаль. Далеко, у самого горизонта, что-то, громяхая, сверкая и клубясь, сплошной стеной быстро катилось к людской обители.

— Смерч. Ураган. Ядерный взрыв, — слышались одинокие неуверенные голоса.

Большинство собравшихся хранило молчание. И никто не пытался бежать, прятаться, что-то делать, чтобы хоть как-то защитить себя. Как будто весь город за этот день свыкся с мыслью о неизбежности чего-то ужасного, противостоять которому невозможно.

— На нас идет! Прямо на нас! — знакомым сиплым голосом сказал кто-то сзади.

Артем обернулся и увидел своего давнего знакомого с нелепым медальоном на шее и бессмысленно вытаращенными остекленелыми глазами на лице. Оперу вдруг страшно захотелось повторить прием, примененный утром у калитки, но ему тут же это показалось полнейшей бессмысленностью, и он лишь прошел немного вперед, чтобы не стоять рядом с неприятным типом. Остановившись, Егоров увидел перед собой спину и затылок майора Стасова. Тот, словно ощутив спиной его взгляд, медленно обернулся.

— Ты знаешь, — скороговоркой, словно боясь не успеть, вдруг выпалил оперативник, — сегодня утром я потерял пистолет.

Стасов долго смотрел на Артема ничего не выражающим взглядом. Лицо его было бледным и неподвижным, как гипсовая маска.

— Как же это ты... — сказал наконец он без тени эмоций и голосе и снова стал смотреть в другую сторону.

Вот ужасная стена достигла реки. Толпа в ожидании затихла, видимо, надеясь, что это ужасное нечто не пройдет через воду. Но речная вода, вспенившись и взмыв высоко в воздух, как от взрыва, превратилась в сплошной туман, на мгновение скрывший все из вида. Но набегающая стена вновь возникла из пара, засверкала ослепительными вспышками, и в свете их возникли еще невнятные, но уже наводящие леденящий ужас огромные черные силуэты, несущиеся по земле и по воздуху.

Уловив слева от себя чье-то торопливое движение, Егоров обнаружил поблизости участкового Елина, достававшего из кобуры пистолет. Вот он передернул затвор, взял оружие двумя руками, как для прицельной стрельбы, и в этот момент увидел Егорова. Оперативник, горько усмехнувшись, отрицательно покачал головой. Тогда лейтенант приставил пистолет к виску. Егоров снова отрицательно покачал головой. Но в этот раз участковый не послушался и, закрыв глаза, нажал на спусковой крючок. Лейтенанта сильно качнуло, но он, раскачиваясь из стороны в сторону, словно кукла-неваляшка, остался стоять на месте. Потом он открыл глаза и беспомощно посмотрел на опера. Пуля на вылете оставила такую рану, что у лейтенанта, казалось, была вырвана треть головы, но крови почти не было. Егоров молча отвернулся.

В это время волна огня и теней подкатила совсем близко. Вспышки света, клубящиеся пыль, дым и черные силуэты заполнили все пространство впереди. И раздался леденящий душу вой, словно, собравшись вместе морозной зимней ночью, взвыли разом тысячи голодных волков, почуявших добычу. И задрожала земля под ногами. Но еще было видно, как стояла вдоль дороги окаменевшая толпа. И никто не бежал, не прятался, не падал на землю. Все ждали.

**ИЗНАНКА МИРА,
или ПУТЕШЕСТВИЕ ВО СНАХ**

Шел уже пятый день с тех пор, как она ушла. Денис Горин привык, что женщины в его обители надолго не задерживались. Но Юлию почему-то ему было особенно жаль. Четыре дня он не выходил из дома и не испытывал такой потребности. Ощущение личной трагедии ввергло Дениса в состояние творческой эйфории. Четыре дня он отчаянно трудился над своей новой повестью, а на пятый проснулся с чувством полной опустошенности и странной апатии ко всему. К тому же последняя ночь его была бессонной. Нет, он не творил в ночной тиши. Создаваемые Гориным кошмарные фантазмагии за дни непрерывной работы изрядно утомили его, и писатель решил наконец дать себе отдых и как следует выспаться. Но из этого ничего не вышло. Полночи он просто не мог заснуть, хотя перепробовал все известные ему средства борьбы с бессонницей и потратил на это немало сил. Когда же Денису удалось погрузиться в сон, странные видения стали одолевать его.

То ему снилось, как в бесконечном каменном лабиринте летал огромный пушистый кот и что-то кричал человеческим голосом. Что именно, Горин разобрать не мог, но почему-то знал, что это было нечто неприятное для него, и потому из всех сил пытался догнать обидчика, однако кот ускользал и терялся в темных переходах.

То ему снился необычайной высоты качающийся мост, который к тому же обвалился под ногами. То вдруг писателю привиделась какая-то нечисть в образе женщины с крыльями и хвостом. Подробно ее Горин не помнил, он видел ее туманно, сквозь полупрозрачную завесу, но было в ней что-то одновременно жуткое и притягивающее. Денис периодически

просыпался. Теперь же он чувствовал себя усталым и разбитым.

Надев халат и тапочки, выпив чашку чаю, Горин взял в руки книгу, удобно устроился в кресле-качалке и попытался читать. Однако прочитанное на ум не шло. Несколько раз Денис ловил себя на том, что читает, совершенно не вникая в смысл. Он отложил книгу и, откинувшись на мягкую высокую спинку, уставился в окно, за которым шел крупный густой снег, делая едва видимым стоящий напротив пятиэтажный дом. Зима была на исходе, и мороз последние дни держался в пределах пяти градусов. Судя по лохматым, похожим на пух снежинкам, в этот день было около нуля. Горин, не отрываясь, как загипнотизированный, смотрел в окно, медленно впадая в предсонное оцепенение.

Совершенно неожиданно посреди комнаты образовалась странная зеленоватая туманность. Горин проморгался, протер глаза, но это не помогло. Более того, сгустившаяся пелена вдруг с легким треском прорвалась, и сквозь нее проступили очертания (о Боже!) того самого женоподобного дьявольского наваждения, которое он видел в своих сновидениях. Фантастическое существо двинулось вперед, полностью выйдя из зеленой завесы, и предстало перед писателем ярко и зримо во всех своих непристойных деталях. Женщина (?) была полностью обнажена. У нее было гибкое, красивое, очень смуглое тело. В острых чертах ее лица и в удлиненных кверху ушах было нечто кошачье. Большие ярко-красные косо посаженные глаза смотрели хищно и зазывающе. По полу за дьявольским видением шумно волочился отвратительный разветвляющийся хвост, а за спиной, словно обмахивая тело

от жары, слегка двигались большие черные крылья. Хищным ртом дьяволица улыбнулась до самых ушей, показав острые звериные зубы, и громко выдохнула, издав непонятный звук — нечто вроде «ха-а».

На Дениса вдруг накатили борющиеся друг с другом и в то же время взаимно обостряющие друг друга чувства — отвращение и желание, страх и любопытство, ужас и восторг. Он хотел закричать, что-то сказать или спросить о чем-нибудь, но, как это порой бывает в снах, дар речи покинул его, и он смог лишь тихо промычать что-то невнятное.

Шумно взмахнув крыльями, дьяволица высоко подпрыгнула, на мгновение застыла, стоя на хвосте и как бы оценивая добычу, а затем с визгом рухнула на писателя, едва не опрокинув кресло. Горин ощутил, что на нем уже нет халата, и она, горячая и влажная, скользит по его телу. Ее пронзительно красные глаза посмотрели прямо в зрачки Денису, проникая во все закоулки его души, и внутри у Горина стало так горячо, что ему показалось, будто изо рта его вот-вот пойдет пар. Все тело крылатой женщины источало запах гниющих цветов, что не только не показалось Горину неприятным, но даже, напротив, в этом ему почудилось что-то таинственное и волнующее. Цепкие пальцы ее рук острыми когтями больно впились жертве в спину. Тут у Горина и вовсе помутилось сознание.

Время от времени хвостатая хищница отстранялась от него, но только для того, чтобы с воем и визгом наброситься снова. Ее крылья то взмывали над головой, то замирали горизонтально и, мелко дрожа, опускались к полу. Наконец они обмякли, упав на поручни кресла, хвост сполз по

ногам писателя и с легким стуком упал на пол. Она очередной раз отстранилась от жертвы, снова широко улыбнулась, показав хищный звериный оскал. Ее коварно сощурившиеся глаза пристально посмотрели Денису в лицо.

— Дейва. Запомни, меня зовут Дейва, — низким, с легкой хрипотцой голосом сказала она, затем, одновременно взмахнув крыльями и оттолкнувшись хвостом, поднялась над креслом и, развернувшись, ринулась в зеленый туман, уносясь все выше и дальше, оставляя в комнате только ей присущие запахи. Горин еще успел подумать, что в его квартире нет такого пространства, в котором она могла бы так вольно летать. Зеленая пелена, проявляя интерьер комнаты, стала сжиматься и, превратившись в маленькую яркую точку, исчезла совсем.

Горин долго не мог прийти в себя. Что это — сон? Нет. Видение? Может быть. Или действительность? Вряд ли. Но почему тогда все так реально? Наконец Денису стало прохладно, и он со всей ясностью осознал, что сидит в кресле в одних тапочках, к тому же весь влажный и липкий. «Кошмар, — сказал Денис, поднимаясь и зябко подергивая плечами. — А может, и не кошмар, — подумал он по пути в ванную. — Да нет, просто ужас! Хотя...».

Все еще не решаясь сделать окончательные выводы и назвать все нужными словами, он привел себя в порядок и, уже одетым возвращаясь в комнату, продолжил размышления: «Если бы все это было реальностью, то могло бы стать сенсацией, достойной всеобщего внимания». Тут он хмыкнул, четко представив на первой полосе местной газеты крупный заголовок «Мистическое изнасилование на дому».

— Черт знает что! И придет же в голову! — словно вынося резюме, вслух сказал Денис. — Нервы никуда не годятся. В понедельник, определенно, надо проконсультироваться у врача. А сейчас лучше занять себя чем-нибудь полезным и не требующим умственного напряжения, например, отремонтировать наконец перекосившиеся дверцы шкафа.

— Врача вызывали? — услышал Горин за спиной и, вздрогнув от неожиданности, резко обернулся.

Между стеной и спинкой дивана стоял человек с неприятным выражением на как будто знакомом лице, в белом халате и докторской шапочке. Удивляло только его странное появление. Диван стоял вплотную к стене, и где там помещался странный медик, было совершенно непонятно.

— Что? — переспросил Горин, выигрывая время, чтобы собраться с мыслями.

— Вы правильно угадали, что вам нужен врач, — ответил медик, перелезая через спинку дивана и вытаскивая из-за нее кожаный саквояж. — Но вы еще не знаете, что единственный врач, который может вам помочь, это я.

Потоптавшись в ботинках по дивану, врач слез на пол и, приблизившись, поставил саквояж на стол. В лице его явно было что-то знакомое, но от этого почему-то еще более неприятное.

— Что вы так смотрите? — снова заговорил он. — Вы, наверное, думаете, что это сон? Нет, друг мой, это не сон. Не верите?

Горин молча во все глаза смотрел на доктора, кажется, потеряв способность не только двигаться и говорить, но и думать.

— Дай ущипну! Ну, дай ущипну! — неожиданно перейдя на «ты», врач с каким-то злобным упорством действительно попытался ущипнуть за бок вдруг ожившего и попятившегося писателя.

— Да бросьте вы эти... — Денис, отбиваясь, замахал рукой, — свои штучки. В чем дело вообще?! Кто вы такой?!

— Ну, если посмотреть на меня с позиций материалистической философии, то я — никто. Более того, с определенной долей уверенности можно даже сказать, что я ничто — нигиль! О! — тут лицо доктора просветлело, будто его осенила замечательная идея. — Доктор Нигиль! Специалист по аномальным сновидениям. Давайте знакомиться.

Доктор резко выбросил вперед раскрытую ладонь, приглашая писателя сделать то же.

— Что вам надо? — спросил Горин, опасно обходя врача. — По-моему, вы просто сумасшедший.

— Кто? Я?! А себя вы, интересно, кем считаете?

Доктор вдруг, сделав шаг к писателю и стараясь как можно ближе придвинуться к нему лицом, тихо, как по секрету, спросил:

— Ну, как она тебе?

При этом он широко развел руки и плавно помахал ими, довольно похоже напомнив явление дьяволицы.

В груди у Горина похолодело, и он почувствовал, как от его лица отливает кровь.

— Дэйва. Меня зовут Дэйва, — кривляясь, сказал доктор Нигиль, видя замешательство Горина. — Вы что, забыли? Или не признаетесь?

— Уйдите вон! Что вы здесь несете? — овладев собой, попытался возмутиться Денис.

— При чем здесь я, — искренне обиделся Нигиль. — Ты сам ее выбрал.

— Я?

— Ну а кто же? Вспомни, как-то зайдя в какое-то учреждение, кажется, в офис одной из коммерческих фирм, ты увидел там на стене небольшую репродукцию неизвестного тебе художника-фантаста. На ней было изображено внеземное женоподобное существо с крыльями и хвостом, совращающее земную красавицу. Кстати, написано очень выразительно. Картинка была небольшая, и видел ты ее несколько секунд, но успел проникнуться большим впечатлением, особенно от этой... химеры. Потом ты вышел и как будто тут же забыл о ней. Но не тут-то было. Ничто не ускользает от твоего внимания и ничто не проходит для тебя бесследно.

Хвостатая женщина глубоко запала в твое подсознание, заняла какую-то пустующую в нем нишу и с твоей помощью получила дальнейшее развитие, воплотившись в параллельном мире, созданном твоим подсознанием. Кто тебе виноват? Ты мог выбрать земную красавицу с той же картинки, и тогда, возможно, она явилась бы тебе этим зимним днем. Но нет, тебя больше прельщает необычное, потустороннее, противоречивое. Более того, твое тайное «я» сделало крылатое нечто еще более порочным, чем его задумал художник, так неосторожно написавший эту картину. Каково? А-а?

Лицо доктора вдруг исказилось, приобретя злорадно-вопрошающее выражение, сильно напоминавшее личину дьяволицы. Даже глаза Нигиля при этом блеснули красноватым светом, словно в них отразилось зарево далекого пожара.

— Вы меня озадачили, — признался Горин.
— И заинтриговали.

— Но это не единственный темный уголок вашей души, в который вам хотелось бы никогда не заглядывать, — снова перешел на «вы» доктор.

— Вот как? Что же еще?

— Ну вам, например, никогда не кажется, что вы кого-то убили?

— Я? Убил?

— Да.

— Вы что?

— Так, — доктор озадачился. — Смотрите прямо на меня. Думайте. Вы когда-то служили солдатом во внутренних войсках?

— Ну и что?

— Думайте. Деревянный склад, лестница, черный кот... Кто стрелял?

— Не я, во всяком случае.

— Так в чем же дело?

— Мы искали беглого уголовника. Он был вооружен. Когда местность прочесывали, наткнулись на какой-то деревянный склад. Там лестница шла вверх. Я стал было первым подниматься и вдруг услышал шорох под лестницей, метнулся вниз, а там кот, черный такой, пушистый. Я обратно, на лестницу, но меня уже обогнали. Пырьев пошел первым, только в дверь — выстрел.

— Может, ты специально полез под лестницу, чтобы первым не входить?

— Уймитесь, следователь. Я думал, что под лестницей тот, кого мы ищем. Кто мог заранее знать, что он окажется наверху? До того мы столько всяких закоулков проверили...

— Тогда здесь просто случай или, как говорят, судьба, — разочарованно развел руками Нигиль и вдруг разозлился. — Так чего же ты

тогда мне и себе голову морочишь, а по ночам гоняешь это несчастное животное?

При этих словах доктор полез в саквояж, нервно покопался в нем, периодически чертыхаясь и извлекая несуразной формы предметы, которые вряд ли могли там поместиться, и, наконец, предъявил Горину взъерошенного черного кота. Кот замахал лапами и жалобно заорал. Доктор сунул его обратно, после чего так же быстро уложил странные инструменты.

— Кстати, этот кот, возможно, спас вам жизнь, — уже спокойно сказал он.

— Я иногда думаю, что если бы я вошел первым, то никто бы не погиб. Пырьев был каким-то нерасторопным, ему всегда не везло.

— Э-эх! — доктор как-то безнадежно махнул рукой. — Что было бы, если бы... не знает никто.

— А что касается несчастного кота, которого я гоняю по ночам, то это только сон, — усмехнулся Горин.

— Такой же, как и Дейва!

— Ты опять?!

— Ладно-ладно, не хочешь о Дейве, давай поговорим о Лоре — она тоже всего лишь сон.

— И в то же время она реальна.

— Да, но не та, которая тебе снится. Реальная Лора совсем другой человек, и выглядит она уже иначе. Ты имеешь дело с иной женщиной. Кстати, и эту ты не знаешь, потому что она плод не сознания твоего, а подсознания. А у тебя одно с другим очень не совпадает.

— Откуда вы это все так знаете?

— Ваши сновидения, друг мой, — моя специальность. Так что я знаю даже больше, чем вы предполагаете.

— Может, и меня несколько просветите?

— Как же, как же, затем и пришел. Хочу провести вас по некоторым задворкам вашей души, которые называются подсознанием, частью которого являются ваши сны. Но сначала вы должны понять, что сны — это еще и параллельная реальность, только другой категории, нежели та, в которой вы существуете. Соображаете?

— Честно говоря, я соображаю все меньше и меньше, у меня уже начинает болеть голова. Можете вы мне коротко и ясно объяснить, что здесь сегодня происходит с самого утра?

— Здесь происходит пересечение параллельных миров разной категории, что, надо сказать, бывает довольно редко. Гораздо чаще наблюдается пересечение миров одной категории, например, пересечение, порой и полное наложение, иномиров, рождаемых подсознанием разных людей. Соображаете? А если уж возникло пересечение данного порядка, то я решил воспользоваться им в некоторых своих целях.

— Ну а вы-то сами откуда взялись?

— Не все сразу, друг мой. Так вы готовы совершить небольшое путешествие в иной мир?

— Вообще-то, я сегодня никуда не собирался.

— Перестаньте кокетничать, mon cher, я же вижу, что вы заинтригованы.

— Ну а далеко ли идти?

— Пока всего лишь сюда, — доктор полез за диван.

— Куда? Я туда не влезу.

— Да вы еще и не пробовали. Я же здесь. Давайте руку. Вот так.

За диваном действительно оказалось много места, хотя понять, как это получилось, было невозможно.

— Ну а теперь что?

— Спускайтесь за мной вот по этой лестнице, — ответил доктор Нигиль, проваливаясь куда-то вниз.

— Какую еще лестницу вы там придумали?

— Это вы ее придумали. А я по ней хожу. Идите, идите, что вы такой несмелый.

— Я несмелый? Я просто здравомыслящий.

— Давно ли? Ничего, сейчас у вас это пройдет.

Горин присел и вытянул руки вперед. Белая плоскость впереди оказалась не стеной, а чем-то мягким и податливым. Горин сделал шаг вперед — нога ушла вниз. Белое впереди, слегка изогнувшись, прорвалось и, обтекая писателя, сомкнулось позади. Взору Дениса предстала уходящая далеко вниз, к глубокому каменному тоннелю, мрачная железная лестница.

— Она уходила красивее, — сказал писатель, нерешительно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

— Кто? Эта летающая секс-бомба? — уловил его мысль доктор.

— Фу, какой вы неинтеллигентный! — решил в свою очередь съязвить Горин, не переставая подозрительно осматриваться.

— Ну что вы там опять остановились? — занервничал доктор. — Пойдем же!

— Знаете что, — вдруг принял решение писатель. — Идите-ка вы сами в свое подземелье, а я возвращаюсь.

Денис развернулся, сделал несколько шагов и оказался у входа в такой же тоннель, как и тот, что был снизу. Он обернулся и сначала растерянно, а потом сердито посмотрел на Нигиля.

— Где мой диван?

— А вы что, взяли его с собой? — Нигиль сделал нарочито серьезное лицо. — Нет? Ну тогда он остался в вашей квартире.

— Я хочу домой, — решительно сказал писатель, твердо вознамерившись добиться от доктора-шарлатана немедленного возвращения.

— Какой ты капризный! — снова перешел на «ты» Нигиль. — Сам же навязался мне, а теперь фокусничает. Никуда твой дом не денется!

Это заверение несколько успокоило Горина и снова позволило взять верх любопытству.

— Ладно, пошли, — небрежно бросил он, взяв себя в руки, и стал спускаться.

Слабо освещенный тоннель был пустым и тихим. Только шаги впереди идущего доктора и следовавшего за ним писателя нарушали царивший в нем покой. Горина по мере продвижения по тоннелю стало одолевать странное оцепенение, сродни тому, которое бывает у солдата на далеком посту в предрассветные часы, когда ноги идут, глаза видят, а остальное как будто спит. И в этом оцепенении ему вдруг все окружающее стало казаться удивительно знакомым.

Вот тоннель разветвляется. Доктор ведет налево. Еще разветвление — теперь направо. Да, этот подземный лабиринт — долгий ночной кошмар, который много раз водил Дениса по своим запутанным переходам и лестницам, соединяющим разные уровни однообразных тоннелей. Вот сейчас они повернут налево и... Доктор исчез за поворотом. Горин прибавил шагу, завернул. В тоннеле, освещенном уничтожающим все другие цвета насыщенным синим светом, с обеих сторон в каменных нишах сидели лохматые, бородатые оборванцы и тянули к нему руки,

стараясь ухватить за одежду. Нигиля нигде не было. Думая, что тот убежал вперед, Горин, вырываясь из цепляющихся рук, помчался по странной галерее к видневшейся двери.

Распахнув ее, Горин оказался в таком же тоннеле, с такими же нишами и такими же оборванцами. Он устремился дальше, к следующей двери. За ней — то же самое. Дальше — то же. И так много раз. Доктор нигде не появлялся.

— Да нет здесь выхода! Нет! — закричал один из лохматых бородачей.

Писатель остановился. Он знал, что так будет, но надеялся все же догнать коварного врача.

— Вон твоя ниша, — сказал тот же бородач, указывая пальцем. — Занимай!

— Нет! — надрывно вырвалось у Горина. — Доктор, где вы?! Нигиль, негодяй, где же ты?

— Ну зачем же так грубо? Здесь я. Тоже мне интеллигент, — раздалось за спиной.

Нигиль подошел как ни в чем не бывало, деловито осматриваясь по сторонам. На нем уже не было ни белого халата, ни докторской шапочки. Он был одет в строгий черный костюм, удлинненный пиджак которого напоминал смокинг, поверх белой рубашки красовался необычно больших размеров галстук-бабочка, а голову доктора прикрывала шляпа, очень похожая на цилиндр. Причем на Нигиле все это смотрелось так, будто он оделся не всерьез, а лишь для того, чтобы кого-то передразнить.

— Ну, что случилось? — спокойно спросил он. — Выхода нет? В твоём же лабиринте? Быть не может! Просто надо быть сильнее своих комплексов.

Нигиль умолк, сосредоточился и, бросившись прямо на стену, исчез за ней.

— Давай! Не бойся! — раздался его голос ниоткуда.

Денис нахмурился, сделал сосредоточенное лицо, шагнул к стене. Прыжок. Удар. Лбом о стену. Больно, черт возьми! Оборванцы радостно заржали.

— Ну что? Останетесь здесь? — спросил, высунувшись из стены, доктор.

— Мы так не договаривались, — Горин посмотрел на него почти с ненавистью.

— А мы вообще не оговаривали никаких условий. Ладно, не злитесь, друг мой. Вон, видите, в том темном углу есть провал — через него мы и выберемся отсюда.

Прежде чем писатель успел что-то увидеть в углу, Нигиль отделился от стены, схватил его за рукав и потащил за собой. Они разбежались и прыгнули. Горин сначала испытал ощущение свободного падения, а потом его что-то сдвинуло со всех сторон, резко развернуло на месте и рвануло в разные стороны, едва не разорвав на части.

— Если решились и прыгнули, то уже нельзя сомневаться, — назидательно сказал Нигиль, отряхивая и надевая свою помпезную шляпу.

Осторожно пошевелив руками и ногами, Денис сел, прислушался к себе и, придя к выводу, что никаких повреждений у него нет, оглядел местность. Это была бескрайняя пустыня. Лишь с одной стороны к ней примыкали невысокие безжизненные горы. К ним и повел Нигиль писателя. В одной из отвесных каменных стен чернел округлый вход в пещеру.

— Пойдем через нее, — тоном человека, который знает, что делает, бросил Нигиль.

— В этом есть смысл? — засомневался Горин, ощущая смутную тревогу при виде пещеры.

— Здесь ничего не бывает просто так, — на ходу ответил Нигиль. — И если есть вход, значит, в него надо войти.

Но едва они приблизились к черной дыре, как в глубине пещеры послышался сначала легкий шелест, а потом все нарастающий шум и треск. Еще ничего не видя впереди, Денис почувствовал, что на них движется что-то очень большое.

— Назад! — крикнул он, отбегая.

Доктор тоже отреагировал вовремя, и едва они отбежали шагов на двадцать, как из пещеры на множестве шумных ног выскочило странное существо около двух метров высотой и не менее четырех длиной. Оно свирепо вращало вытаращенными глазами, разевало крокодильную пасть, громко щелкало клешнями и угрожающе размахивало заостренным скорпионьим хвостом. Оказавшись на свету, чудовище остановилось, издало шипящие и стрекочущие звуки и уползло обратно.

— Это мой зверь... Он из моих снов... — сказал Горин после долго длившейся паузы. — Я всегда боялся входить туда, где он живет.

— Да, зверь каждого из нас всегда поселяется там, куда мы боимся входить, — Нигиль старательно поправлял цилиндр. — Ну что, полезем в горы?

— А если тихо прокрасться в пещеру? Ведь не сидит же он у входа.

— И что потом?

— Там видно будет, — пожал плечами Горин.

— Гениально! — паясничая, воскликнул Нигиль. — А главное — все так продумано! Ну, пошли. Только я вторым.

На этот раз они тихо прошли вдоль стены и, приблизившись к входу, быстро проскользнули в пещеру. Там было тихо. Сначала показалось, что вокруг царит крошечный мрак, но по мере того, как глаза привыкли к слабому освещению, становилось ясно, что это не так. Вскоре уже Денис отчетливо различал Нигиля и уходящие вглубь каменные стены. Писатель осторожно пошел вперед. Чем дальше они углублялись, не встречая никакой опасности, тем быстрее и увереннее двигался Горин. Но вот в полумраке раздался уже знакомый стрекот, и черный, сначала невнятный силуэт, все больше проявляясь в своих ужасных подробностях, с нарастающим шумом понесся навстречу. Горин окаменел. Происходящее вдруг показалось ему не более чем сном, в котором все страшное становится беспомощным, если его перестаешь бояться.

— Быстрее сюда! — уже откуда-то издалека кричал Нигиль.

Денис не двинулся с места. Он просто смотрел, как стремительно набегают на него ужасное существо. В последний момент он закрыл глаза и ощутил, как что-то толкнуло его, едва не опрокинув на землю, а затем словно ворвалось в него, пронзило все тело. Еще несколько секунд Денис вздрагивал и покачивался, изо всех сил удерживая равновесие. Затем нечто чужеродное как будто вытекло из него и, обернувшись, писатель увидел хвост, удаляющийся в сторону выхода. Из углубления в стене появился доктор Нигиль.

— А вот таких экспериментов я бы проводить не стал, — поучающе заметил он. — По-разному может кончиться.

Пещера уводила все дальше и дальше в глубь горы, делаясь все шире и шире. Через некоторое

время стены ее вовсе исчезли из вида. Казалось, Денис и доктор вышли на широкий простор, окинуть взглядом который было невозможно из-за повалившего вдруг густого крупного снега. В какой-то момент Горину показалось, что это не снег, а пух. Пройдя еще немного, он увидел, что падающие сверху хлопья обрели новое качество и, подставив ладонь, разглядел на ней белые лепестки мелких цветов. Затем вокруг прояснилось, и впереди открылся новый пейзаж.

Это был сад, удивительно белый от цветущих деревьев. Небо над ним было еще светлым, но уже горели крупные и мохнатые, как на картинах Ван Гога, звезды. По словно накрытой белым тюлем тропинке, удаляясь, медленно шла стройная светловолосая женщина в зеленом платье.

— Кажется, это наша давняя знакомая, — с нескрываемой иронией заметил Нигиль.

— Помолчи, — раздраженно бросил Горин и быстрыми шагами пошел вперед.

Услышав шаги, женщина, не оборачиваясь, остановилась.

— Лариса, — позвал Горин вполголоса.

Она спокойно повернула голову, показав правильный профиль смугловатого лица, а потом, развернувшись, внимательно посмотрела на него большими изумрудными глазами, и Горин подумал, что глаз такого яркого цвета, наверное, не бывает. Да и вообще, в жизни, скорее всего, Лора была не такой, но какой, Денис уже не помнил, да, видимо, и не хотел помнить.

— Ты куда-то ушла из моих снов, — сказал он, чувствуя наплыв ностальгических, давно забытых ощущений.

— Наверное, пора, — ответила она, едва заметно улыбнувшись. — Но раз я здесь, значит, я не ушла совсем.

Она снова медленно направилась по тропинке к показавшемуся из-за деревьев старому флигелю с узким высоким окном, выходящим в сад. Денис догнал ее и пошел рядом. Они поднялись по скрипучим деревянным ступеням. Дверь была не заперта. В доме царили тишина и запустение.

— Ты помнишь? — спросила она, опускаясь на старый кожаный диван.

— Да, я здесь увидел тебя впервые. Потом мы встречались много раз, но ты всегда так безжалостно исчезаешь.

— Наверное, и в этом есть свой смысл, — она вытащила из волос заколку, и светлые кудри упали на ее плечи и спину. — Почему ты не подойдешь?

— Но ты опять исчезнешь.

— Вот, — сказала она, сердито погрозив ему пальцем. — Ты во всем и виноват. Да, ты с вечными своими сомнениями, подозрениями, опасениями.

Она резко встала и, пройдя через всю комнату, остановилась у окна.

— А ведь уже осень.

— Весна, — улыбнувшись, поправил Денис.

— Нет, осень.

Горин подошел: за окном, засыпая тропинку желтой листвой, опадали деревья.

— Как быстро, — растерянно произнес он. — А помнишь, как ты блуждала в лабиринтах замка, населенного фантастическими чудовищами, и я забрал тебя оттуда, перенесся через высокую стену? Это был страшный и в то же время замечательный сон.

— Да, но тогда ты умел летать.

— У каждого есть такой период, когда он умеет летать.

— Однако же никто никому не определял границ этого периода.

— Наверное, ты права. Я об этом не думал.

Денис осторожно тронул ее за волосы. Она не исчезла.

— Друзья мои, — врываясь, воскликнул Нигиль. — Что ж вы меня одного бросили?!

— Ну как же, без тебя ничего не обойдется!
— со злой иронией в голосе сказала Лора.

— Грубовато, мадам. Но от вас все стерплю, — неприятно улыбнулся доктор.

Лора вдруг оторвалась от пола, поднялась вертикально в воздух и, перелетев подоконник, опустилась в сад.

— Иди, — полувопросительно сказала она Денису, поманив его рукой.

Денис подпрыгнул, пытаясь взлететь, но, зацепившись ногой за край подоконника, упал на него животом, едва не нырнув головой вниз.

Доктор Нигиль за спиной коротко хохотнул.

— Пардон, — сказал он. — Но это забавно.

Горин поднялся и, неудачно спрыгнув с подоконника в сад, снова чуть не упал. На этот раз рассмеялась Лора, но беззлобно и даже с каким-то умилением, как смеются над нерасторопным ребенком, и от этого Денис почувствовал себя неловко.

— Пойдем, — снова позвала Лора, углубляясь в сад.

Горин, слегка насупившись, последовал за ней.

— Ладно! — крикнул вслед доктор. — Когда понадобится, позовешь!

И было не совсем ясно, кому именно это адресовалось.

Денис и Лора, шурша листьями, устилавшими землю, уходили в глубь сада, который становился все шире и больше, а деревья его приобретали все более необыкновенные, фантастические формы. Наконец Лора остановилась. Теперь они были одни. Их взгляды встретились. Денис приблизился к женщине, уже не опасаясь ее исчезновения. Вдруг тишину сказочного сада нарушили доносившиеся издали глухие удары. Горин оглянулся и увидел вдали высоко подпрыгивающие точки. Он сразу вспомнил: это рыжие скачущие псы, у которых ноги, как у кузнечиков, — коленками назад. Сильно отталкиваясь и высоко подпрыгивая, они, разведя лапы, перепонкой соединенные с туловищем, слегка планируют вниз, шумно ударяясь о землю. Теперь уже был слышен и их свирепый лай.

— Бежим! — сказал он.

— Бесполезно. Они догонят. Надо лететь.

— Но я же не умею!

— Кто тебе сказал? Дай руку. Вот так. Теперь делаем разбег. Не спеши, спокойнее. И не подпрыгивай. Надо вспомнить ощущение полета. Ведь мы летаем не за счет рук и ног, а только благодаря ощущениям.

Денис вспомнил, как много раз он парил то над землей, то над крышами домов, то под самыми облаками. Это чувство трудновоспроизводимо, если оно забыто. Но все же... Горин вдруг ощутил себя невесомым, частью окружающего воздуха, нет, легче воздуха, и его ноги оторвались от земли.

— Молодец! — Лора крепко держала его за руку, увлекая за собой. — Ты знаешь, о чем теперь нельзя думать.

— О падении.

— Даже не произноси вслух этого слова.

И вот скачущие псы замелькали рыжими спинами прямо под ними, застучали о землю, залились неистовым лаем. Недолет. Снова недолет.

— Осторожно! — Лора резко взмыла вверх.

Денис машинально поджал ноги, и огромный пес, шелкнув острыми белыми зубами, пролетел совсем близко.

Теперь они летели достаточно высоко. Собаки стали казаться черными блошками, и их голоса унес встречный ветер. Лора отпустила его руку.

— Догоняй! — она снова круто взмыла вверх.

— Ведь мы можем парить в облаках!

Земля покрылась белой дымкой, временами полностью исчезая за ней. Мощные облака громоздились вокруг, словно айсберги, вверху между ними проглядывали все такие же неестественно яркие звезды. Денис и Лора наслаждались бескрайностью простора и воцарившимся вокруг покоем. Но будто какая-то злобная сила не хотела оставлять их вдвоем. Небо сотрясли нарастающие раскаты грома. В глубине облаков прорисовались расплывчатые темные силуэты. Лора забеспокоилась, заторопилась к Денису.

— Черные всадники! — закричал он, перебивая накатывающий гул.

Горин помнил: это они гоняли его в поднебесье, когда он был болен и, усыпленный диамедролом после долгой бессонницы, не мог убежать из сна. Теперь он, схватив Лору за руку, увлек ее вниз.

— Лица! — кричала она, оглядываясь на летящие по небу тени. — Вспомни лица!

Но Денис не помнил ни одного. Черные всадники на таких же черных конях быстро

настигали, сотрясая воздух. Вместо лиц у них были черные маски.

— Это призраки ночи! — закричал Горин.
— У них нет лиц!

— Есть! Вспоминай!

Массивный конь, несущий таинственного воина, грудью вклинился между ними, разъединив их руки. Всадник попытался ударить Дениса копьем. Но в последний момент сквозь его маску вдруг смутно проявились черты лица, в котором Горин узнал одного из своих давних приятелей.

— Господи, а я всегда думал, что у меня нет врагов, — воскликнул он.

Опознанный всадник тут же метнулся прочь, а писатель, утратив ориентацию и равновесие, полетел вниз. Он угодил в небольшое облако, потеряв из виду своих преследователей. Выпав из него, Денис оказался в центре яркой вспышки, после которой на мгновение стало темно.

Когда тьма рассеялась, Горин увидел новый пейзаж. Фиолетовое небо и висевшая в нем огромная красная луна были таких густых и сочных цветов, каких писателю не доводилось видеть ни во сне, ни наяву. Поразившись, он забыл о необходимости сдерживать падение и, спохватившись уже у самой земли, едва успел затормозить. Поднимая клубы пыли, он упал на землю, и тотчас во все стороны от него отскочило и раскатилось множество оказавшихся рядом больших и маленьких камней. Едва Горин встал на ноги, как разнокалиберные камни задвигались, запрыгали, начали кататься и ползать вокруг, а потом дружно атаковали чужака: одни прыгали, стараясь угодить в голову, другие подползали под ноги, пытаясь опрокинуть, а крупные валуны накатывались, стре-

мясь подмять под себя. Пригибаясь, уклоняясь и перепрыгивая, Горин бросился наутек. Камни, шурша, треща и стуча, помчались вдогонку. Тогда Денис предусмотрительно перебежал на пригорок. Камни устроили настоящий шторм, но не смогли подняться и до середины склона.

На пригорке расположился водоем с черной водой. Горин пошел вдоль берега. Но из темных глубин, создавая волну и разбрызгивая вокруг содержимое водоема, выпрыгнула огромная лягушка. Вернее, это был человек-лягушка, а еще точнее — женщина-лягушка ярко-синего цвета. Нижняя половина ее была больше лягушачья, верхняя — больше человеческая. Издав торжествующий вопль, существо, уставившись на потенциальную добычу немигающими глазами и громко шлепая перепончатыми лапами, ринулось к Денису. Не успев еще как следует отдышаться, он вынужден был вновь припустить во весь опор. Лягушка плюнула ему вдогонку длинным липким языком. Денис на бегу поднырнул под ветви раскидистого колючего дерева без листьев, и лягушачий язык запутался в них. Дерево тут же затрещало, заскрипело, размахивая ветками: оно не то пыталось освободиться, не то силилось оторвать лягушке язык. В тот же момент с кроны его взвилась в небо огромная птица, которую Горин не успел рассмотреть.

Он уже увидел вдали странный одноэтажный дом с закрученной спиралью трубой и, думая о том, что ему не мешало бы, наконец, передохнуть, трусцой побежал туда. Птица же, описав круг высоко над головой, с диким ревом стала пикировать на него. Горин с ужасом разглядел, что это не птица, а пасть с крыльями. Да, это была даже не голова, только широко раскрытая зубастая свирепая пасть, сквозь

которую проглядывал кусочек фиолетового неба.

Горин разбежался, подпрыгнул и, на секунду зависнув над землей, попытался взлететь. У него ничего не вышло, и пасть, пропустив писателя сквозь себя, с некоторым опозданием лязгнула зубами. Денис плюхнулся на землю.

— Нет, здесь без доктора не обойтись, — вслух сказал он, поднимаясь.

— Что, тяжело? — спросил Нигиль, появляясь сзади.

Он был уже без шляпы и в довольно потрепанном виде.

— Сейчас увидишь! — сердито сказал Горин, но в душе почувствовал облегчение. — Все, что здесь происходит, это просто какой-то бред.

— Не удивительно, — доктор беспокойно огляделся по сторонам, — ведь ты попал в сон сумасшедшего.

— Что-что?

— Произошло частичное наложение снов миров.

— И что?

— Ничего хорошего. Ты попал в сон сумасшедшего, — медленно и с расстановками повторил Нигиль.

— А я, по-твоему, кто?

— Ну, у тебя просто не все дома, а это сон настоящего сумасшедшего, — терпеливо объяснил доктор и стал стряхивать пыль с одежды.

Пока он отряхивался, Горин с изумлением наблюдал, как мимо бежали ноги в валенках. Куда делось остальное тело — гадать было бесполезно, однако ноги в зимней обуви, кажется, чувствовали себя превосходно. Они коротко задержались возле Нигиля, одна из них, хорошенько размах-

нувшись, пнула доктора сзади, и обе быстро-быстро помчались дальше. Возмущенный доктор жадно искал глазами, что бы бросить им вслед, но ничего подходящего не нашел. К тому же было уже не до бесхозных ног. Услышав нарастающий рев, Денис и Нигиль, не сговариваясь, побежали в сторону дома и, несколько не добежав до него, как по команде, залегли. Пасть, едва не задев их, пролетела выше и, издав крякающий звук, ударилась в стену строения. Затем, снова взвившись ввысь, она пошла на очередной заход.

Нигиль попытался встать, но рука его провалилась в какую-то дыру. Доктор загреб песок — дыра стала больше. Тогда он с любопытством заглянул туда, потом с досадой плюнул, удивленно заглянул в дыру еще раз и, утирая лицо рукавом, повалился в сторону. Горин подполз на четвереньках и тоже полюбопытствовал, но ничего, кроме своего отражения, там не увидел. Пытаясь выяснить, имеет ли дело с отражением на жидкой или твердой поверхности, Денис сунул руку в отверстие, ощутив ладонью что-то мягкое и рельефное. Одновременно с этим из дыры высунулась рука и потрогала его за лицо. От неожиданности Денис закричал.

— Что это? — спросил он у доктора, несколько придя в себя.

— Черт его знает, — безразлично махнул рукой доктор Нигиль. — Здесь ничего не разберешь.

Тем временем летающая пасть, подобно самолету, заходящему на посадку, сделала большой круг и на жестко поставленных крыльях с диким воем спикировала на сидящих внизу. Прытко подскочив, Горин и Нигиль одолели последние метры, отделявшие их от дома, одним прыжком влетели

на крыльцо, бросились на дверь и, ввалившись в помещение, захлопнули ее за собой, подперев плечами. Прислушались. Снаружи было тихо.

— Ага-а! Явились! — слышался неприятный скрипучий голос из глубины комнаты.

Обернувшись, писатель и доктор увидели сидящего за столом небритого человека со всклокоченными волосами и странно поблескивавшими глазами. Вокруг него копошились десятка полтора маленьких чертей ростом не больше первоклассников.

— Знаете, здесь, по версии моего друга, произошла такая ерунда, как частичное наложение сномиров, — слегка паясничая, сказал Горин, приближаясь к незнакомцу и опасливо поглядывая на чертенят, которые ползали по полу, перелезали через стол, запрыгивали на подоконник и взбирались на спину хозяина жилья. — Вы случайно не знаете, как отсюда выбраться?

— Деньги есть? — заинтересованно спросил хозяин, выходя из-за стола (при этом с его плеча кувыркнулся вниз маленький толстый чертик).

Горин ощупал себя и, обнаружив в кармане несколько купюр, достал их.

— Все на рынок! — закричал всклокоченный хозяин дома и, выхватив из руки Горина деньги, сунул их себе в карман.

— Э-э! Деньги отдай, — возмутился писатель, протягивая руку.

Всклокоченный сделал свирепое лицо и, помахав указательным пальцем перед самым носом Дениса, категорически заявил:

— Диктатура не пройдет!

— Ну вы посмотрите, — Горин обернулся к Нигилю. — Можно сказать, мои трудовые...

— Трудовой народ — пережиток прошлого!
— тут же провозгласил всклокоченный.

— Послушайте... — Горин шагнул в сторону хозяина.

Хозяин запрыгнул на стол и, размахивая руками, неистово заорал:

— Долой Беломор-канал!

— Тише, тише, — вмешался Нигиль, заговорив тоном врача, беседующего с пациентом.
— Канал уже засыпали, трудовой народ вымер, а диктатура сама себя свергла.

Всклокоченный посмотрел на Нигиля недоверчиво, но все же успокоился и слез на пол.

— Это же хозяин сна, — шепнул доктор Горину, слегка ткнув его локтем в бок.

Тут на стол запрыгнули несколько чертей и устроили там свалку.

— Брысь! — осерчал доктор и дал чертям несколько подзатыльников.

— Что это вы делаете? — удивился сумасшедший хозяин сна.

— Не видите? Чертей гоняю.

— Каких чертей? Вы что, ненормальный?

— Тяжелый случай, — шепнул Нигиль Денису.

Только теперь писатель обратил внимание, что хозяин дома реагировал на чертей так, будто он их не видит, или точнее, не реагировал никак.

— Все будет хорошо, — сказал доктор сумасшедшему, заметив, что тот снова начинает нервничать. — Вам надо принять лекарства и немного поспать.

— Какие лекарства? — еще более заволновался тот и вдруг с громким криком полез под кресло.

— В чем дело? Куда вы? — попытался успокоить больного Нигиль.

— Я узнал тебя! Ты — киллер! — донеслось из-под кресла.

— Ничего, — не то Горину, не то самому себе сказал доктор. — Сейчас мы его пристроим.

Он подошел к висевшему на стене огромному, допотопного вида телефонному аппарату, обеими руками, словно заводил испортившийся автомобиль, покрутил большую ручку, видневшуюся сбоку. Телефон завелся и, мелко сотрясаясь, загудел, как работающая стиральная машина. Потом доктор поднял массивную трубку, похожую на два соединенных мегафона, — в доме замигали разноцветные огни, и зазвучало мелодичное танго. Разделившись на пары, чертенята, лицедействуя, в такт музыке поплыли по комнате.

— Алло! Дайте мне психиатрическую больницу! — пытался докричаться до кого-то Нигиль. — Больница? Приезжайте срочно сюда. Человек сошел с ума. Да-да, симптомы налицо...

В это время два чертенка запрыгнули доктору на спину, и пока тот стряхивал одного, другой влез ему на плечо и пяткой нажал на торчавшую из телефона педаль, похожую на автомобильный тормоз. Телефон заглох. Огни погасли.

— Ух вы!.. — рассвирепел Нигиль и, схватив валявшуюся посреди комнаты швабру, угрожающе закричал: — Ну-ка, вон отсюда! Убирайтесь вон!

Маленькие черти сначала оцепенели от испуга, потом разом заплакали и, дружной гурьбой высыпав из дома, целенаправленно куда-то побежали.

— Ничего мы здесь не узнаем. Надо уходить, — решил Нигиль.

— Сначала выглянем — нет ли там какого сюрприза.

Горин вышел за дверь и остолбенел: вместо того, чтобы оказаться на улице, он очутился в ванной.

— По-моему, здесь был выход из дома, — сказал он, войдя обратно.

Нигиль, почувствовав неладное, ринулся за дверь. Горин вошел за ним, и оба очутились посреди помещения, которое, судя по всему, было кухней. Они молча вернулись в большую комнату.

— Так вы не киллеры? — спросил сумасшедший, вылезая из-под кресла.

— Где выход? — вместо ответа сердито спросил доктор.

— Ага, заметили! — обрадовался сумасшедший. — Дверь одна, а попасть можно в любое помещение. Правда, это пока не регулируемо — выпадает случайно. Но если, к примеру, вы хотите на кухню, а попадаете в ванную, надо зайти обратно и выйти еще раз. Если снова не туда, повторяете то же самое и в конце концов попадете куда надо. Это мое изобретение. Есть даже патент.

Сумасшедший достал из стола рулон бумаги и развернул его, как транспарант. Там большими плакатными буквами было написано «Патент». И больше ничего.

— Но из дома здесь выйти можно? — занервничал Нигиль.

— Конечно! Дверь же одна.

— Пошли! — скомандовал доктор Денису.

— Подождите! — остановил их сумасшедший.

Нигиль и Горин обернулись и внимательно посмотрели на хозяина дома.

— Граница пройдет по Уральским горам! — выкрикнул тот и, широко взмахнув рукой, раз-

рубил воздух ребром ладони. — Тогда вопрос о Южных Курилах отпадет сам собой.

— Замечательно! — поддельно восхитился Нигиль и первым бросился к двери.

Страшной силы удар потряс дом. Все вокруг ярко осветилось, окно разлетелось вдребезги, и в комнату влетел большой светящийся красный осколок.

— Вот! — злорадно воскликнул хозяин дома. — Луна упала! Я так и знал!

Доктор подбежал к окну.

— Новый аттракцион «Падающая луна», — спокойно прокомментировал он.

Горин, пресыщенный острыми ощущениями, безучастно остался в стороне.

— Я всегда говорил, что они долетаются туда, пока она не упадет! — возбужденно кричал сумасшедший. — Не зря я столько лет сбивал космические корабли!

Доктор отвернулся от окна:

— Все. Пошли отсюда быстрее. Сейчас из сумасшедшего дома приедут сумасшедшие врачи — здесь такое начнется!

С улицы донесся нарастающий шум. Нигиль снова посмотрел в окно.

— Что? Уже? — с чувством безысходности спросил Горин.

— Нет. Но это еще хуже.

Теперь полюбопытствовал писатель: среди разбросанных по местности тлеющих осколков луны по гигантским рельсам, ведущим к дому, в огромной вагонетке, несущейся на бешеной скорости, ехали здоровенные черти с горящими факелами в руках. Они свистели, орали, завывали и корчили страшные рожи. От факелов за вагонеткой тянулся шлейф дыма, сквозь кото-

рый вдаль смутно просматривались вприпрыжку бегущие следом маленькие хвостатые ябеды.

Горин и Нигиль устремились к выходу. Неоднократно бегая взад-вперед через одну и ту же дверь и оказываясь всякий раз то в ванной, то в спальне, то на кухне, то в туалете, они выскочили, наконец, наружу и помчались по внезапно появившейся у входа широкой железной дороге, уходящей к самому горизонту. Сильный грохот за спиной заставил Горина обернуться на бегу, и он увидел, как вагонетка, пробив насквозь дом, стала быстро настигать их. В тот же момент он потерял из вида доктора и удивился, обнаружив его лежащим на широком рельсе, но при этом почему-то продолжавшим двигаться, не снижая скорости, и даже наоборот, увеличив ее.

— Быстрей! Быстрей! — подзадоривал доктор, приподнимаясь и укладывая голову на поставленную на локоть руку. — Я сейчас отдохну и тоже побегу.

— Зачем? — раздраженно спросил Горин, пытаясь перепрыгнуть высокий рельс, чтобы выскочить из колеи, но при этом всякий раз каким-то чудом вновь оказываясь в ее центре.

— За компанию, — объяснил Нигиль, постепенно удаляясь. — Я же знаю, что вдвоем бежать легче, чем одному. А вообще-то, здесь движется не вагонетка, а рельсы, на которых она стоит.

Черти уже приблизились на опасное расстояние, и Горин, быстро сделав выводы из слов Нигиля, запрыгнул на действительно движущийся рельс. Едва не соскользнув, он, крепко вцепившись в металл обеими руками и несколько отдышавшись, пополз вперед.

— И давно вы это поняли? — продолжил разговор Денис, поравнявшись с доктором, который ехал на другом рельсе.

— Еще когда вас искал, друг мой. Здесь все железные дороги так работают.

— А чего ж вы бежали?

— Сначала с испугу, а потом смеха ради, — признался подлый шарлатан, прикидывающийся доктором.

Черти, обнаружив, что расстояние перестало сокращаться, стали оглушительно свистеть и бросать в убегающих факелами. Однако никак не могли попасть.

— Левее, левее! — дразня чертей, корректировал Нигиль. — Теперь правее! Да не так сильно!

— И долго это будет продолжаться! — угрюмо спросил Денис.

Доктор указал рукой вперед:

— Уже заканчивается.

Впереди рельсы обрывались. Горин не успел даже сообразить, как на это реагировать. Его с силой выбросило вперед, и он кубарем покатился по земле, увидев, что параллельно ему так же кувыркается и доктор Нигиль. Вагонетка, взрыхляя землю, опрокинулась, и повывлетававшие из нее черти, не то гонимые силой инерции, не то по какой другой причине, быстро перебирая ногами, разбежались в разные стороны.

В то же время яркая вспышка на мгновение ослепила Дениса, почва под ним растворилась, он сорвался вниз, но тут же упал на что-то мягкое и ощутил под руками песок.

— С возвращением, — услышал он знакомый голос в нескольких шагах от себя.

В глазах прояснилось, и писатель увидел ничем не примечательный пустынный пейзаж. Но

свет вокруг теперь был мягче, а цвета естественнее. Похоже, Нигиль попал сюда чуть раньше.

Горин уселся на бугорок и стал молча смотреть, как по песку ползал небольшой скорпион. Он полз сначала в одну сторону, потом вдруг возвращался и направлялся в другую.

— Ну что, пойдем искать Лору? — снова подал голос Нигиль, стоявший чуть в стороне. — Она, скорее всего, у Дэйвы.

— Сейчас, — Горин продолжал наблюдать за скорпионом. Вдруг насекомое быстро зарылось в песок. Рядом почва разверзлась, и крупная змеиная голова, шипя, уставилась на писателя.

— Не бойся или замри! — скомандовал доктор.

Песок за змеиной головой шевелился, вздымался и, осыпаясь, местами обнажал чешуйчатые кольца.

— Да пошло все к черту! — взорвался Горин и, шагнув к огромной голове с разинутой пастью, изо всех сил ударил ее ногой.

Голова треснула, и во все стороны полетели не то блестящие мелкие брызги, не то искры. Торчащие наружу змеиные кольца замерли и стали быстро погружаться в песок.

— Неплохо! — похвалил доктор. — Но могло и не получиться.

— Так куда идти? — спросил Горин, подходя к нему.

— Сюда пожалуйста-с, — Нигиль, указывая рукой, пропустил писателя вперед.

Сколько времени они уже были в пути и какое расстояние прошли, Горин определить не мог. Порой у него было такое ощущение, будто бы они шагают на месте. Вокруг ничего не менялось. Лишь наплывала на пустынную местность сизая дымка — не то туман, не то равно-

мерно рассеивающийся дым. Идти становилось все труднее. Песок делался вязким, ноги тяжелыми. Временами Денис оглядывался и ловил на себе сосредоточенный взгляд попутчика, в котором всякий раз выражалось то обычно непродолжительное состояние напряженности и неопределенности, которое вот-вот завершится сильным всплеском эмоций, причем до последнего мгновения непонятно каких — то ли обнимет, то ли убьет. Они остановились на краю обрыва, с которого все видимое впереди пространство резко уходило вниз. Сизая дымка оставалась позади, и была хорошо видна черная пропасть с очень высоким, уходящим в неизвестность железным мостом, протянутым над ней.

— Перед вами качающийся и разваливающийся мост, — тоном экскурсовода прокомментировал Горин.

— Мог бы обойтись без подобных комментариев, — мрачно заметил Нигиль. — Здесь даже мысль дорого обходится, а слово тем более. Но раз уж вышли к мосту, придется по нему пройти.

— Можно попробовать в обход.

— Чепуха. Мы наткнемся на него в другом месте. Здесь ничего не появляется просто так.

Сквозь мост, сложенный из металлической арматуры, хорошо просматривались окрестности и чернеющая внизу пропасть, и уже поэтому подниматься на него было страшновато. Ступени его были высотой не менее метра, по ним приходилось буквально карабкаться. Мост раскачивался при порывах ветра, ноги Горина то и дело соскальзывали, и порою приходилось повисать на руках. Отставший Нигиль что-то говорил, но его не было слышно — шум ветра заглушал голос. Они поднимались все выше. И вот уже черные тяжелые тучи заклуби-

лись над самой головой. Наверху Горин слегка отдышался, поджидая доктора.

— Теперь вперед! — махнул рукой Нигиль и снова отстал.

Писатель и сам знал, куда идти, поскольку другого пути попросту не было. Он попытался продвигаться, цепляясь за парапет, но со всех сторон от моста все время отваливались различные части, образуя в его поверхности большие дыры, по всему сооружению то и дело пробегала сильная дрожь, либо мост вдруг сильно наклонялся, будто пытался сбросить с себя людей. Горин, впрочем, как и его спутник, встал на четвереньки, однако и это не помогло. При очередном порыве ветра большой участок моста рухнул, едва не прихватив его с собой. Денис зацепился за торчащий рядом прут, чувствуя, что вот-вот сорвется в пропасть. Над ним появилось лицо доктора.

— Сейчас, сейчас, — засуетился Нигиль.

Уцелевший край металлической поверхности со скрипом загнулся книзу, и Нигиль, не удержавшись, как с горки, съехал на писателя.

Их падение было мучительно долгим. Горин крепко сжимал в кулаке рукав своего попутчика. Это уже не могло спасти, но зато не позволяло им разлетаться.

— Что делать, доктор? Это конец? — спросил Денис, притягивая Нигиля к себе.

— А чем заканчивался у вас этот сон?

— Ничем. Я просыпался.

— Так просыпайтесь же быстрее!

— А это возможно?

— Просыпайтесь же! Мы падаем в черную дыру!

Внизу, на самом дне пропасти, Горин увидел быстро увеличивавшееся в размерах чер-

ное пятно и, закрыв глаза, попытался как-то встряхнуть себя, встрепенуться, вызвать у себя ощущение пробуждения.

— Ну же! — кричал доктор. — Быстрее!

Напрягшись, Денис сделал конвульсивное движение всем телом, будто хотел выскочить из собственной кожи, и...

Он сидел на песке. У ног его копошился скорпион. Доктор стоял чуть поодаль.

— Но я не вернулся домой, — удивленно и разочарованно сказал Денис.

— Ну и что? Разве тебе никогда не снилось, что ты проснулся, хотя на самом деле это было не так?

Горин не ответил, но вспомнил, что такое случилось в его снах.

— Ладно, некогда сидеть, — заторопился доктор.

— Что? Опять на мост?

— Не знаю. Как получится.

— Тогда пойдем в другую сторону.

— Дело не в том, в какую сторону ты пойдешь, — это абсолютно не важно. Суть в том, с чем ты пойдешь.

— А может, нам надо было упасть в ту черную дыру и посмотреть, что там?

— Трудно сказать. Может быть, есть нечто, чего человеку лучше не знать. Познание умножает скорбь, — закончил доктор в слегка ироническом тоне и на этот раз пошел вперед.

Они долго шли, пристально всматриваясь в ясную даль и боясь увидеть там контуры знакомого сооружения.

— Все, — наконец подал голос Нигиль, — моста уже не будет.

— Что будет?

— Не знаю.

Звук, напоминающий автоматную очередь, прервал их разговор. Обернувшись, Денис увидел вдали человека, одетого в полевую военную форму, который стрелял в воздух и подавал какие-то знаки. Когда Нигиль и Горин остановились, солдат грузноватой знакомой походкой подошел к ним. И чем ближе он подходил, тем больше казался знакомым.

— Отец, — тихо сказал Денис.

— Точно, — подтвердил Нигиль.

— Куда ты?! — приближаясь, закричал отец.
— Там минное поле!

Подойдя ближе, он остановился и, близко-руко шурясь, посмотрел на Дениса.

— Ну вот, — сказал он, устало опускаясь на камень, — я знал, что ты придешь.

— Как ты живешь здесь? — спросил Денис, которому было несколько не по себе.

— Однообразно, — ответил отец.

— Все воюешь?

— Да в том-то и дело. А ведь знаешь, я не всегда был солдатом, офицером, фронтовиком. А вот въелось одно — эти четыре года. Сколько раз могли убить. И то, что остался жив, потом казалось просто случайностью, ошибкой, которую судьба вот-вот исправит. Навсегда осталось чувство, что завтра умирать. И вся остальная жизнь стала казаться лишь короткой передышкой между боями. Потому, наверное, было столько несуразностей, странностей всяких. Да что говорить — ты и сам знаешь. Многое, конечно, могло быть по-другому.

— Дай, — Денис протянул руку, взял за ствол увесистый ППШ и, хорошо размахнувшись, обеими руками забросил оружие как можно дальше. — И сними, наконец, каску, она не идет пожилому человеку.

— Тем более мертвому, — добавил отец, снимая шлем.

Нигиль все время молча стоял в стороне, и отец, казалось, не видел его. Наконец доктор сделал Горину знак рукой, приглашая идти за собой, и так же молча двинулся дальше.

— Спешешь? — спросил отец, заметив, что Денис собирается уходить, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Что ж, я думаю, ты знаешь куда идешь. Только держись левее...

Догнав Нигиля, Горин увидел впереди зеленую полосу. Вскоре они оказались среди густой сочной травы, доходившей до колен. Перед ними, словно из-под земли, возникло деревянное сооружение с узенькими горизонтальными окошками под самой крышей. С торца к нему прилежала добротная деревянная лестница. Услыхав шорох под лестницей, Горин обогнал Нигиля и, приговаривая: «Сейчас, сейчас», устремился вверх по предательски скрипящим ступеням. Он на секунду остановился, распахнул дверь, шагнул и...

В старом, слегка покосившемся кресле по пояс обнаженный сидел ефрейтор Пырьев и сам себя перебинтовывал.

— О! — сказал он. — Надо же... каждый день одно и то же. Ну входи, раз пришел.

— Постой, я что, прихожу каждый день? — после продолжительной паузы спросил Денис.

— И в одно и то же время, как скорый поезд. А я, вот видишь, все время перебинтовываю, и ничего не помогает. Да брось ты хмуриться! Я теперь точно знаю: если бы даже первым тогда вошел ты, то убили бы все равно меня. Судьба. Так что выбрось все из головы.

— Но ты не думаешь, что я полез под лестницу, чтобы не входить первым?

— А я теперь знаю, кто там шуршал: он здесь тоже каждый день ошивается. Да и откуда тебе было знать...

— Поторопись, — сказал Нигиль, появляясь на пороге, — там что-то происходит.

— Прощай, — бросил Денис Пырьеву, направляясь к двери.

— До завтра, — Пырьев, снова занявшись перевязкой, даже не посмотрел на него.

— Прощай, — повторил Горин, закрывая за собой дверь.

Стоя на небольшой лестничной площадке, Горин и Нигиль с высоты осматривали местность. Она была разделена освещением, словно имевшим два разных источника. Та часть местности, в которой находились доктор с писателем, пронизывалась спокойным желтоватым солнечным светом. Дальше, будто за проведенной кем-то чертой, освещение было ядовито-зеленым, и покрываемое им пространство как будто располагалось в другой плоскости.

— Мне это не нравится, — подвел итог Нигиль. — Кажется, идет какой-то разлом единого мира надвое.

Издали донесся треск, и вдоль линии разлома пролегла небольшая, но четко видимая черная трещина. Денис и доктор стали спешно спускаться. Треск повторился. Потом еще и еще. Внизу на перилах лестницы, свесив пушистый хвост, сидел черный кот и, лениво щурясь, смотрел по сторонам.

— Отдыхает, — на секунду задержавшись, довольно заметил Нигиль.

Но следующий, на этот раз особенно громкий и долгий, треск заставил их перейти на бег.

Когда они приблизились к границе, широкие трещины уже почти слились в одну, лишь кое-где между ними еще оставались узкие проходы. Нигиль и Денис добежали до одного из них, но быстро разрастающаяся трещина пересекла и его. Нигиль отошел, намереваясь сделать разбег.

— Не перепрыгнуть, — попытался остановить его Денис.

— Но если очень захотеть, можно перелететь, — решительно ответил Нигиль и, сделав злое выражение лица, как бы между прочим добавил: — А кто не сможет, тот сам виноват.

Он разбежался и прыгнул, вытянув вперед руки, как при нырянии в воду. Пролетев низко над трещиной, доктор приземлился на живот и, поднимая пыль, проскользил по земле.

— Я могу летать. Я могу летать, — приговаривал Горин, готовясь к разбегу и со страхом глядя на растущую трещину. — Это просто. Надо только не испугаться, не растеряться.

Набрав скорость, он оттолкнулся у самого края бездны, взвился вверх и, теряя высоту, полетел вперед. «Еще немного. Еще самую малость», — судорожно вертелось у него в голове. Нет, он не успевал. Денис вытянулся всем телом, словно пытаясь растянуться, стать длиннее. Ладони его коснулись края земли, и он повис, больно ударившись коленом о стену трещины.

— Руку! Руку! — закричал он.

Нигиль смотрел на Горина холодно, но с любопытством.

— Быстрее! — снова закричал писатель.

Доктор еще какое-то время не трогался с места, а потом вместо того, чтобы подать руку, занес над головой Дениса ногу.

— Ты что?

Нигиль медленно опустил ногу, так же холодно посмотрел на скользящие по краю пропасти пальцы и в последний момент, резко наклонившись, крепко схватил Дениса за запястье.

— Наверное, уже поздно, — сказал он не совсем понятную Горину фразу и неожиданно легко выдернул его из расщелины.

— Ты хотел сбросить меня вниз? — писатель, догнав сразу ушедшего вперед доктора, сильно толкнул его в спину.

— Был такой соблазн, — глазом не моргнув, сознался доктор.

— Но почему?!

— Я не обещал все объяснять. Ты же видишь, здесь много чего непонятного.

— Ты успокоил меня, негодяй.

— Не надо так переживать. Поберегите свои нервы для последующих событий.

— Нет, вы подумайте, и он еще назывался единственным врачом, который может мне помочь! — не унимался Горин, едва поспевая за уверенно шагающим доктором и безуспешно пытаясь подсесть его ногу.

— А что? — все так же невозмутимо сказал Нигиль и вдруг голосом из телерекламы изрек: — Смерть — лучшее средство от всех болезней!

— Шарлатан! — Горин снова хотел толкнуть доктора, но не дотянулся, и сам едва не упал.

— Подумаешь, хотел столкнуть, — продолжил тот на ходу. — Не столкнул же! А если бы даже и столкнул? Ты ведь все равно упал бы. Какая разница — столкнули или сам упал, если результат один и тот же? Но я не только не столкнул тебя, а и самому тебе упасть не позволил. Я спас тебя, — подытожил Нигиль, и Горину вдруг этот аргумент показался убедительным.

— Ну спасибо, — озадаченно пробормотал он.

Дальше они шли молча. Быстро сгущались сумерки. И когда все вокруг погрузилось в полумрак, в небе появилось синеватое зарево. Поднявшись на пригорок, путники остановились. Впереди полыхало огромное синее пламя, образуя гигантский, устремленный в небо конус, у основания которого виднелся такой же конусообразный темный проход. Задержавшись лишь на несколько секунд, Нигиль, ничего не сказав, двинулся дальше.

— Мы идем туда? — тревожно спросил Денис и не получил ответа.

Огненный шатер уже закрывал почти все видимое пространство впереди.

— Ты думаешь, сквозь него можно пройти? — снова забеспокоился Горин. — Мы не сможем приблизиться к такому большому пламени.

— Не переживайте, — в очередной раз перейдя на «вы», заговорил наконец доктор. — Это пламя не греет. Но попавший в него обречен на испепеление.

— Еще одна загадка мира сновидений.

— А может, еще один ответ на еще один вопрос.

Темный треугольник в полыхающей стене был не проходом сквозь пламя, а входом в пустой внутри огненный конус. Денис и Нигиль оказались в огромном зале, своды которого образовывало бушующее и устремляющееся вверх синее пламя. В центре зала висел метров десяти в диаметре прозрачный шар, в котором бурлила густая фиолетовая жидкость. Периодически в шаре открывалось отверстие, и через него жидкость дымящимся водопадом низвергалась в расположенный под сферой бассейн. Зал кишел людьми. Лица некоторых казались Горину знакомыми. Люди

подходили к краю бассейна, раздевались донага и с криками бросались в бурлящую жидкость. Когда они, появляясь в клубах дыма, выходили из бассейна, тела их приобретали фиолетовый оттенок, а глаза становились ярко-красными, как у кроликов. Своим поведением искупавшиеся начинали напоминать частично невменяемых.

— Купель работает круглосуточно, без перерывов и выходных дней! — гулко разнесся по залу голос, напоминавший объявления в аэропорту или на железнодорожном вокзале.

— Пойдемте в купель! Пойдемте в купель! — закричали настырные красноглазые женщины, хватая новичков за одежду и пытаясь растегнуть на них пуговицы.

При этом доктор Нигиль неистово хохотал и утверждал, что боится щекотки, а Горин хмурился, сердито вырывался и изо всех сил старался не смотреть на обнаженные фиолетовые тела.

— Послушайте, друг мой, а чего мы собственно упирались? — сказал доктор, когда они наконец избавились от соблазнительниц. — Мой опыт исследователя подсказывает, что коль мы сюда попали, то нас либо выкупают, либо убьют. Давайте лучше искупаемся.

— А кто сказал, что нам не причинят зла после принятия купели?

— Да кому мы будем нужны, если станем похожими на всех остальных?!

— ...И будем бегать нагишом с невменяемыми красными глазами, как подростки, обкурившиеся травкой, — саркастическим тоном продолжил Горин.

— У вас злой ум и скучный характер, — постарался не остаться в долгу Нигиль. — А как бы сейчас было весело!

В зале снова зазвучало объявление:

— Принявшие купель приглашаются к столу, где будут предложены напиток из крови и отбивные из мяса птицы Феникс. Торопитесь, кто больше съест, тот будет счастливее!

— А почему бы и нам не подкрепиться? — оживился Нигиль.

— Вы тоже верите, что счастье приходит через желудок?

— Господи, попасть на такой банкет и быть таким нудным! Как вам это удастся? Кстати, я могу не есть, я забочусь исключительно о вашем желудке.

— Тогда забудьте об этой вашей заботе. Как вы думаете, она может быть здесь?

— Смотря кого вы больше ищете. Впрочем, я чувствую, что их обеих здесь нет.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ищем выход, ведущий к Дэйве.

— Но я ищу Лору.

— Сейчас это одно и то же.

— Поприветствуем чучело Фортуны! — загремел дикторский голос.

В зал на золоченом пьедестале въезжала ужасная мумия, увешанная ярко поблескивавшими украшениями.

— Через несколько минут состоится жертвоприношение чучелу. В жертву будут принесены не принявшие купель, — продолжил голос, и зал взорвался от восторга.

— Что я вам говорил! — укоризненно воскликнул Нигиль. — Теперь пропадай тут из-за вас!

И в этот момент перед Гориным возник бледный человек в длинном черном плаще и широкополой шляпе. Денис подумал, что он похож на тайного агента из дешевого боевика.

— Вы ищете Дэйву? — холодно спросил агент.

— Да-да-да, — поспешно вмешался Нигиль.

— Я провожу вас, но вам все же придется искупаться.

— Поздно, — рявкнул сзади голос, от которого Горин содрогнулся всем телом. Он осторожно повернул голову и скосил глаза.

— Поздно! — повторил огромный крылатый демон с длинными, закручивающимися, как у винторогого козла, рогами.

— Они пойдут со мной, — авторитетно заявил субъект в шляпе.

— В жертву! — снова рявкнул демон, указав длинным когтистым пальцем на доктора и писателя.

— Они идут к Дэйве! — настоятельно возразил тип в шляпе.

— Нет! — хрипло и раскатисто крикнул демон, все более свирепея.

— Здесь какая-то измена! — угрожающе сказал тайный агент и зачем-то полез рукой под плащ.

Тогда демон схватил агента своими мощными лапами и, оторвав ему голову, швырнул ее через весь зал, обрызгав при этом кровью Горина и доктора Нигиля.

— В жертву! — теперь уже радостно закричал он.

Сверху донесся нарастающий гул, воздух вокруг заколыхался, и из самой вершины конуса понеслись черные всадники. В то же время снизу навстречу им вылетели десятки крылатых демонов, вооруженных топорами, булавами и острыми трезубцами. Всадники врезались в их гущу, и началась ужасающая своим натурализмом, своей обостренной до невероятности реалистично-

стью битва гигантов. Рев и грохот заглушили все другие звуки. Демон, стоявший возле Дениса, поднял перья на загривке, оскалил звериную пасть, выпучил налившиеся кровью глаза, вытянул мощный хвост параллельно земле, растопырил крылья и, стрелой сорвавшись с места, с ревом ринулся в драку.

— По-моему, там выход! — крикнул Горин, устремляясь вперед по эстакаде, ведущей прямо к огненной стене.

Там едва очерчивался какой-то проем. При приближении края его дрогнули и стали сходиться.

— Выход закрывается! — отчаянно кричал Нигиль, догоняя Дениса.

— Не закроется! — твердо ответил Горин и побежал изо всех сил.

В тот же момент сужение входа прекратилось, но через несколько секунд продолжилось.

— Не закроется! — вновь повторил Денис, и края выхода замерли.

Пробежав в узкий проем, который тут же закрылся за ними, Денис и доктор оказались в абсолютно темном пространстве. Позади все еще была огненная стена, которая почему-то ничего не освещала, может быть, потому, что освещать было нечего — кругом царили первозданный мрак и пустота.

— Ты видел, я заставил проход оставаться открытым?! — по-детски похвастался писатель.

— А разве ты еще не понял, что чем дольше ты здесь находишься, тем больше власти над миром сновидений обретаешь, и уже сейчас в момент сильных эмоциональных возбуждений можешь придавать своим словам действительное воплощение? Это же твои сны в конце концов!

— Значит, если я буду здесь очень долго, то обрету способность полностью управлять миром снов?

— Да, но тогда ты станешь лишь частью этих снов, частью другого измерения, и уже не сможешь вернуться в твой прежний мир. Более того, получив возможность иметь все, что захочешь, ты познаешь опустошающее пресыщение, твои эмоции иссякнут, твои сны будут становиться все более серыми, блеклыми, однообразными и в конце концов умрут совсем. А вместе с ними умрешь и ты, сделавшись не способным питать этот мир своим воображением.

— Но почему?!

— Да потому, что сытая борзая след не берет!

— Куда мы пойдем? — после продолжительной паузы спросил Горин.

— Вперед! — махнул рукой Нигиль.

Едва они сделали несколько шагов от огненного шатра, как он погас, словно его и не было, и все вокруг осветилось белым матовым светом. Местность была такой пустынной, что было невозможно понять, как далеко она простирается, ограниченная будто сплошным облачным покровом.

В центре этой ровной, как стол, площади стояло кресло-качалка точь-в-точь такое, как у Дениса дома. В нем, откинувшись на спинку и прикрыв глаза, сидела Лора в своем длинном зеленом платье. Какое-то вяжущееся растение, обильно усеянное мелкими красными цветками, поднимаясь по ногам женщины, опутывало все ее тело и кресло. Приблизившись, Денис увидел, как тугие стебли растения крепко привязывали ее руки к деревянным подлокот-

никам. Раня пальцы острыми шипами, Денис стал ломать и разрывать эти цветастые путы. Лора открыла глаза, но они смотрели не на него, а куда-то вверх.

— Горин, подними голову, — услышал писатель голос доктора.

Там, над креслом, плавно двигая крыльями, неподвижно висела Дэйва. Глаза ее хищно поблескивали, рот широко улыбался, зеленоватого цвета разветвляющийся хвост свисал очень низко, едва не касаясь головы Дениса.

— Я знала, что тебе снова захочется меня увидеть, — сказала она низким, хрипловатым голосом.

— Я пришел за Лорой.

— Неправда. Она — твоё оправдание, а я — твоя цель.

— Умнейшая женщина! — восторженно воскликнул доктор и, тут же получив локтем чуть повыше живота, стал жадно хватать воздух ртом.

— Отпусти ее, — попросил Горин.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Дэйва, — но при условии, что ее место в этом кресле займешь ты. Вместе мы сможем творить чудеса.

-- Но ты правда отпустишь Лору?

— Конечно! — Дэйва, все так же улыбаясь, опустилась ниже, коснувшись длинными тонкими ногами спинки кресла.

— Что ж, я согласен, — решил Горин, уверенный, что сумеет как-то выкрутиться.

— Ах, как это героично! — с насмешкой в голосе воскликнула Лора, освобождаясь от уже поврежденных Денисом колючих стеблей. — Какое самопожертвование! Да знаешь ли ты,

что она вообще существует только потому, что ты этого хочешь или, по крайней мере, недостаточно хочешь, чтобы ее не было?!

— Замолчи! — злобно сверкнув глазами и угрожающе взмахнув хвостом, прервала Лору Дэйва.

— Вот как, — оживился Горин. — В таком случае тебя нет! — воскликнул он, шагнув к Дэйве. — Нет! Нет! Нет! — повторял он, делая перечеркивающий жест рукой.

Дэйва слегка отступила. В лице ее появились неуверенность и даже страх. Но вот она сощурилась, будто прицеливаясь, а затем, широко раскрыв глаза, посмотрела Денису прямо в зрачки. И чем дольше она смотрела, тем больше хищной уверенности появлялось в ней.

— Неправда! — наконец сказала она и, сделав паузу, показала острые клыки. — Я есть!

При этих словах уже выбравшаяся из кресла Лора с разворота залепила Горину пощечину.

— Но почему? — в голосе Дениса выразилось недоумение.

— Это она за дело, друг мой, — вмешался в разговор Нигиль. — Конечно, ты искренне привязался к Ларисе, но в глубине души, пусть даже немножко, хочешь, чтобы была и Дэйва. И с этим ничего не поделаешь.

— Ну вот что, — решительно сказал писатель. — Мы уходим отсюда, и нам никто не сможет помешать.

Он в упор посмотрел на Дэйву. Взгляды их скрестились. Дэйва посмотрела сначала испытывающе, а потом все с большей злостью. Она не могла его перебороть. Зрачки дьяволицы сверкнули красными искорками, и она вдруг с

нарастающей скоростью завертелась на месте, как юла. Сильный гул заглушил голос Нигиля, который, потрясая руками, пытался что-то кричать Горину. Он хотел приблизиться к писателю, чтобы тот мог его расслышать, но поднявшийся ураганный ветер не позволял ему сделать это. Кресло, приподнявшись над землей, также завертелось на месте. Лору, пытавшуюся удержаться за подлокотники, оторвало от земли и завертело вместе с креслом, оказавшимся в эпицентре смерча. Дэйва вращалась уже так быстро, что ее было почти не видно. Горин, с трудом удерживаясь на ногах, потянулся к Лоре. В это время ее оторвало от кресла, бросило в сторону, и она полетела, быстро исчезая из виду. Денис подпрыгнул, давая возможность ветру унести себя за Лорой, но его, развернув, бросило в другую сторону. Куда делся Нигиль — Горин уже не видел.

Денису казалось, что он падает в космос, — так стремителен и долог был этот полет. В глазах его, быстро сменяя друг друга, мелькали картины виденного с начала проникновения в мир снов: подземный лабиринт, Лора в саду, черные всадники, черти с факелами, бал в огненном шатре... Наконец он с грохотом упал на что-то твердое, и стало совсем темно. Слева и справа Денис нащупал какие-то стенки. Попытался двинуться — ноги уперлись в преграду. Он поднял руку над собой — нет, вверх тоже была преграда. Тогда он закричал, ударяя во все стороны руками и ногами. Сверху что-то отвалилось, и он смог сесть. То ли в глазах Дениса медленно прояснялось, то ли помещение, в котором он оказался, наполнялось неизвестно откуда льющимся светом, но он уже

отчетливо видел, что сидит в гробу посреди круглого зала. Присмотревшись, он увидел, что в зале нет ни окон, ни дверей, зато стены, вернее, одна кольцеобразная стена, сплошь расписана картинами. Денис выбрался из неприятного ложа и пошел вдоль живописного панно. На стене попеременно были изображены пейзажи, люди и сцены из его снов, прошлой и настоящей жизни. Никаких намеков на выход не было.

— Это склеп, — сказал он упавшим голосом. — Живописный склеп.

— Ищи, — услышал он едва уловимый, но очень знакомый голос.

Денис осмотрелся — в склепе он по-прежнему был один.

— Ищи, — повторил голос, и Денису показалось, что исходит он от изображения Лоры, сидящей в кресле в ослепительно белом платье.

Денис подошел, тронул ладонью поверхность стены — то же, что и везде. Только глаза ее казались живыми.

— Ты можешь говорить? — спросил он.

Ответа не последовало. Горин вновь пошел вдоль стены, пристально всматриваясь в каждое изображение: мост в пустыне — не то, флигель в саду — не то, улица маленького городка, усаженная тополями и каштанами, — нет, это из детства; вот еще одна знакомая улица, зима, снег, прохожие. Горин, всматриваясь, надавливает руками на стену, она неожиданно прогибается и вдруг прорывается. Денис падает вперед, ощущая холод под ладонями, и быстро поднимается. Да, это он на своей улице, только почему-то одет по-домашнему, да еще и в тапочках. А в чем он был там? Вряд ли в них — давно потерял бы.

— Скользко здесь, — сказала старушка, торговавшая на лавочке сигаретами. — Вы уже седьмой падаете.

Горин снова осмотрелся, все еще не веря в свое возвращение, и вздрогнул, увидев над головой крылатый женский силуэт. Ах, нет! Это всего лишь скульптура, изображающая богиню Аврору сидящей на шаре на высоком постаменте, сделанном в виде античной колонны. Писатель ощутил, что начинает мерзнуть и сначала ускоренным шагом, а затем трусцой направился к своему дому.

Дверь, конечно же, была закрыта на замок. «Придется ее сломать», — подумал Горин и, сам не зная для чего, нажал на кнопку звонка. В квартире послышались шаги. «Юлия! — мелькнуло в голове у Дениса. — Ведь у нее остался ключ!».

Щелкнул замок, дверь медленно отворилась, и за ней показался...

— Доктор Нигиль! — растерянно воскликнул Горин.

— Входи. Чего кричишь на весь подъезд, — невозмутимо отозвался специалист по сновидениям.

— О Господи! Лучше бы мне пришлось ломать дверь.

— Не надо на меня обижаться, — доктор посторонился, пропуская Дениса. — Я сделал для тебя все, что мог. По крайней мере больше, чем хотел. Кстати, где ты нашел другой выход? А впрочем, это уже не важно — иномиры расходятся.

Уже в комнате, слегка отогревшись и отдышавшись после бега, Горин вдруг заметил, как осунулось лицо Нигиля. Оно стало очень

бледным, вокруг глаз образовались темные впадины.

— Ну вот и все, — криво усмехнувшись, сказал доктор.

— Что — все?

— Я ухожу. Навсегда. Знаю, сейчас ты снова задашь свой дурацкий вопрос: «но почему?!»

— Нигиль передразнил, изобразив наивное выражение лица. — Да потому, что я — невидимая часть тебя. В какой-то момент меня стало слишком много, и нам стало тесновато вдвоем. Поэтому кто-то один должен был уйти. Честно говоря, я сначала думал, что это будешь ты. Но ты как-то выкрутился.

Только теперь Горин понял, кого так неприятно напоминал ему Нигиль — его самого. Но как-то карикатурно, как иронично выполненный рисунок с натуры.

— И что теперь? — любопытствовал писатель.

— Ничего. Ты будешь жить в ладу с собой.

— А смогу ли я писать, будучи в ладу с собой?

— Сможешь. Но произведения твои будут совсем иными. Ты уже не сможешь писать тех фантазмагорий, в которых легко угадывалось выражение твоих гипертрофированных подсознательных переживаний.

— И рядом со мной больше не будет тебя?

— А я тебе не нужен, — хитро и как-то неприятно улыбнулся доктор. — Я такой добрый, потому что проиграл. Но если я когда-нибудь вернусь, то ты уже не выберешься.

Нигиль ухмыльнулся и стал бледнеть, делаясь прозрачным.

— Эй, подожди! Ты что, унесешь с собой все, что там было, и я всего этого уже не увижу? Ни в одном сне?

— А что? Есть проблема?

— Оставь мне ее.

— Кого?

— Ну Лору.

— Ах Лору! Да не нужна она тебе точно так же, как и я! Учти, она совсем не такая, какой ты ее себе представляешь, потому что ты и сам уже не тот. Нет, честное слово, сейчас она больше подходит мне, чем тебе.

— Да иди ты!.. — Горин запустил в доктора попавшейся под руки небольшой диванной подушечкой, обшитой по периметру разноцветными лентами.

Доктор поймал ее на лету.

— А я уже и так не здесь, — сказал он и исчез вместе с подушечкой.

Впрочем, через пару секунд его неустойчивое изображение снова возникло между стеной и спинкой дивана.

— Ладно, оставляю, — сказала оно. — Только прошу тебя, выбрось из головы всякую чепуху и будь реалистом.

После этого Нигиль действительно исчез навсегда. Спустя некоторое время писатель Денис Горин окончательно вышел из своего трансового состояния, взбодрился, посвежел, приобрел присущий ему некогда легкий румянец, помирился с Юлией и зажил обычной земной жизнью. А доктора Нигиля и свои путешествия во снах он с удовольствием считал бы болезненным бредом, если бы нашел подушечку с лентами.

Оглавление

Жизнь внутри	5
Дело о черном чемодане	57
Ложная дверь	123
Фобос	165
Точка возврата	189
Зал ожидания	225
Изнанка мира, или Путешествие во снах	249

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич

ИЗНАНКА МИРА

Фантастические были

Книга издана по заказу
муниципального унитарного предприятия «Редакция
газеты «Вестник»

(Сургутский район), редактор газеты — **Г.Ф. Курбатова;**
комитета по культуре администрации
Сургутского района
(председатель комитета — **О.А. Зырянова**)

Корректор М. Кремлева

Сдано в набор 22.06.99 г.

Подписано в печать 1.10.99 г.

Формат 75х90/32. Гарнитура «TimesET».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Уч.-изд. 9,53. Усл.-печ. 11,88.

Тираж 2000. Заказ № 189.

Предприниматель Мандрика Ю.Л.

Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625003, г.Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП
«Уральский рабочий».

620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

X

97972004

Окружная библиотека

ООО
«Сургутгазпром»

Газ для Западной
Сибири и Урала

Вестник

Еженедельная районная газета

Каталожная цена на 2000 г.

На год —	52-00
на полугодие —	26-00
на квартал —	13-00
на 1 месяц —	4-33